

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МИР

ПЕРЕМЕН

Главный редактор

Р. С. Гринберг

Международный совет:

А. А. Акаев (Киргизия), С. Д. Бодрунов (Россия),
В. М. Геец (Украина), М. С. Горбачев (Россия), А. С. Грачев (Россия),
Дж. К. Гэлбрейт (США), М. Земан (Чехия), И. Илиеску (Румыния),
Гж. В. Колодко (Польша), А. Е. Лебедев (Россия), А. Михник (Польша),
А. Д. Некипелов (Россия), П. Г. Никитенко (Белоруссия),
К. Прунскиене (Литва), Р. Скидельский (Великобритания),
О. Сулейменов (Казахстан), Ф. Тишендорф (ФРГ),
Я. Чарногурский (Словакия),
Г. Эрлер (ФРГ)

Учредители:

Институт экономики
Российской академии наук

НП «Редакция журнала «Мир перемен»

2/2020

Международный научно-общественный журнал

№ 2/2020

Журнал зарегистрирован Министерством
по делам телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
ПИ № 77-15089 от 14 апреля 2003 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-55594 от 07 октября 2013 г.

Редколлегия

А. В. Алексеев (шеф-редактор), В. Бачишин, Л. Б. Вардомский,
М. Ю. Головнин, В. И. Куликов, Н. В. Куликова,
Е. К. Мазурова, [И. И. Орлик], А. П. Потемкин, В. А. Самарин,
Е. Ю. Скворцова (отв. секретарь), Г. Д. Толорая, Б. Е. Фрумкин,
Л. Г. Ходов, А. С. Ципко, Е. В. Цымбал,
Т. В. Чубарова, Л. Ф. Шевцова, Б. А. Шмелев

Корреспонденты

И. В. Новикова (Белоруссия)

Группа обеспечения издания

С. Ю. Даянова, В. Ф. Лопухова, А. К. Песков,
А. Г. Пылин, А. А. Дмитриенко (верстка)

Журнал выходит ежеквартально

Сдано в печать 29/07/2020. Подписано в печать 31/07/2020

Формат 70×100/16. Объем 15 п. л. Тираж 1500 экз.

Печать офсетная. Заказ 4222

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский просп., д. 32

Тел.: +7 (499) 724-15-19

e-mail: redaktor.mp@gmail.com; mir-peremen@yandex.ru

www.mirperemen.net; www.imepi-eurasia.ru

При перепечатке и цитировании ссылка
на журнал «Мир перемен» обязательна

Отпечатано в типографии ООО «ТДДС СТОЛИЦА-8»

111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1

©НП «Редакция журнала «Мир перемен», 2020

Слово к читателю

Р. Гринберг. Какой будет новая модель экономического развития? 5

Дилеммы глобализации

Постпандемический мир и Россия: новая реальность? (*МАЭФ-2020*) 9

С. Бодрунов. На пути к ноономике: человек, технологии, общество. 24

П. Раймонди. БРИКС перед лицом глобального системного кризиса 40

Трансформация

Г. В. Колодко. Великая китайская трансформация:
от «третьего мира» к «первому» 51

И. Орлик. Центрально-Восточная Европа: завершение
постсоциалистической трансформации. 66

Е. Калоева. Как пишется история при постсоциализме 81

Экономика

И. Новикова. Системный кризис мировой экономики или кризис
системы? 98

О. Кароза, А. Потемкин, М. Ротшильд. Как инвестиционный
сектор сдерживает рост российской экономики. 110

Социальная сфера

Дж. Огилви. Безусловный базовый доход и радикальный популизм 122

Б. Нолан и Д. Вайстаннер. Безусловный базовый доход и пандемия:
что изменится? 128

Региональные сообщества

Сопряжение интеграционных процессов в Европе и Азии
(*международная научная конференция*) 131

Б. Исламов, Д. Исламов, С. Примова. Роль и место Узбекистана
в реализации инициативы «Один пояс – один путь» 149

Я. Младек. 30 лет спустя: как Вышеградская четверка преуспела
в постсоциалистическом транзите 157

Культура

Ж. Тощенко. Народ всегда прав, даже когда он не прав. 171

Л. Энзель. Смелость быть несовершеннолетним, или имей смелость
не воспользоваться своим разумом 180

У книжной полки

Публикации Института экономики РАН по международным
проблемам в 2019 г. 185

Международный совет 189

Summary 190

CONTENTS

To the Readers

R. Grinberg. What Will Be the New Model of Economic Development? 5

Globalization Dilemmas

Post-Pandemic World and Russia: New Reality? (*MAEF-2020*) 9

S. Bodrunov. On the Way to Noonomy: Man, Technology, Society 24

P. Raimondi. BRICS in the Face of the Global System Crisis 40

Transformation

G. W. Kolodko. The Great Chinese Transformation: from “The Third World” to “The First” one 51

I. Orlik. Central and Eastern Europe: Completion of Post-Socialist Transformation 66

E. Kaloeva. How History Is Written under Post-Socialism 81

Economy

I. Novikova. Systemic Crisis of the World Economy or the Crisis of the System? 98

O. Karosa, A. Potemkin, M. Rothschild. How the Investment Sector is Holding Back the Growth of the Russian Economy 110

Social Sphere

J. Ogilvy. Universal Basic Income and Radical Populism 122

B. Nolan and D. Weisstanner. Universal Basic Income and the Pandemic: What Will Change? 128

Regional Communities

Interface of Integration Processes in Europe and in Asia (*international scientific conference*) 131

B. Islamov, D. Islamov, S. Primova. The Role and Place of Uzbekistan in the Implementation of the “One Belt – One Road” Initiative 149

J. Mladek. 30 Years Later: How the Visegrad Four Succeeded in Post-Socialist Transit 157

Culture

J. Toshchenko. The People Are Always Right, Even When They Are Wrong 171

L. Ensel. The Courage to Be a Juvenile, or Have the Courage not to Use Your Mind 180

By the Bookshelf

Institute’s of Economics RAS Publications on International Issues 185

International Council 189

Summary 190

КАКОЙ БУДЕТ НОВАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ?

Коронавирусная пандемия активизировала поиски новой модели экономики современного мира. Но ведь еще совсем недавно мир не сомневался по поводу того, какая экономика самая эффективная. Только рыночная. Чем свободнее рынок, тем выше благосостояние общества. Корыстолюбие не только не порок, наоборот, – чуть ли не добродетель. Словом, «пороки каждого – благосостояние для всех». Надо только дать простор рыночной стихии, минимизировать государственную активность, развернуть всеохватывающую и быструю приватизацию, а еще коммерциализировать гуманитарный сектор экономики – образование, здравоохранение, науку, культуру.

Сегодня все это под вопросом. Рыночный фундаментализм не оправдал ожидания. Всеобщего благосостояния не получилось. Получилось вопиющее социальное неблагополучие: неслыханное богатство немногих при стагнации доходов средних слоев и широкого распространения бедности и нищеты.

Критика неолиберализма постоянно нарастала после кризиса 2008 г., сегодня же под сомнением сама система рыночного капитализма. Самые активные, если не сказать рьяные, его критики – американцы, законодатели мод в экономике. Назову здесь, на мой взгляд, наиболее авторитетных экономистов – Дж. Стиглиц, Дж. Гэлбрейт, Н. Рубини и П. Кругман. С некоторыми из них мне довелось беседовать, и самым неожиданным было ощущение, что они так или иначе ратуют за пересмотр самой модели современной экономики. Неравенство для них – не главная угроза, а симптом несостоятельности сложившейся системы, которая постоянно воспроизводит ненадежность, незащищенность, нестабильность, беспокойство и страх.

В общем призрак социализма бродит на новом витке истории. Рискну предположить: если наш так называемый реальный социализм не был бы обременен ужасающими репрессиями и игнорированием прав человека, сейчас в США – цитадели капитализма – пришел бы к власти Б. Сандерс, человек не просто с социал-демократическим мировоззрением, а деятель, можно сказать, почти коммунистического толка.

Очень надеюсь, до отмены рыночной организации экономики дело не дойдет. Невольно приходит на ум прямая аналогия с известным замечанием У. Черчилля о демократии как худшем способе управления социумом, за исключением всех остальных. Но действующая сегодня экономическая система будет радикально меняться под напором объективных обстоятельств. Главное из них – стремительное сползание экономики в зону «ошибок рынка», т.е. в те сферы, где взаимодействие частных субъектов рынка просто-напросто игнорирует интересы общества как такового. В первую очередь речь идет, конечно же, о здравоохранении, образовании, культуре и науке, которые из-за постоянного уменьшения господдержки испытывают нарастающие финансовые трудности, угрожающими темпами сокращается доступность граждан к благам жизненно важного значения. Реакция на коронавирусную пандемию – яркое свидетельство неготовности систем здравоохранения к такого рода бедствиям.

Каким будет социально-экономическое устройство в постпандемическом мире? Хочется надеяться, более справедливым, но не утратившим ценности свободы. Во всяком случае, в истории есть успешный опыт «очеловечивания» капитализма. «Новый курс» Ф. Рузвельта (30-е годы), «Новые рубежи» Дж. Кеннеди, «Великое общество» Л. Джонсона, «Благосостояние для всех» Л. Эрхарда (50–60-е годы) – первые удавшиеся попытки создания почти бесклассового общества, когда две трети населения страны составляют зажиточный благополучный средний класс.

Нынешняя реальность в чем-то похожа на послевоенную – как и тогда, в мире буквально вопиет потребность в политике социального выравнивания. Но проблема неравенства – не единственная. Прямо на наших глазах разрушается среда обитания человека. Чтобы этот процесс хотя бы приостановить, надо ограничить два угрожающих человеку феномена, гипериндивидуализм, с одной стороны, и гиперконсюмеризм – с другой. Словом, в будущее экономическое устройство так или иначе должен быть встроен не только социальный, но и экологический императив.

Как же Россия участвует в поисках новой экономической модели? Практически никак. Во многих отношениях она и сегодня ищет свое будущее в прошлом. По давней традиции правят бал у нас две абсолютно непримиримые школы мышления, и обе архаичны. В сущности, речь идет о конфликте «вчерашних» с «позавчерашними», истинно верующих адептов «свободного рынка» с истинно верующими поборниками директивного плана и авторитарного порядка.

Одни хотят в советские 70-е с элементами 30-х, другие – в полуанархические 90-е. Есть и те, кто хочет туда и сюда: наслаждаться приобретенным богатством (90-е) в условиях порядка (70-е). Они, как заметил один остроумный человек, хотят жить, как Р. Абрамович и управлять, как И. Сталин. Некоторым удается.

Нет смысла разбирать представления о будущем сторонников, по сути, возвращения к советской практике директивного планирования, ее итоги говорят сами за себя. Но если исходить из предположения (на мой взгляд, абсурдного) о растущей актуальности военной угрозы, такой взгляд не выглядит странным. Мобилизационная экономика и есть предельно директивная.

Куда интереснее взгляды поборников «свободного рынка», апология которого почти везде, но не у нас, уже вышла из моды. По мнению либералов-рыночников, успешному развитию российской экономики мешает ее «огосударствление». Постоянно возникает цифра 70%, но нигде не говорится, откуда она взялась. В мире принято количественно оценивать участие государства в экономике через отношение государственных расходов к ВВП. Этот показатель в России составляет сегодня 34%, в развитом мире – 45–55%. Так где государство больше вмешивается в экономику и тем самым якобы «вредит» ей? Да и по масштабам частной собственности мы от них не отстаем. По данным Росстата, доля частного сектора в нашей экономике составляет 80%, и это полностью совпадает с величиной тех же показателей по западным странам.

Тем не менее «огосударствление» экономики (и не только экономики) у нас есть, да еще какое! Сменивший ельцинскую полуанархию путинский авторитаризм, с одной стороны, восстановил архаику исполнительной вертикали и вытекающую из нее практику ручного управления, а с другой – сформировал установку бюрократии на повышение эффективности всего и вся через достижение количественных показателей. Все это привело к целому ряду печальных результатов. Политический монополизм легко сочетается с экономическим. Закрепляется единство власти и собственности на всех уровнях. Системный характер приобретает коррупция. Наконец, основной порок такого рода «огосударствления» в том, что государство вмешивается туда, куда не надо, тщательно «опекая», например, частный малый и средний бизнес, и всячески минимизирует свое участие в таких сферах жизни социума, как образование, здравоохранение, культура и фундаментальная наука, где его нечем заменить, если не считать спорадические всплески частной благотворительности. Одно из самых ругательных слов последнего времени – «оптимизация», она уже, по существу, разрушила РАН накануне ее 300-летия, и это, судя по всему, не последняя жертва.

К явно избыточной коммерциализации гуманитарных областей экономики не имеют отношения ни олигархи, ни силовики, ни любые их сочетания. Таков результат работы правительства, к которому, кстати сказать, нет претензий со стороны президента. Забавно наблюдать, как время от времени неистовые ревнители свободного рынка (причем, как правительственные, так и неправительственные и даже

антиправительственные) с серьезным видом объясняют провалы экономической политики страны якобы чрезмерным присутствием государства в отечественном хозяйстве. Еще они любят переживать по поводу незавидного состояния нашего малого и среднего бизнеса, почему-то считая, что только он, освободившись от ограничений, способен наконец осуществить ожидаемый уже почти четверть века модернизационный рывок, на который никогда «нет времени на раскачку». Есть у меня смутные подозрения, что именно эта квазирелигиозная убежденность во всеилии механизмов саморегулирования в сочетании с жесткой антиэтатистской риторикой лежит в основе фактического отрицания промышленной политики и стратегического планирования при вербальном признании необходимости того и другого. Неслучайно соответствующие законы в этой области носят по существу декларативный характер.

Неприятие рыночных механизмов советской властью обосновывалось идеологемой об их несовместимости с сохранением чистоты «социалистических» принципов, что очень дорого обошлось экономике страны, да и самой стране. Стоит ли сегодня повторять ту же ошибку с возможно теми же последствиями, апеллируя не к сложившейся реальности, а к невозможности поступиться принципами теперь уже «чистоты рынка»?..

Руслан Гринберг

ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ МИР И РОССИЯ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Такова была тема онлайн-сессии Московского академического экономического форума (МАЭФ), организованной агентством РИА «Новости» и состоявшейся 14 мая 2020 г. в Москве. Видные российские политологи, экономисты, ученые и эксперты выступили с докладами о влиянии пандемии коронавируса на мировую политическую, экономическую и социальную ситуацию в целом, а также о том, насколько серьезно экономический кризис, вызванный вирусом, затронул основные области российской экономики и социальной сферы. Сделан ряд конструктивных предложений относительно мер, которые следует предпринять российской законодательной и исполнительной власти, чтобы с минимальными потерями выйти из текущего кризиса. Далее приводится сокращенная стенограмма форума.

А. Сергеев (академик РАН, президент Российской академии наук, сопредседатель МАЭФ): Мы около года назад провели первый Московский академический экономический форум в здании президиума Российской академии наук и по его результатам решили, что обязательно должны будем встретиться через год на аналогичном мероприятии и сделать его традиционным. Но так получилось, что в связи с коронавирусом мы должны были, не меняя этой нашей идеи, форум сделать дистанционным. И я очень благодарен нашим коллегам из РИА «Новости» за то, что они организовали такую современную высокотехнологичную площадку для нашего общения и обеспечили большой охват аудитории по всей стране.

Основная задача настоящей сессии МАЭФ – внести вклад в создание общенационального плана действий по преодолению эпидемии в стране. По существу, сейчас речь идет о создании экономики другого качества, и драйверами должны стать и фармацевтическая, и медицинская, и биотехнологическая промышленность.

Сейчас все взоры обращены к науке, и в какой-то степени для нее это тоже момент истины: позволит ли ее организация в разных странах должным образом дать правильный научный ответ на этот вызов. Он возможен, прежде всего, когда есть задел. По прошествии не-

скольких месяцев увидим, как мы сумели среагировать на пандемию, насколько эффективны наши тест-системы, в каком состоянии разработки по созданию вакцины, насколько они перспективны и конкурентны. Нужно повысить роль фундаментальной науки в стране, потому что ее результаты лежат в основе прикладных разработок, внедряемых в промышленность и в медицину.

Еще один важный момент – правильно сосредоточить финансовые ресурсы в науке, для того чтобы она предложила быстрые, правильные и эффективные решения. Мы, российские ученые, сумеем ответить на разные вызовы, которые стоят перед нами.

С. Бодрунов (*доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, президент ВЭО России, президент Международного союза экономистов, сопредседатель МАЭФ*): Мир, как мы уже неоднократно констатировали, задолго до пришедшей в этом году пандемии коронавируса, претерпевает глубокие глобальные изменения. Современная рыночная модель экономики демонстрирует все признаки истощения и требует серьезной трансформации. Как отмечает нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц в интервью, опубликованном в журнале Вольного экономического общества «Вольная экономика», вышедшем специально к нашему Форуму, эта модель «приводит к весьма неприятным явлениям – вспомните хотя бы неравенство в мире, которое только растет и ширится».

В течение последних десятилетий мы наблюдаем сильнейшую за всю новейшую историю поляризацию доходов, причем не только населения, но и между странами, и этот разрыв постоянно увеличивается. Ускоренные темпы роста экономики, успехи технологического развития и т.п. процессы далеко не пропорционально трансформируются в повышение жизненного уровня людей, влекут за собой усиление несправедливости в распределении плодов этого роста. Модель удовлетворения общественных потребностей, которая основана на максимизации прибыли как главном результате деятельности, неизбежно приводит к усилению негативных явлений в мире. Нынешний кризис мировой экономики, спусковым крючком и акселератором которого стала пандемия, высвечивает эти противоречия более ярко.

Эти проблемы актуальны для нас, российского общества и нашей экономики, на что обратил внимание в обращении к гражданам страны президент России, подчеркнув важность усиления ее движения к достижению национальных целей развития, предполагающих повышение уровня социального развития, социальной справедливости.

Каким будет мир после пандемии? Какова будет новая реальность, и будет ли она? Какие тенденции мы будем наблюдать? Каковы будут роль и место России в этих процессах в постпандемическом мире?

А. Аганбегян (*академик РАН, заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, сопредседатель программного комитета МАЭФ*): Тема моего выступления – возможности перехода от кризиса к социально-экономическому росту. Уже в апреле наша страна вступила в глубокий структурный кризис, связанный с тремя причинами: коронавирус, нефтегазовый кризис и последствия семилетней стагнации. Все это привело к оттоку капитала, старению основных фондов, сокращению инвестиций и вложений в человеческий капитал за последние 7 лет, что усугубляется демографическим кризисом и рядом других факторов. Поэтому в 2020 г. у нас будет достаточно глубокий структурный кризис. По моему мнению, валовый продукт уменьшится примерно на 8%, реальные располагаемые доходы – на 8–10%, государственный бюджет – в 1,5 раза, финансовый результат предприятий, организаций – в 2 раза, число бедных увеличится с 18 млн, по крайней мере, до 30 млн, может быть, даже больше.

Этот кризис, особенно в социальном плане, будет намного глубже, чем кризис 2009 г. Напомню, что предыдущий кризис в России был глубже, чем в 20 ведущих державах. ВВП сократился почти на 8%, а потребление и розница – на 5%. Сейчас будет намного больше, тем более учитывая, что располагаемые реальные доходы до кризиса в период стагнации уменьшились на 8%, число бедных уже выросло в предыдущие годы на 5 млн.

С моей точки зрения, для изменения сложившейся ситуации необходимо тратить 10–15 трлн руб. в год. Из них на бюджет безвозвратных денег уйдет около 4 трлн, может быть, максимум 6 трлн в последующие годы. Основная масса пойдет на низкопроцентные или даже беспроцентные кредиты, естественно, с государственным возмещением банкам кредитной ставки. Пока Центральный банк недостаточно активно участвует в кредитной политике. Он ужесточил условия кредитования граждан, повысил некоторые процентные ставки, не снизил проценты предоставления новых кредитов гражданам. Правда, снизил ключевую ставку на 0,5% и обещает снизить еще на 1%, но этого недостаточно. Если взять другие страны, например США, там бюджет израсходовал 2 трлн долл., и сейчас предполагается еще 0,5 трлн. ФРС снизила ставку с 2,5 до 0–0,25%, рассчитывая потратить 6 трлн – втрое больше, чем бюджет. Европейский центральный банк 1 трлн евро уже израсходовал и собирается тратить еще, выдавая большие кредиты.

Крайне важно Центральный банк РФ сделать банком социально-экономического развития и повернуть банковскую систему к решению соответствующих задач. Банковские активы – основной денежный мешок в 96 трлн руб. – в 2,5 раза больше всего консолидированного бюджета вместе с внебюджетными государственными

фондами. Эти гигантские средства, которые сейчас не очень эффективно используются, могли бы послужить развитию страны.

Возникает уникальная возможность перейти из кризиса к социально-экономическому росту, а не вернуться в стагнацию. Кризис содержит мощнейший механизм выхода из нее. Уже сейчас большая часть промышленности на территории страны с 1 мая начала работать. Люди не пойдут в отпуска. Они, естественно, будут интенсивно работать, чтобы возместить потерю доходов и, конечно, это даст огромный импульс.

Чтобы перейти к социально-экономическому росту, нужно перейти к форсированному увеличению двух его главных драйверов: инвестиций в основной капитал и вложений в экономику знаний, т.е. в человеческий капитал. Они должны ежегодно увеличиваться на 10–15%, и тогда к 2023 г. мы сможем перейти на 3%-ный рост, с 2025 г. – на 4%-ный и, если продолжим, то с 2030 г. – на 5%-ный рост. Но для этого нужно повысить долю инвестиций в ВВП с 17 до 22–25% к 2023–2025 гг., до 30% – к 2030 г., а главное – увеличить долю экономики знаний с 14% хотя бы до 20–25%, а к 2025 г. – до 30–35%, как в западноевропейских странах и США.

А. Дынкин (*академик РАН, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, вице-президент ВЭО России, сопредседатель программного комитета МАЭФ*): Это не стандартный финансово-экономический кризис, как, скажем, азиатский 1997–1998 гг., и не Великая рецессия 2008–2009 гг. Кризис 2020–2021 гг. – это так называемый экстернальный кризис, связанный с внешним для хозяйственной деятельности событием, в данном случае – с пандемией. В мире инфицированы уже почти 4,5 млн человек и треть миллиона скончались – страшные цифры для мирного времени. Они отражают достигнутый уровень глобализации.

Но даже в этих условиях большой неопределенности можно прогнозировать, что пандемия ускорит уже наметившиеся структурные и институциональные изменения и в обществе, и в экономике, и в глобальном управлении, и в политике. В цифровых технологиях совершается прорыв, который, в обычное время произошел бы не раньше конца 2020-х годов. IT, сектор телекоммуникаций, онлайн-сервисы, производство и продажа цифрового контента, гик-экономика, т.е. работа через цифровые платформы по контракту получили большое ускорение. На фоне пандемии рыночная стоимость, скажем, авиаперевозчиков, нефтедобывающих компаний, автомобильных компаний, капитализация цифровых платформ, как мы ее называем, FANG (Facebook, Amazon, Microsoft, Google), демонстрирует высокую устойчивость. В целом резко ускорилось применение методов удаленной работы. К данному виду деятельности лучше адаптированы высококвалифицированные работники в таких сферах, как професси-

ональные деловые услуги, образование, корпоративное управление, чем люди низких квалификаций – продавцы, водители, строители.

Ясно, что в госуправлении необходимо адаптировать руководство на опережение, причем на всех уровнях: на федеральном, региональном и муниципальном. Это же справедливо и для корпоративного сектора, и для малого и среднего бизнеса. Сегодня очевидно обращение политических лидеров во всех странах к научной экспертизе. На мой взгляд, в фундаментальных исследованиях приоритетными станут биология, медицина, генная инженерия, вирусология. Если говорить про инновации, то здесь завершится переход к так называемым нелинейным инновационным моделям, сегодня это видно по тем усилиям, которые предпринимаются для разработки антивирусной вакцины.

Основные риски российской экономики связаны с низким уровнем мирового спроса на нефть. Хотя после вступления в силу с 1 мая соглашения ОПЕК+ цена Urals выросла в 3 раза от минимального падения апреля, уровень 30 долл. за баррель, для России не комфортен.

То смягчение карантинных мер, которое началось в мае, а также достаточно достоверный прогноз рекордного урожая зерновых в этом году дают основания для крайне осторожного оптимизма. Но оговорюсь, что сейчас оперирую экономическими категориями. Если осенью нас накроет вторая волна эпидемии, оценки придется пересмотреть. Именно этим объясняется такая среднесрочная таргетированная, эшелонированная антикризисная политика правительства, которая учитывает не только текущие, но и перспективные риски. На подходе очередная пакет поддержки. Он будет касаться в основном секторов реальной экономики. Скажем, я ожидаю решительных мер по поддержке цифровой экономики и экономики связи.

Согласен с Абелом Гезевичем, сверхзадача антикризисного управления – получить на выходе более эффективную экономику, более совершенные институты, чем на входе, и это то, о чем всегда говорил Е. Примаков, в правительстве которого я работал. Диаметрально противоположной стратегии придерживается администрация США. Там очевидно стремление решить проблему одним мощным финансовым ударом, и это результат двух обстоятельств.

Во-первых, США с их колоссальным бюджетом на здравоохранение (17% ВВП; скажем, в Италии это всего 9%), оказались, в общем, совершенно беспомощны перед первой волной вируса. Количество погибших в стране уже далеко превзошло число потерь во время вьетнамской, афганской и иракской войн вместе взятых, и Д. Трамп сравнивал текущий момент с Перл-Харбором и с 11 сентября 2001 г.

Во-вторых, отступать администрации некуда, 3 ноября выборы. Поэтому могу сказать, что в США приняли финансовую политику военного времени. Госдолг приближается к концу 2020 г. к 107% ВВП. В последний раз такой уровень госдолга в стране был в 1946 г. – 106%.

Одновременно включены все три не конвенциональных инструмента – нулевая ставка, количественное смягчение и вертолетные деньги. При решении таких краткосрочных и отчасти популистских задач, они, конечно, повлекут за собой клубок проблем, который может усугубить ситуацию глубокого спада при вполне возможной второй волне эпидемии. Сегодня избыточная эмиссия денег при рекордно низких процентных ставках рискует привести к финансовым пузырям, к разгону инфляции, которая при одновременном росте безработицы чревата стагфляцией и другими плохими последствиями.

А. Некипелов (*академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ имени М. В. Ломоносова, вице-президент ВЭО России*): Хотел бы остановиться на некоторых возможностях макроэкономической политики в преодолении кризиса, вызванного пандемией. Мы все знаем, что в нашей экономике особую роль играет топливно-энергетический сектор, в частности нефтяной. Это влечет за собой определенные последствия – прежде всего повышенную зависимость от волатильности мировых цен. Так что, как и все нефтеэкспортирующие страны, Россия весьма уязвима к шокам со стороны спроса. В таких странах доходы бюджета зависят от поступлений нефти и, соответственно, от цен на нее.

Следовательно, ключевая задача заключается в правильном выборе макроэкономической модели, которая обеспечивала бы оптимальный баланс между решением текущих проблем, связанных с внешними шоками со стороны спроса, и долговременным развитием экономики, ее диверсификацией. Что нового внесла пандемия? Российской экономике, и в значительной степени другим экономикам, пришлось испытать три основных шока. Первый вызван падением спроса, из-за чего пришлось останавливать производство; второй – микроэкономический – связан с изменениями в структуре самого производства; и третий шок обусловлен беспрецедентным падением цен на нефть.

Такая комбинация шоков приводит к сокращению налоговых поступлений, резкому росту проблем балансирования государственного бюджета, очень сильно обостряются и социальные проблемы. Во всех странах финансирование государственных расходов выходят на передний план.

Возникает вопрос, как балансировать бюджет. Возможностей здесь немного. Можно использовать государственные резервы в валюте, которые в России накоплены. Это вполне разумная мера, хотя совсем не означает, что сама политика накопления резервов была оправданной. Но, как бы то ни было, сегодня, разумеется, было бы странно не использовать имеющиеся резервы. Нужна продуманная программа, нацеленная на государственный импорт потребительских благ, в том числе и лекарств, товаров производственного назначения. Но рост денежного предложения будет содействовать и увеличению степени

загрузки производственных мощностей. Одновременно нужно активизировать, а не свертывать крупные государственные инвестиции с привлечением частного сектора, т.е. основанные на частно-государственном сотрудничестве.

Будет ли в этих условиях инфляция? Конечно, будет. Сам характер шоков предопределяет неизбежность инфляции в любом случае. Но главная задача макроэкономической политики – поддержание сейчас производства и занятости, создание условий для предотвращения массовых неплатежей и долгового кризиса. Это, кстати, рассматривается как серьезнейшая проблема и в развитых странах, в том числе и в США, где многие экономисты считают, что после реализации крупных пакетов помощи день расчетов обязательно придет, и тогда возникнут крупные проблемы. Инфляция может колебаться в пределах до 10%, но есть возможность удержать ее в этих рамках, что будет способствовать переходу на ту траекторию роста, о которой говорили коллеги.

Б. Порфирьев (*академик РАН, член Президиума РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член президиума ВЭО России, сопредседатель программного комитета МАЭФ*): Остановимся на специфической теме, связанной с развитием пандемии и с перестройкой экономики и касающейся сохранения или, напротив, не сохранения «зеленого тренда» в экономическом развитии. Что, собственно, привнесла пандемия? В экологической обстановке, как ни странно, произошли определенные улучшения: оборотная сторона кризиса, когда падение производства привело к тому, что экологические показатели улучшились. В целом по миру ожидается снижение уровня выбросов примерно на 5%, но есть и более высокие показатели. В Китае в целом сократились вредные выбросы приблизительно на 30%, в Нью-Дели, который многие годы был чемпионом, – на 27%, в Сеуле – на 50% и т.д. Довольно привлекательные обстоятельства.

Конечно, ситуация временная, и, когда экономика будет восстанавливаться, эти показатели тоже будут меняться в другую сторону. Кроме того, нужно иметь в виду и определенную противоречивость тех экологических последствий, которые связаны с нынешним кризисом. В частности, падение цен на нефть привело к ее удешевлению, соответственно, выросло ее конкурентное преимущество, как и углеводородов вообще, – оно несколько повысилось по сравнению с теми альтернативными источниками, на которые сейчас пытается сделать ставку энергетический сектор в ряде стран. Этой конкуренции довольно серьезно опасаются и некоторые специалисты.

Пандемический кризис радикального переворота в «зеленом тренде» не совершает. Напротив, он играет роль своего рода катализатора тех структурных и производственно-технологических трансформа-

ций, которые собственно начались до пандемии. Прежде всего речь действительно идет о тех принципиальных вещах, о которых говорил Абел Гезевич Аганбегян. В первую очередь отмечу модернизацию структуры экономики в пользу увеличения доли услуг, в том числе услуг той сферы, которая связана с образованием, медициной и т.д.

В этом же смысле очень важны те перемены, которые возникают и которые необходимо продолжить в сфере экономики знаний. С моей точки зрения, в экономике знаний ядро будет больше смещаться в сторону здравоохранения, причем речь идет не только о клиническом его сегменте, но и о медицинской науке и медицинском приборостроении, т.е. гораздо шире.

Основной драйвер при этом – вложения в энергоэффективность. Вот главный потенциал и снижения издержек, и повышения эффективности и производительности, и снижения вредных выбросов и выбросов парниковых газов. Это беспроигрышно, что называется, win-win решение данных проблем.

Для укрепления этой тенденции нужно использовать сложившуюся ситуацию. Как говорили классики, кризис – слишком ценное время, чтобы его терять просто так. Вспомним опыт, использованный в период кризиса 2008–2009 гг., когда страны, принимая антикризисные пакеты, существенную их часть отвели именно вложениям в устойчивое развитие и, в том числе, в «зеленую экономику». От общего объема антикризисных пакетов, скажем, в США эти вложения составили 12%, в Германии – 13, во Франции – больше 20%. Но чемпионами были прежде всего Китай – с 38% и Корея – 80%, причем китайский пакет был наибольшим: 220 млрд долл. Это позволило КНР в те годы не только выйти из кризиса, но и существенно изменить структуру экономики за счет как повышения ее эффективности, так и ее большей экологизации. Этот опыт нам стоит учесть.

К. Корищенко (*доктор экономических наук, заведующий кафедрой фондовых рынков и финансового инжиниринга факультета финансов и банковского дела РАНХиГС при Президенте РФ*): Сосредоточусь на том, что связано со структурными изменениями, которые кризис не то чтобы создал, но ярко проявил. То, что формировалось задолго до самой пандемии, получило развитие в последние несколько месяцев. Прежде всего, стало ясно, что происходят серьезнейшие изменения в трех сферах экономики: производстве, продаже и потреблении.

Самые главные изменения касаются продажи-сбыта. Фактически на первое место выходят, хотя эта тенденция была еще докризисной, так называемые маркетплейсы, т.е. те точки, те центры, в которых продаются не только конкретные продукты или бытовые товары, но и осуществляется комплексный сбыт, фактически там сводят покупателя и продавца в интернете. Это в свою очередь ставит на первое место то, что связано с логистикой и с доставкой.

Что произошло в сфере экономики? Сейчас уже большинство успешных компаний фактически стали глобальными и транснациональными. То же самое происходит с технологиями. В настоящее время технологические возможности, созданные в одной стране, достаточно быстро распространяются по миру и позволяют компаниям осуществлять бизнес там, где им это более выгодно. Дело здесь упирается прежде всего в стоимость рабочей силы. Что же будет дальше? Будут изменяться трудовые отношения, причем кардинально, что и наблюдается в последние несколько месяцев. На передний план выходит проблема, связанная с формированием и обрамлением цифровой личности. То есть данные конкретного человека становятся ключевым элементом его жизни.

Уже упоминалась работа из дома. В США это был активно развивающийся процесс. Сейчас то же самое происходит в России. Как следствие, дальнейшее стирание границ. Конечно, возникает проблема идентификации личности, и здесь роль государства велика, но все равно понадобятся сервисы идентификации.

Изменяются взаимоотношения между компаниями и людьми. Постепенно для экономики станет характерным, что один человек будет работать на несколько компаний, сидя дома.

Как в таком случае может измениться наш образ жизни? Во-первых, сократится рабочая неделя. Фактически уже многие признают, что не нужна пятидневка, можно обойтись несколькими часами в офисе. Во-вторых, как следствие, это приведет к тому, что люди будут перебираться из центра за город. Соответственно, очень большие изменения произойдут на транспорте. В результате такого перемещения в конечном счете можно будет наблюдать, как постепенно наша активность сосредоточивается в виртуальном мире. Сейчас бурными темпами развиваются сервисы, связанные с виртуальной и дополненной реальностью.

Эти изменения сформировались до кризиса, но во время него они проявились очень резко, и можно через, условно говоря, год-полтора увидеть совершенно другой образ функционирования экономики по сравнению с докризисным.

Р. Нигматулин (*академик РАН, член Президиума РАН, научный руководитель Института океанологии РАН имени П. П. Ширшова, член правления ВЭО России*): Что же нас ждет, и какие потери мы можем понести в связи с пандемическим кризисом?

В последнее время, после 2013 г., наша экономика находится в очень тяжелых условиях. Мы развиваемся в разы медленнее, чем большинство стран мира. У нас ВВП на душу населения меньше, чем в бывших соцстранах, чем в Португалии, Турции и даже в странах Прибалтики. Это отставание увеличивается и будет увеличиваться, если не изменить существующую политику.

Основные параметры экономики и страны – экспорт углеводородов, объем импорта, величина консолидированного бюджета, денежные доходы населения к ВВП, ВВП на инвестиции – в последние 10 лет практически не меняются. Они немного меняются под воздействием какого-либо кризиса, а затем остаются примерно постоянными. Задача в том, чтобы по параметрам предыдущего года определить, что же будет в 2020 г. По проекту федерального бюджета инфляция должна составлять 3%, но в связи с девальвацией рубля на 13% она может вырасти до 5,6%. Однако в связи с ослаблением покупательной способности населения и способности правительства управлять инфляцией составит около 5%.

Как сказываются на производстве «каникулы», которые объявил президент, «при сохранении рабочих мест и доходов граждан»? Предприятия разделим на два типа: высокоэнергоёмкие, и сферу услуг, которая потребляет мало энергии. Первые сократят свои затраты за 8 недель на 2,5%, а вторые – примерно на 2,6%.

По нашей оценке, ВВП уменьшится, во-первых, в результате падения производства на 7,5% (на самом деле есть риск, что потери будут больше), во-вторых, за счет сокращения экспорта. Мы рассмотрели три сценария: оптимистический, базовый и тяжелый. В оптимистическом сценарии цена нефти – 42 долл., о чем упоминал В. Путин, и сокращение объема экспорта на 10%. В базовом сценарии предполагается: цена нефти – примерно 30 долл. за баррель, потери ВВП – около 15%, в том числе за счет сокращения экспорта – 9,5 и уменьшения инвестиций – 1,5%. При этих показателях – 7,5%, 1,5 и 9,5% – нас ожидает падение ВВП: если ничего не делать – на 18,5%, а по тяжелому сценарию – до 23–25%.

Что же делать? Нужны компенсации. У нас есть резервы. Следует компенсировать потери консолидированного бюджета. К сожалению, министр финансов заботится только о федеральном бюджете, тогда, когда есть консолидированный бюджет: федеральный, региональный и три фонда – социальный, медицинского страхования и пенсионный. Необходимо компенсировать 34% потерь ВВП. Эти 34% – одна из констант, которая в последнее время практически не менялась.

Конечно, необходимо компенсировать недополученные денежные доходы работников из-за «каникул». Это около 56% потерь, или 4% ВВП (примерно 4,5 трлн руб.). По нашему мнению, рекомендуемые компенсации должны составить 11% ВВП, или 12 трлн руб. Эта цифра совпадает с той, которую рекомендует Абел Гезевич Аганбегян. В результате потери ВВП, при реализации нашего сценария, могут составить почти 7,5%. 12 трлн руб. – это 80 тыс. руб., или 3 тыс. долл. на душу населения по паритету покупательной способности.

Европа выделяет 6–9 тыс. долл. на душу населения. Мы убеждены, чтобы не потерять 2021 г. нужно, как говорит академик А. Аганбегян

гян, деньги вкладывать в население, в работу, в двигатель экономики, и они придут в бизнес. Важно сохранить этот мощный двигатель. Бизнесмены же должны не просить деньги, а брать кредиты.

Пандемии теперь будут повторяться, что уже давно предсказывалось. Поэтому надо увеличить до европейских норм финансирование нашего здравоохранения. Сейчас в целом на него расходуются 5,3% ВВП, в том числе 3,5% ВВП за счет федерального бюджета, регионального и страхового фонда. Необходимо к 2024 г. поднять эти показатели до 7,5% и потом до европейских норм.

Необходимо повысить активность науки, руководство наукой должно вникать во все кардинальные проблемы страны, влиять на правительство, на власть. Еще раз: обязательно поддерживать деньгами народ как двигатель экономики и влиять на власть.

А. Клепач (*заместитель председателя (главный экономист) Внешэкономбанка, член правления ВЭО России*): Первое. У меня и моих коллег менее катастрофичные оценки спада в экономике. Если говорить о снижении ВВП, то это около 5% при цене на нефть 34 долл. за баррель. Нынешний уровень расходов и антикризисные меры меньше, чем в 2008–2009 гг., но они внесут определенный вклад в поддержание экономики и доходов населения. По нашим расчетам, сокращение ВВП уменьшится в этом году где-то на 0,6% и поддержит примерно один процентный пункт реальных доходов населения. Безусловно, последствия шока от коронавируса и падения цен на нефть весьма существенные, но система мер поддержки работает.

Существует много рисков, связанных с тем, как мы будем выходить из кризиса. Многие антикризисные меры заканчивают свое действие в течение этого года, что даст скорее откат в потреблении и доходах населения на следующий год. В рамках бюджетного правила придется сократить расходы бюджета по сравнению с тем, что заложено в законе о бюджете на 2021 г. Чтобы план восстановления и перехода к новому качеству роста был реальным, надо модифицировать бюджетное правило, иначе существенного результата не получим.

В настоящее время реализуется пакет мер, направленных на поддержку доходов населения и малого бизнеса. Тем не менее для инвестиций его эффект крайне ограничен. Пока решено не распечатывать Фонд национального благосостояния, за исключением только тех средств, которые тратятся по бюджетному правилу на текущие расходы. Если мы хотим получить реальный план восстановления экономики, надо направить средства на инвестиции.

Второе. Значительная часть нагрузки и ответственности ложится на регионы. Поэтому надо серьезно менять характер экономических взаимоотношений между федеральным центром, федеральным бюджетом и регионами и предоставлять им необходимые ресурсы.

Третье. О долгосрочных перспективах. Какие бы ни были сейчас прогнозы цен на углеводороды, при всей значимости этого комплек-

са, все равно его вклад в экономику будет относительно сокращаться, и это особенно обостряет поиск альтернатив. Здесь уже говорилось о медицине, микробиологии и фармацевтике. Это сектора, которые сейчас растут, но модель их развития должна серьезно меняться. Наше здравоохранение по сравнению с Европой и США, где на него тратится намного больше денег, оказалось очень уязвимым. Следовательно, нужно менять не только финансирование, но и само качество здравоохранения, в том числе за счет создания новых методик, технологий, базирующихся не только на антибиотиках, но и на всем комплексе микробиологических исследований. Это вызов и для фундаментальной науки, о чем Александр Михайлович говорил в самом начале, и в этом плане модель развития фундаментальной медицины должна меняться.

Четвертое. Борьба с коронавирусом потребовала многих ограничений от всех, но здесь важно доверие к власти. Нужно понимать, что если мы его потеряем или оно будет существенно подорвано, то выход из кризиса будет осложнен, поскольку связан не только с экономическими обстоятельствами, речь идет о духовном здоровье нации и политической стабильности.

Р. Гринберг (*член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент ВЭО России, сопредседатель Организационного комитета МАЭФ*): Вчера Институт экономики подготовил и отправил в Отделение общественных наук РАН серьезный доклад с предложением мер, которые следует принять в России в ответ на кризис, вызванный пандемией. Назову некоторые положения доклада, связанные с будущим.

Обычно говорят, что будущее будет другим. Часто повторяют как мантру: этот кризис уж такой глубокий, и депрессия такая страшная, что возникнет новая реальность, новая нормальность. На самом деле это большое преувеличение. Такое происходит редко. Самый яркий пример – кризис 2008–2009 гг., когда тоже считалось, что чрезмерная финансовая экономика больше невозможна, что надо взять ее под контроль, финансовый сектор должен быть служанкой реальной экономики, а не господином. Так утверждали очень серьезные и авторитетные люди. Но, когда жизнь наладилась, то все об этом забыли. Если не коронавирус, то мы не осознали бы, что стоим на пороге нового кризиса и что он очень напоминает кризис 2008–2009 гг.

Впрочем, бывают исключения. Например, когда глубокая депрессия вызывает всеобщее стремление изменить устройство социально-экономической жизни. Конечно, сначала кризис 1929–1933 гг., затем 1930-е годы и Вторая мировая война убедили, что прежняя модель рыночной экономики работать не может. Государство всеобщего благосостояния в итоге состоялось, и надо сказать, что это практически были золотые годы всего капитализма, когда можно было

говорить о почти бесклассовом обществе. Например, Б. Клинтон или Г. Шредер из совсем бедных семей стали руководителями своих стран. Соотношение 20/80 получилось, когда 80% можно было отнести к среднему классу, а 20% – как придется. Это продолжалось целых 20 лет, а потом наступило новое время. Но попытка сорвалась.

Что же будет после этого разрушительного кризиса? Правда, нет худа без добра, чем глубже депрессия – тем больше шансов для более справедливого общества. Когда я сказал об этом Дж. Стиглицу, он долго смеялся и ответил: «Может быть, вы правы». В конце концов, главная задача заключается в том, чтобы отказаться от той модели, которая 30 лет назад господствовала в мире и привела, по мнению Дж. Стиглица, к такой ситуации. Он считает, что установка на радикальный либерализм, на всемогущество свободного рынка привели к тому, что все три вызова, перед которыми стояло человечество еще до пандемии, вызваны именно этой доктриной, нацеленной на прибыли без производства, на «trickle down capitalism» (капитализм просачивания): помогать богатым, для того чтобы всем потом было хорошо.

Кстати, возвращение геополитики в своем самом отвратительном виде с угрозами и подозрениями – тоже следствие, как полагает Дж. Стиглиц, ориентации на неолиберальную догматику. Равно как и социальные конфликты, особенно когда выяснилось, что белые, образованные, богатые американцы впервые в истории живут хуже своих родителей, и все выглядит очень бесперспективно. Так что даже после освобождения от пут пандемии мы можем получить прежнее общество, и надо снова готовиться к очередному провалу.

Преодолимо ли это или фатально? Мне кажется, что преодолимо, поскольку такое уже было. Другое дело, что новое общежитие людей должно быть в новом формате. Назовем его социально-экологическое рыночное общество. Первая попытка создать его на Западе почти удалась в 1950–1960-е годы. Кстати, и в СССР тоже, если считать, что средний класс возник, конечно, более бедный, чем на Западе, но все-таки средний класс.

Российская экономика 30 лет как приговорена к периодическим кризисам, к провалам нефтяных цен и экономики. Когда цены растут – растет и экономика, цены падают – падает экономика. Каждый раз повторяется и мантра о том, что у нас нет времени на раскачку, мы должны экономику сделать несырьевой. Если это не получится, то нам придется готовиться к очередному кризису.

А. Ведев (доктор экономических наук, заведующий лабораторией финансовых исследований Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара): Во-первых, падение доходов населения надо компенсировать из общественных фондов, причем рассчитывать в категориях не реального ВВП или реального располагаемого дохода, а номинального ВВП. Для этого использовать в порядке приоритета

Фонд национального благосостояния, денежную эмиссию, внешние займы. К внутренним займам относился бы осторожно, поскольку они дорогие, и в будущем мы столкнемся с проблемой обслуживания дорогого внутреннего долга.

Во-вторых, потенциальный рост. То, что мы плохо растем, стало ясно уже осенью 2019 г. Именно тогда возникла дискуссия в экономическом блоке правительства. Министерство экономики обвинило Министерство финансов в крайне жесткой бюджетной политике, а Центральный банк, соответственно, в крайне жесткой денежной политике. Банк России высказался против политики финансового стимулирования, а Министерство финансов отстаивало макроэкономическую стабильность. Сейчас риторика принципиально изменилась. Министерство финансов уже не настаивает на профицитном бюджете, значит оно будет больше давать экономике, чем забирать. Рассматривается увеличение внешнего и внутреннего долга, введены налоговые льготы. Это крайне стимулирующая финансовая политика, которую надо сохранить на ближайшие годы, а не только по выходу из пандемии. Денежная политика также направлена на смягчение. Полагаю, что реальную нейтральную процентную ставку с 2–3% можно снизить даже до нуля. Важно, что в ближайшее время профицит ликвидности снизится, и банки будут рефинансироваться Банком России.

Немаловажно и то, что фактически происходит двойное таргетирование, т.е. Центральный банк нацелен не только на инфляцию, но и на курс рубля, что, конечно, обеспечивает дополнительную финансовую стабильность.

Банковская система пока чувствует себя нормально. Доминируют государственные банки, что, без сомнения, достаточно удобно для правительства при реализации антикризисных мер. Но, зная лobbистские возможности госбанков, думаю, что они переложат все риски на государство и сохраняют свой достаточно высокий финансовый результат. Эта ситуация комфортна, но, на мой взгляд, опасна для будущего банковской системы, которая должна содействовать экономическому росту, а не получать рекордные прибыли. Смягченную финансовую политику надо сохранить, и тогда она будет содействовать устойчивому экономическому росту в будущем.

А. Сергеев: В основном мы имеем дело с конструктивной, а не с деструктивной интерференцией. Большая часть выступающих солидарна с общим пониманием ситуации: «коронакризис» – это существенный шок, который пришел к нам, но наша экономика, будучи сырьевой, зависящая от ситуации на нефтегазовом рынке, была недостаточно устойчивой, и то, что произошло – это не только влияние коронавируса, но и следствие нашей неподготовленности к пандемии и падения цен на нефть.

Серьезно аукнулась и региональная неоднородность страны, когда, с одной стороны, львиная доля средств и ресурсов идет на развитие небольшого количества агломераций, а с другой – именно агломерации оказались наиболее уязвимы во время кризиса. Правильное пространственное развитие страны – очень важно, и этим предстоит заниматься. Должно появиться много новых полюсов экономического роста, которые не обязательно должны быть десятиллионными агломерации, такими как Нью-Йорк, Москва.

Эффективный выход из кризиса смогут обеспечить инвестиции в те отрасли, которые должны стать драйверами новой экономики, в частности, в телекоммуникации, фармацевтическую, биотехнологическую и медицинскую промышленность. Мы должны сформулировать серьезный, четкий документ, в котором будут просуммированы позиции всех участников, и в ближайшее время передать его в правительство.

С. Бодрунов: Дискуссия получилась конструктивной. Многие институты РАН и научно-аналитические центры, не входящие в его систему, также заняты поиском достойного выхода нашей экономики из сложившейся ситуации и обеспечения национальных целей развития.

Позвольте выразить искреннюю благодарность сотрудникам Российской академии наук, Вольного экономического общества России, Международного союза экономистов за подготовительную работу. Отдельная благодарность РИА «Новости» за прекрасную техническую подготовку и поддержку на всех этапах сегодняшнего мероприятия.

С. Бодрунов

**НА ПУТИ К НООНОМИКЕ:
ЧЕЛОВЕК, ТЕХНОЛОГИИ, ОБЩЕСТВО**

Принципиальные положения концепции нового индустриального общества второго поколения (ННО.2) и ноономики, постулирующие переход в перспективе к новому осознанию человеком своего бытия, ценностей и задач, отход от «зоопринципов» современной экономической парадигмы в пользу продвижения в рамках формирующейся ноокритериальной платформы развития человека и общества, получили неожиданное подтверждение.

Актуальный вывод

Начало 2020 г. с высокой степенью вероятности стало началом нового периода в развитии экономики и общества. Сперва робкие предвестники нового финансового кризиса и нефтяной шок, а затем все более мощное наступление пандемии COVID-19 поставили перед человечеством и перед нашей страной – как наиболее актуальные, в абсолютно практической уже плоскости – те проблемы, которые еще недавно казались сферой абстракций и представляли интерес преимущественно для социальных философов и футурологов. Это проблемы глобальных угроз, выдвигающих на первый план задачи обеспечения здоровья, жизни, стабильности, а не темпов экономического роста и прибыли. Мы такой поворот предвидели и не раз писали об этом в своих работах¹.

Сергей Дмитриевич Бодрунов – доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества (г. Санкт-Петербург).

¹ Бодрунов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР имени С. Ю. Витте, 2016. С. 143; Бодрунов С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция. 2018. С. 134–140, 182–184.

В данной статье хотелось бы напомнить читателю суть этого поворота и указать как на общее направление решения проблемы, так и, в особенности, на конкретное развитие отношений солидарности, ассоциированного производства и потребления. Именно они стали все более активно прогрессирующими практиками в последние годы, с одной стороны, и своеобразными индикаторами развития новой экономики, более продвинутой в формировании экономической реальности НИО.2 – с другой.

Эти наши исследования представляют собой еще один, не затрагивавшийся в предыдущих работах, аспект (и в некотором смысле дополнение) тех выводов, которые были сделаны автором ранее в развитие идей ряда российских ученых². Речь идет об обосновании необходимости реиндустриализации российской экономики³, применении практики стратегического планирования, разработке и реализации активной промышленной политики, реальном развитии государственно-частного партнерства и интеграции высокотехнологичного производства, науки и образования с целью достижения не только высоких темпов экономического роста, но и высоких результатов в сфере технологического, социально-экономического и культурного развития.

Это весьма важно, во-первых, само по себе (высокие технологии есть имплементация передового научного знания – базового экономического ресурса новоиндустриальной экономики, и использование этого ресурса стало важным условием вхождения в очередной технологический уклад и интенсификацию экономического роста и развития). Во-вторых, из-за того, что именно технологическая модернизация экономики нашей страны (и только она суть необходимое условие!), проведенная на передовой основе, позволит решить социальные задачи нынешней России и обеспечить ее успешное конкурентное будущее.

Все эти конкретные положения были и остаются слагаемыми общей концепции продвижения цивилизации к НИО.2 – системе отношений и институтов экономики, где главную роль играет высокотехнологичное знаниеемкое материальное производство. И далее – к нооэкономике, пространству, которое лежит «по ту сторону» собственно экономических отношений, миру, в котором человек выполняет преимущественно творческие функции.

Подчеркнем, глобальные проблемы, резко обострившиеся в 2020-м, подтверждают наш общеконцептуальный вывод: человечество может

² Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России. М., 2003; Глазьев С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс. М.: Книжный мир, 2017.

³ Бодрунов С. Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / Монография / Изд. 2-ое, перераб. и доп. В двух частях. Вып. 2. СПб, ИНИР, 2015.

и должно двигаться к ноономике, где трансформируются, переходя в новое качество, приоритеты частного присвоения, «производства денег из денег» при финансовых трансакциях и т.п. явления и где на первый план выходят задачи скоординированного развития человека на базе качественно нового типа материального производства.

Более того, мы неоднократно писали⁴, что продвижение к ноономике – это объективный тренд, помешать реализации которого может только глобальная катастрофа (технологическая, экологическая, социально-политическая), что чревато сохранением и продолжением негативных трендов нынешнего мирового экономического развития. Катастрофа пока не наступила, но пандемия, безусловно, стала тем явлением, которое указало на актуальность поиска и скорейшей практической реализации шагов по направлению к иной, нежели основанная на финансиализации и рыночном фундаментализме, системе общественных отношений и экономических институтов.

Сделанный нами задолго до коронавируса вывод сегодня оказался сугубо актуальным.

Собственность имеет значение

Задача данной статьи, однако, – не только и не столько напоминание о высказанных нами идеях, сколько попытка сделать очередной шаг в теоретическом развертывании обозначенной концепции, исследовании социально-экономических отношений и институтов, которые должны сформироваться с тем, чтобы сделать максимально эффективным и наименее конфликтным продвижение к НИО.2 и ноономике.

Такая стратегически ориентированная аналитическая задача обусловливает необходимость изучения не только процессов функционирования экономики, но и объективных социально-экономических отношений и их экономико-волевых форм – институтов. Под ними мы, в соответствии с мировыми традициями, понимаем не только определенных акторов, но и правила игры, причем – как формально-юридические, так и неформальные, но реально действующие в экономике.

Для понимания этих проблем необходимо обратиться к феномену под названием «собственность». Его исследование наиболее активно ведется в рамках институциональной и политико-экономической

⁴ Бодрунов С. Д. Гиперразвитие финансового капитала как глобальная цивилизационная угроза // Мир перемен. 2018. №4; Бодрунов С. Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России, 2018. №2 (56). С. 5–13; Бодрунов С. Д. К вопросу о ноономике // Экономическое возрождение России. 2019. №1 (59). С. 4–8.

традиций. В последнем случае речь идет об объективном отношении между людьми, посредством которого осуществляется владение, распоряжение и присвоение тех или иных объектов собственности – вещей, денег, информации и даже человеческих качеств. Существенно, что при политико-экономическом подходе обращается внимание не только на формы собственности (частная, общественная и их производные), но и на конкретно-историческое содержание этих отношений. Так, за формой частной собственности «капитал» может скрываться и рабовладение, и наемный труд, а за формой общественной собственности – государственно-бюрократическое отчуждение народного достояния от граждан или безграничное присвоение общественных благ, принадлежащих каждому (как, например, в общедоступной библиотеке).

В рамках институциональной теории справедливо отмечается, что собственность – это сложная система институтов, многоаспектный пучок прав собственности. Ее исследование предполагает междисциплинарный подход, т.е. рассмотрение не только политико-экономических и институциональных, но и философских, юридико-правовых, социальных аспектов. Эти теоретические предпосылки будут лежать в основе ряда последующих выводов.

Как таковая собственность – одно из важнейших отношений и, соответственно, один из базовых институтов, которые обеспечивают прогресс (если они адекватны вызовам технологий) или регресс (если они неадекватны задачам технологического и социального прогресса) экономики.

Мы рассматриваем технологические сдвиги как важнейший фактор, вызывающий сдвиги в общественном устройстве, подводящие нас к порогу НИО.2. Вместе с изменением технологической основы производства меняются и все его остальные компоненты – характер труда, продукта, организации производства. *Но главное, что следует подчеркнуть, – все эти изменения влекут за собой изменения в экономических отношениях, в характере отношений собственности, присущих этому новому поколению индустриального общества.*

Даже на современном этапе развития общества, еще до того, как состоялся переход к НИО.2, можно заметить тенденции в эволюции отношений собственности, ведущие к их социализации и «размыванию». Отношения собственности, в особенности частной, должны были закреплять за собственником бесспорное право владения, пользования и распоряжения экономическими ресурсами. Однако уже давно эволюция экономических отношений привела к обрастанию собственности различными обременениями, призванными обеспечить социальную ответственность собственника.

Взять хотя бы многочисленные сервитуты земельной собственности, дающие возможность третьим лицам осуществлять в определен-

ных пределах права пользования земельным участком (право прохода и проезда, право доступа к источникам воды, право прогона скота, право доступа к участкам побережья, право прокладки коммуникаций и т.д.). Существуют многочисленные ограничения и обременения права собственности, касающиеся строительной, транспортной и промышленной деятельности, связанные с обязанностями обеспечения требований безопасности, санитарного режима, соблюдением определенных стандартов качества, экологическими требованиями и т.п.

Особое внимание следует обратить на эволюцию отношений интеллектуальной собственности как регулирующих экономический оборот главного ресурса современного и особенно перспективного производства – знания. Здесь видны такие явления, как краудсорсинг, викиномика, free software, open source, copyleft и т.д. Все это ведет к развитию режимов свободного доступа к интеллектуальным ресурсам.

Вместе с тем происходит достаточно жесткая борьба за «огораживание» интеллектуальной собственности. Это соответствует в развитии отношений собственности двум прямо противоположным тенденциям, которые можно проследить в современной экономической системе: интенсификации приватизации и размыванию права собственности вплоть до полного отказа от нее.

Эти изменения можно сравнить с тем, что происходило столетия назад в Европе (особенно интенсивно – в XVIII-XIX вв.), когда под влиянием технологического прогресса (индустриализации!) одна система отношений и институтов собственности (феодалная) медленно и неравномерно трансформировалась в другую – частнокапиталистическую.

Начало не менее глубокой трансформации мы переживаем и сейчас. Под влиянием генезиса нового качества технологий вследствие начала перехода к новому индустриальному обществу второго поколения и далее – к ноономике, началась трансформация отношений собственности и капитала. Эта трансформация, еще раз подчеркнем, противоречива. С одной стороны, присутствует тренд отчуждения собственности от большинства, концентрации богатства в руках 1% населения – то, что Д. Харви обозначил категорией «dispossession»⁵, и что можно перевести как «лишение собственности». Но, с другой стороны, есть и прямо противоположная тенденция – отказ от отношений присвоения, распоряжения и даже использования посредством развития форм *совместного выполнения этих функций потенциально неограниченно широким кругом акторов*. Первая тема в данном случае не затрагивается, а вторая – обозначается как проблема «отказа от собственности».

Проявления и формы последнего тренда хорошо известны и активно развиваются в современной экономике. Это различные при-

⁵ Harvey D. The New Imperialism. Oxford. Oxford University Press. 2003. P. 144–149.

меры совладения, соиспользования, сопотребления, сороботы (большинству в настоящее время более известны англоязычные термины: *sharing, coworking, coliving* и др.). Эта тенденция получила разные наименования, – *collaborativeconsumption, collectiveconsumption, gigeconomy* – но наиболее широко употребляемым стал термин *sharing economy* (шеринговая экономика).

На пути к нооэкономике: шеринг

Стоит заметить, что явления шеринговой экономики – отнюдь не современного происхождения. Она имеет корни еще в архаических сообществах, и есть исследования, где прослеживается как взаимосвязь этих архаических отношений (в том числе отношений дарообмена на принципах реципрокности) с шеринговой экономикой, так и отличия между ними⁶. Более современные примеры шеринговой экономики, существовавшей в XX в. в небольших локальных сообществах, преимущественно сельских (в том числе в форме кооперативов) показаны в работе Ф. Мосманна⁷.

Однако значительное внимание исследователей шеринговая экономика привлекла только в начале XXI в., и это было связано с быстрым ростом ее новых форм на платформе современных информационных и телекоммуникационных технологий. Во втором десятилетии XXI в. происходит взрывной рост публикаций по шеринговой экономике (рис. 1).

Одним из первых отреагировал на этот феномен в 2004 г. Й. Бенклер в своей книге «Делиться по-хорошему: о разделяемых благах и о зарождении шеринга как способа экономического производства». Он сразу же подчеркнул, что в шеринговой экономике меняется природа критериев и мотивов человеческой деятельности: «шеринг в области разделяемых материальных благ и коллективное производство информации, программного обеспечения и, в широком смысле, культурных благ схожи с идеальным рынком в их общественных характеристиках, но с социальными сигналами и мотивациями, заменяющими деньги как средство генерировать информацию и мотивировать деятельность»⁸.

⁶ *Belk R. Sharing // The Journal of Consumer Research. Volume 36. Issue 5. February 2010. P. 715–734.*

⁷ *Mosmann P. C. Renaissance of Shared Resource Use? The Historical Honeycomb of the Sharing Economy // Perspectives on the Sharing Economy. Edited by D. Wruk, A. Oberg and I. Maurer. Cambridge Scholars Publishing. 2019. P. 32–33.*

⁸ *Benkler Y. «Sharing Nicely»: On Shareable Goods and the Emergence of Sharing as a Modality of Economic Production // The Yale Law Journal. Vol. 114. P. 273–358. P. 343.*

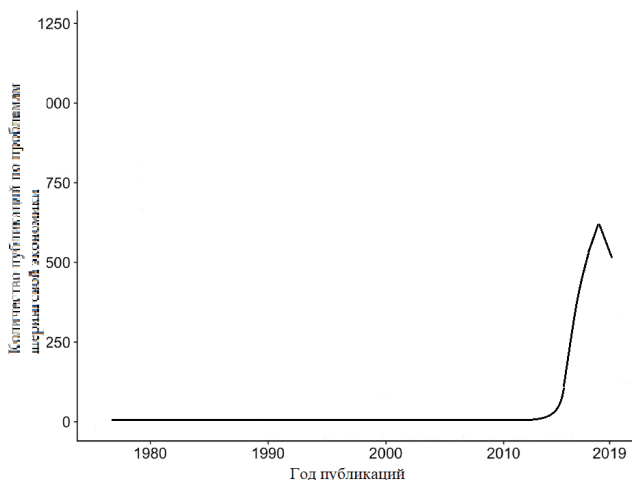

Рис. 1. Динамика журнальных публикаций на некоторые современные экономические темы, включая шеринговую экономику (по данным базы Scopus от 02.09.2019)

Источник: *Laurenti R., Singh J., Cotrim M.C., Toni M., Sinha R. Characterizing the Sharing Economy State of the Research: A Systematic Map // Sustainability. 2019. 11. P. 9.*

Этот вывод, сделанный в 2004 г., когда шеринговая экономика делала самые первые шаги, может показаться чересчур поспешным. Другие теоретики не отрицали утилитарные мотивы в шеринговой экономике, хотя и подчеркивали, что ее основы прямо противоположны принципу частного владения⁹.

Действительно, дальнейшее развитие шеринговой экономики демонстрирует сочетание различных мотивов, среди которых экономическая рациональность, основанная на денежных расчетах, тоже присутствует. Эмпирические исследования, проведенные уже на базе существенно более широко развернувшейся шеринговой экономики, привели к выводу, что в рамках этого типа экономического взаимодействия складывается комбинация «эмоционального и рационального принятия решений, как мотиваций, основанных на индивидуальных интересах, так и просоциальных мотиваций, компенсации в обмене, основанных на денежном и неденежном вознаграждении...»¹⁰.

Эти тезисы имеют большое значение: здесь западные авторы, принадлежащие к «основному течению» экономической мысли, специально выделяют неденежные, общественные ценности и мотивы как

⁹ *Belk R. Sharing // The Journal of Consumer Research. Volume 36. Issue 5. February 2010. P. 728–730.*

¹⁰ *Torrent-Sellens J. Collaborative Behavior and the Sharing Economy: Pan-European Evidence for a New Economic Approach // Strategy and Behaviors in the Digital Economy. Edited by Orlando B. London. IntechOpen. 2018. P. 6.*

важное слагаемое новых отношений, складывающихся в шеринговой экономике.

Зафиксируем это, ибо для наших последующих размышлений и выводов указание на генезис отношений, идущих дальше чисто рыночных экономических взаимодействий, принципиально важно. В самом деле продвижение к ноономике предполагает развитие не-денежной, если угодно, постденежной мотивации, и в данном случае мы видим реальные практики, идущие именно в этом направлении. Таков лишь один из аспектов рождающегося на наших глазах генезиса ассоциированных форм производства и потребления.

Какими же побудительными мотивами и факторами определяется современное широкое распространение шеринговой экономики?

Главный из них – практическая мотивация отказа от собственности в пользу иных, более простых, более дешевых, более прогрессивных с социальной, экологической и этической точек зрения способов использования благ, нежели собственность на них.

Все исследователи, независимо от их научной ориентации, констатируют, что потребители «вместо того, чтобы покупать вещи и владеть ими, хотят получать доступ к благам и предпочитают платить за практику временного доступа к ним»¹¹. Подтверждает это и М. Мангер: «люди, по существу, не нуждаются в вещах. То, чего они хотят – это поток услуг, который обеспечивают вещи в течение определенного времени»¹².

Выбирая совместное проживание, модель «делимобиль» (или совместное пространство для работы), акторы всякий раз исключают такие негативные аспекты собственности, как обременение, зависимость от объекта и функций собственности, ответственность («Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить общему благу» – гласит п. 2 ст. 14 Конституции ФРГ¹³) и т.п.

Более того, во всех этих случаях происходит своеобразное «расслоение», «расщепление» собственности по нескольким линиям: присвоение-владение-распоряжение-использование; распределение каждого из элементов пучка прав собственности между множеством акторов в пространстве и (или) во времени; и (или) по функциям (акционер-менеджер-работник); по властным полномочиям.

Последнее требует комментария: власть и собственность – коррелируемые понятия. Собственность предельно обеспечивает власть

¹¹ Bardhi F., Eckhardt G. M. Accessbased consumption: The case of car sharing // The Journal of Consumer Research. 2012. N 39(4). P. 881–898.

¹² Munger M. C. Tomorrow 3.0: The Sharing Economy // The Independent Review. Volume 20. Number 3. Winter 2016. P 391.

¹³ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Vom 23. Mai 1949 // Bundesgesetzblatt. 1949. Nr. 1.

собственника по отношению к объекту собственности (вплоть до таких форм, как рабоВЛАДЕНИЕ). Соответственно, нарушение прав собственности, как правило, связано с использованием волевых отношений – формально-правовых или неформальных, вплоть до преступных, насильственных действий. Названные формы приводят к постепенному расслоению властных полномочий, а вместе с тем к «засыпанию» властных аспектов общественных отношений в сфере производства в широком смысле слова (в единстве с обменом, распределением и потреблением).

Отсюда вывод: значение власти как института при ноопереходе будет снижаться/размываться/расщепляться (что и происходит в историческом процессе). Соответственно, и роль государства как субъекта властных полномочий, обобщенного *владельца* прав на развитие общества, при продвижении к ноономике будет снижаться.

Перед нами, таким образом, объективный тренд: эволюционное, постепенное, но неуклонное продвижение по пути развития различных форм и аспектов ассоциирования собственности. Речь идет не о практиках «кавалерийской атаки на капитализм», а о самых современных, зарождающихся в сферах высоких технологий формах совместного использования в процессе труда, в свободное время, при потреблении самых разнообразных благ: знаний и информации, зданий и сооружений, оборудования, транспортных средств и даже средств обеспечения жизнедеятельности.

Выделим *основные блоки шеринг-экономики*:

- распределение различных правомочий собственника между различными акторами экономики (акционерами, менеджерами, работниками и др.);
- совместное использование факторов производства (коворкинг, лизинг, аутсорсинг и т.п.);
- совместное потребление (каршеринг, коливинг и др.)
- просьюмеризм (соединение производства и потребления в одном процессе);
- и многое другое.

Оборот современной шеринговой экономики составляет сотни миллиардов долларов в год. Только в Китае, согласно докладу консалтинговой фирмы iiMedia Research, оборот шеринговой экономики достиг в 2019 г. 1,05 трлн долл., а в 2020 г. может составить 1,28 трлн долл.¹⁴. Доля шеринговой экономики приблизилась тем самым к 8% ВВП Китая.

Наибольший удельный вес в шеринговой экономике имеет каршеринг, и его рост стал одним из наиболее важных индикаторов развития всего сектора (рис. 2). Рост каршеринга обогнал самые оптими-

¹⁴ China sharing economy market to exceed 9 trln yuan: report // Xinhua. 2019–11–02. (http://www.xinhuanet.com/english/2019-11/02/c_138523206.htm).

стичные прогнозы. Так, в августе 2016 г. предполагалось, что в 2025 г. число пользователей достигнет 36 млн¹⁵, но уже в 2018 г. их число превысило 50 млн!

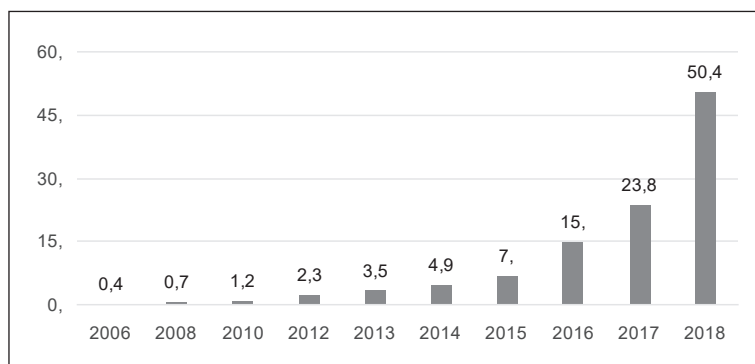

Рис. 2. Рост количества пользователей услуг каршеринга (млн чел.) 2006–2018 гг.

Источник: расчеты автора

Помимо классической аренды автомобилей и каршеринга, существуют проекты развития сервисов, предоставляющих транспортные средства по подписке и другими путями¹⁶. Шеринговая экономика развивается не только в сфере временного совместного использования автомобилей, но и в такой консервативной сфере, как недвижимость. На российском рынке недвижимости развивается относительно новый сегмент предложения – апарт-отели и коливинги. Первые предлагают возможность временного использования комфортабельного жилья с сопутствующими услугами (уборка, стирка, доставка еды), вторые – возможность сэкономить на совместном найме и использовании жилых помещений.

Съем квартир вскладчину несколькими жильцами практиковался и раньше, но теперь девелоперы строят специальные жилые комплексы, предназначенные именно для такого вида аренды. Девелоперы чутко реагируют на изменение предпочтений нового поколения потребителей: «Арендовать, а не покупать – тренд последних лет, ведь новое поколение потребителей не хочет тратить время и деньги на владение имуществом, предпочитая платить за то, чем действительно пользуется» – отмечает коммерческий директор Санкт-Петербур-

¹⁵ Number of car sharing users worldwide from 2006 to 2025 // Statista Research Department. August 2016. (<https://www.statista.com/statistics/415636/car-sharing-number-of-users-worldwide/>).

¹⁶ Об этом подробнее см.: Головкин П. В мегаполисах будущего пассажир станет пользователем // ИГ-Наука. 22.01.2020.

бургской компании ГК Docklands development. Эту же тенденцию отмечает вице-президент компании Vesar Asset Management: люди поколения Z не стремятся зарабатывать безумные деньги, владеть квартирами и машинами, приобретать предметы роскоши. Они дорожат гибкостью и свободой, которую дает совместное потребление, аренда и другие механизмы шеринговой экономики¹⁷.

Такой ее стремительный рост поддерживается значительными инвестициями в нее. Желание все большего числа людей пользоваться, не становясь собственниками, вызывает соответствующее внимание со стороны бизнеса, и инвестирование в шеринговую экономику растет стремительными темпами (рис. 3).

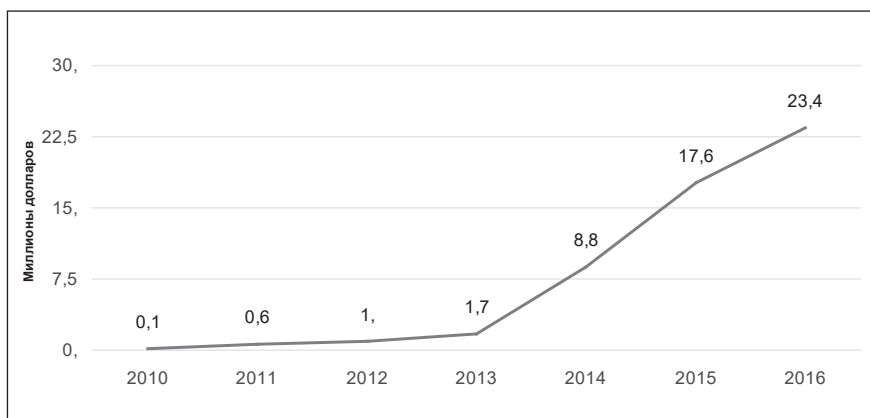

Рис. 3. Кумулятивные инвестиции в шеринговые стартапы, 2010–2016 гг. Источники: Wallenstein J., Shelat U. Hopping aboard the sharing economy. Boston Consulting Group. Henderson Institute. August 22. 2017. P. 5 (http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Hopping-Aboard-the-Sharing-Economy-Aug-2017_tcm104-168558.pdf).

Таким образом, *развитие шеринговой экономики – это феномен, который представляет собой одну из важных форм изменения структуры экономики, накладывающейся на изменение сути отношения собственности, на пути к новому качеству общественного развития – НИО.2 и ноономике*. Генезис последних, в свою очередь, рождается объективным процессом – технологическим развитием, которое на определенном этапе приводит к необходимости социализации собственности и, в частности, к шерингу, что еще раз подтверждает правомерность сформулированного нами вывода.

На тот несомненный факт, что именно развитие современных технологий привело к быстрому росту шеринговой экономики, обращает внимание большинство исследователей этой темы. «... Шерин-

¹⁷ Романова А. Шеринг в недвижимости – экономика бедности или разумного потребления? // Фонтанка.ру. 02.02.2020. (<https://www.fontanka.ru/2020/01/29/061/>).

говой экономике, – пишет, например, П. Байлунг, – способствовали достижения в технологии наравне со сдвигом предпочтений потребителей от благ к услугам и от собственности к аренде»¹⁸. Р. Белк также подчеркивает, что современная практика шерингового обмена имеет две общие черты: «применение ими моделей временного доступа к используемым потребительским благам и услугам, не основанным на владении собственностью; их опора на Интернет и в особенности на Web 2.0, чтобы добиться этого»¹⁹.

Фактически шеринговая экономика выступает в качестве переходной экономической формы, сочетающей в себе как утилитарно-экономические, так и неэкономические мотивы. «...Сложился общий консенсус относительно того, что любой тип шеринговой экономики, вероятнее всего, принесет более широкий круг доступных возможностей для своих участников и, возможно, более серьезное внимание к долгосрочным целям, таким, как устойчивое развитие, равно и расширяющаяся опора на социальные, нежели на экономические сигналы при обеспечении организованной экономической деятельности»²⁰.

Вглядываясь в феномен шеринговой экономики, А. Сундарараян задается вопросами: «Капиталистическая или социалистическая? Коммерческая экономика или экономика дарообмена? Рынок или иерархия? Глобальное или локальное экономическое воздействие? Регулирующий арбитраж или саморегулируемое волеизъявление? Централизованная или децентрализованная оценка стоимости? Правомочный предприниматель или бесправный трутень? Ликвидация рабочих мест или создание работы? Изолированные или взаимосвязанные сообщества?». Его собственное мнение таково: «Как вы можете представить себе сейчас, ответ на каждый из этих вопросов в шеринговой экономике – да»²¹.

Понятно, что сочетание столь противоречивых тенденций не может не вести и к противоречивым последствиям. Наряду с размыванием прав собственности и ростом круга акторов, включенных в отношения собственности, развивается и обратный процесс концентрации капитала и экономической власти в руках ограниченного круга собственников.

Подчеркнем: встроенность шеринг-экономики в капиталистическую систему отношений делает ее внутренне противоречивой. Наряду с прогрессивной тенденцией размывания системы прав частной

¹⁸ *Bylund P.* Is the Sharing Economy Exploitative? // Mises Institute. 08/24/2018. (<https://mises.org/power-market/sharing-economy-exploitative>).

¹⁹ *Belk R.* You are what you can access: Sharing and collaborative consumption online // The Journal of Business Research. Volume 67. Issue 8. August 2014. P. 1595–1600.

²⁰ *Sundararajan A.* The Sharing Economy. The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. Cambridge, Massachusetts: MIT Press. 2016. P. 27.

²¹ *Ibid.* P. 156.

собственности и снижения издержек для потребителя ряд ее форм несет и тенденцию увеличения социального отчуждения. Это касается, в частности, так называемой *gig economy*, связанной с использованием частичной, временной и т.п. занятости, которая, как правило, не создает для работников социальных гарантий, может приводить к чрезмерному увеличению продолжительности рабочего времени и нарушению других социальных норм. Кроме того, важно иметь в виду и то, что развивающиеся в настоящее время формы ассоциирования противоречиво сопрягаются с мировыми трендами роста концентрации богатства в руках финансового капитала.

Ряд исследователей отмечает, «что шеринговая экономика служит маской для интенсификации неолиберальных экономических практик, и что наличие аутентичных практик шеринга действует как идеологическое прикрытие доминирования чисто рыночной логики»²².

Еще одна важная черта исследуемого нами феномена: *шеринговая экономика в достаточной мере неоднородна по структуре*. Значительная часть ее выступает как частный бизнес, основанный на традиционных критериях рентабельности, и участие в нем пользователей также мотивируется экономически – возможностями снизить издержки потребления. Однако и в таком бизнесе, еще более в экономике свободного доступа, пробивает себе дорогу тенденция отказа от многих функций собственности. Нет необходимости владеть и распоряжаться, достаточно лишь пользоваться.

Не только шеринг...

Высшей формой отказа от отношений собственности выступает *общедоступность использования благ* (то, что в постсоветском марксизме названо «собственностью каждого на все»²³, простейшими примерами чего служат публичная библиотека или википедия).

В значительной мере переход к временному использованию собственности без приобретения права распоряжения, а часто и владения, определяется возросшей скоростью технологических изменений. Нет экономического смысла приобретать в полную собственность агрегаты, которые через несколько лет устареют. Нередко собственник таких агрегатов может брать на себя дополнительные обязательства перед пользователем по их ремонту и модернизации.

²² Pedroni M. Sharing economy as an anti-concept // First Monday. Volume 24. Number 2–4. February 2019. (<https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/91113/7732>).

²³ Бузгалин А. В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. №2.

Другая тенденция, также ведущая к размыванию собственности, – дробление капитала. Не зря современная «экономическая теория прав собственности» так много внимания уделяет проблеме расщепления правомочий и размывания прав собственности. Уже возникновение акционерной собственности ведет к еще более сложному расщеплению прав собственности, нежели на владение, пользование и распоряжение. Акционеры уже не обладают правом собственности на капитал в полном объеме. Более того, совокупность их правомочий зависит от типа акций и объема пакета акций.

Функции присвоения в рамках отношений собственности также претерпели большую эволюцию: уже в первой половине XX в. стало очевидным, что произошло расщепление данных функций между владельцами капитала и управляющими. К этим проблемам обращался ряд исследователей (Т. Веблен²⁴, А. Берли и Г. Минз²⁵, С. Чейз²⁶ и др.) еще до того, как Дж. Бернхем получил известность, блеснув ярким термином «революция управляющих» и утверждением, что капиталистическое общество сменяется менеджеральным²⁷.

На самом деле расщепление функций собственности – еще более глубокое явление, нежели их деление между акционером и управляющим. Дж. К. Гэлбрейт²⁸ показал, что реальное использование капитала переходит в руки целой армии специалистов, образующих «техноструктуру» корпорации. Но и это еще не все. Ведь конечным пользователем элементов капитала выступают все наемные работники, хотя, разумеется, каждый из них выполняет лишь небольшую частичную функцию.

Сейчас вместе с технологическим прогрессом на место «синих» и «белых» воротничков приходят роботы и искусственный интеллект. Что происходит с отношениями собственности, когда ряд функций переходит от людей к техническим существам? Как, например, быть с ответственностью пользователя в случае, если аварию совершил робот-водитель? Ответственность за ущерб может быть возложена на владельца, а ответственность за нарушение правил дорожного движения?

Функции пользования и даже распоряжения уже начинают понемногу «уплывать» от человека. Дальше эволюция в этом направлении лишь ускорится.

Вследствие принципиально иной, практически беспредельно широкой доступности/возможности удовлетворения разумных челове-

²⁴ Veblen T. The Engineers and the Price System, 1921. Kitchener. Batoche Books. 2001.

²⁵ Berle A. A., Means G. C. The Modern Corporation and Private Property. New York: The Macmillan Company. 1932.

²⁶ Chase S. A New Deal. New York. The Macmillan company. 1932.

²⁷ Burnham J. The Managerial Revolution. What is happening in the world. N.Y. A John Day Book. 1941. P. 71.

²⁸ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

ческих потребностей в НИО.2 резко упадет значение базового отношения присвоения продукта. Как, заметим, и основного, по мысли классиков марксизма, противоречия капитализма: между общественным характером производства и частным способом присвоения. Производство станет «отделенным» от человека, а «присвоение» – актом простого и предельно доступного удовлетворения потребности без ущерба прочим индивидам.

Основы диффузии и размывания прав собственности, развития ассоциирования собственности материальны и лежат в сфере технологических изменений. Под влиянием НТП по мере постепенного продвижения к НИО.2 и ноономике значение собственности как инструмента наиболее надежного удовлетворения потребностей падает; потребности все чаще можно удовлетворять, не владея собственностью *абсолютно*, а лишь используя предмет собственности *частично*, присваивая либо результаты владения им временно, либо владея только отдельными полномочиями в отношении него (типа права пользования).

При этом, с одной стороны, развитие шеринг-экономики есть результат (и, как указывалось, в определенном смысле индикатор) влияния НТП на экономические формы удовлетворения потребностей. С другой стороны, шеринговая экономика способствует повышению эффективности использования ресурсов, снижению затрат, удешевлению и повышению качества удовлетворения потребностей, высвобождению времени и многому другому. Все это, собственно, есть слагаемые продвижения экономической реальности к экономике НИО.2 и далее – к ноономике.

Безусловно, эти процессы социализации собственности развивались и ранее, но имели ограниченное распространение и были, как правило, недостаточно результативны и в технологическом, и в экономическом, и в социальном отношениях, ибо всякий раз, в условиях предыдущих социально-экономических и технологических укладов, проявлялись в недостаточно эффективных формах. Речь идет о кооперативах, коллективных предприятиях и иных формах *«экономики солидарности»*. Именно поэтому ни кооперативы, ни коллективные предприятия не получали и не получили широкого распространения в мировой экономике, оставаясь отдельными более или менее удачными примерами типа мондрагонской группы кооперативов в Испании²⁹.

Эти формы, при их в принципе перспективно-прогрессивной направленности, слишком радикально и формально уничтожали те частные прогрессивные достижения, которые принесла экономике частная капиталистическая собственность. Ее отрицание должно быть не грубо насильственным, а позитивно-экономическим, вно-

²⁹ Об этом подробнее см.: Колганов А. И. Опыт ESOP и мондрагонских кооперативов // От наемного труда к свободному. Самоуправление или «третий путь» в экономике. Под ред. С. Федорова. М.: Слово, 2001.

сящим начала ассоциированности там и тогда, где и когда они дают бóльшую эффективность и базируются (становятся эффективно реализуемыми) на прогрессивных технологических достижениях, обеспечивая в то же время при этом сохранение адекватно значимых отношений частного присвоения и распоряжения. Именно таковы и перечисленные формы совместного использования благ в производстве и потреблении, диалектически сочетающие частные и ассоциированные начала. При этом активное развитие данных форм, приобретающее в последние годы ускоряющийся характер, стало возможным с переходом к новому технологическому укладу в рамках начавшейся четвертой индустриально-технологической революции.

Какими же могут быть пути продвижения в экономику НИО.2 и ноономику, соответственно, пути предотвращения негативных трендов, становящихся все более заметными в настоящее время?

Сейчас, в 2020 г., можно сделать самый главный акцент: мы стоим на пороге качественно новых вызовов и угроз. Это не только начинающийся мировой экономической кризис и пандемия. Это – целый комплекс обострившихся до предела глобальных проблем. Они со всей очевидностью требуют понимания того, что для нас не так важен рост экономики, о чем сегодня говорят все и всюду, как его качество, а значит – технологический прогресс. Но и сам по себе прогресс технологий – не конечная цель и не высшая ценность. Такой целью и ценностью остается человек, его жизнь.

Если основное внимание в этой статье посвящено тем социально-экономическим отношениям, которые объективно видоизменяются, «переформатируются», рождаются вновь под влиянием технологического развития (прежде всего – трансформациям в сфере отношений собственности), то только потому, что эти процессы создают предпосылки для развития отношений солидарности, которые так востребованы сегодня для защиты жизни человека, для будущего прогресса человеческих качеств. Эти предпосылки не возникают одновременно, они не рождаются подобно Венере из пены морской. Ассоциирование собственности и соответствующие трансформации капитала, снижающие меру отчуждения большинства от общественного богатства, рождающие многообразие форм ассоциированного использования, распоряжения и присвоения – вот основа прогресса человека. Движение по этому пути должно идти эволюционно, неустанно.

Таково объективное условие предотвращения глобального кризиса. Такова основа стратегического курса, который, в свою очередь, должен стать основой тактических решений конкретных задач экономической политики.

П. Раймонди

БРИКС И УГРОЗА НОВОГО ГЛОБАЛЬНОГО СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

Одиннадцатый саммит глав государств и правительств стран – членов БРИКС, состоявшийся в г. Бразилиа 13–14 ноября 2019 г., назвал приоритетным «экономический рост для инновационного будущего». В этой связи было рекомендовано сосредоточить работу на укреплении сотрудничества в таких областях, как наука, техника, инновация и цифровизация.

Риски нового кризиса

Помимо продолжающейся борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и отмыванием денег, участники совещания подчеркнули стратегическую роль Нового банка развития (НБР) и его тесное сотрудничество с Деловым советом БРИКС – агентством консультаций и программирования, созданным экономистами и промышленниками. Анализируя общую экономическую ситуацию, БРИКС в заключительной декларации подтвердил серьезную обеспокоенность по поводу устойчивости системы. В этом было отличие от последних встреч, на которых выражалась признательность за улучшения, происходящие в мировой экономике, и за определенную стабильность.

«Со времени нашей последней встречи, – подтвердили участники, – глобальный экономический рост ослаб, а риски снижения возросли. Торговая напряженность и политическая неопределенность негативно сказались на доверии, торговле, инвестициях и росте. В этом контексте мы напоминаем о важности открытых рынков, честной, справедливой и недискриминационной деловой и торговой среды, структурных реформ, эффективной и справедливой конкуренции, поощрения инвестиций и инноваций, а также финансирования

Паоло Раймонди – экономический обозреватель газеты *ItaliaOggi*, член Лаборатории БРИКС Института политических, экономических и социальных исследований EURISPES (г.Рим).

инфраструктуры и развития, необходимости более широкого участия развивающихся стран в глобальных цепочках создания стоимости».

Тем самым сделан акцент на эволюции мировой экономики. Важно помнить, что группа стран – членов БРИКС создана в ответ на масштабный финансовый кризис и на последующую глобальную рецессию первого десятилетия 2000-х годов. Таким образом, политическое и экономическое руководство БРИКС доказывает, что оно хорошо осведомлено о рисках нового глобального кризиса. Впрочем, похоже, оно до сих пор не спешит проливать свет на факты и детали, которые указывали бы на опасный крен в сфере мировых финансов. Вопреки тому, что было десять лет назад, сегодня следует сосредоточиться на мировых тенденциях финансовых рынков и на долговых пузырях, особенно в США, поскольку они все еще определяют глобальные финансовые процессы. То есть необходимо четко понимать, что происходит в настоящее время, а также проявить волю, чтобы избежать упущений и ошибок, как в прошлом. В статье использованы данные исследований и отчетов Международного валютного фонда (МВФ), Банка международных расчетов (БМР), Совета по финансовой стабильности (СФС) и других официальных агентств.

Долговой пузырь

Ожидалось, что совокупный долг в мире (государственный и частный) достигнет к концу 2019 г. 255 трлн долл. В 2018 г. он составил 177 трлн долл., увеличившись за десять лет почти на 80 трлн. На долги США и Китая вместе взятых приходится 60% общей суммы. Кроме того, совокупный долг стран с развивающимися экономиками вырос до 71,4 млрд долл., или до 220% их ВВП. Мировой долг, исключая банковский и финансовый сектор, достиг 250% ВВП, тогда как в 2008 г. – 200%. Часть этого долга в облигациях, особенно показательна. За десять лет она увеличилась с 87 до 115 трлн долл. Выросли и суверенные облигации выпущенные государствами, с 40% до 47% от общего объема, в том числе развивающимися странами – с 17 трлн до 28 трлн долл.

С 2007 г. мировой государственный долг более чем удвоился, увеличившись с 28,7 до 70 трлн долл. За тот же период американский долг утроился и составляет сегодня треть от общего объема.

МВФ посчитал, что 85% из 24-х стран, вовлеченных в банковские кризисы 2008 г. (18 из которых развитые), демонстрируют отрицательные отклонения от докризисной тенденции. Уровень производительности 60% из 24-х упомянутых стран все еще остается докризисным.

Корпоративный долг

Пузырь корпоративных облигаций стал самой большой угрозой для мировой экономической и финансовой системы. Это может

быть даже хуже, чем пресловутый пузырь ипотечного кредитования в 2008 г. Максимальный размер корпоративного долга достиг 72,6 млрд долл., или 91,4% мирового ВВП. Это облигации, выпущенные компаниями в целях получения финансовых средств. Использование рынка капитала, несомненно, позитивный и важный способ привлечения капитала, если относиться к нему весьма внимательно. Можно получить ликвидность, необходимую для инноваций и модернизации производственных структур и для расширения рынка. К сожалению, как и во многих других финансовых и экономических ситуациях, злоупотребления и непродуманность действий могут привести к бедствиям в мире. За последние десять лет этот корпоративный пузырь вырос на 27 трлн долл. Особенно сильный рост был зафиксирован в странах с развивающимися экономиками, где корпоративный долг увеличился с 20 трлн до 30 трлн долл., или с 56% до 105% их ВВП. В Китае он достиг 15,4 трлн долл. Пекин защищает эту тенденцию, указывая, что его базовые активы равны 20 трлн юаней. Лучшее соотношение, чем во многих западных странах.

И все же эта обеспокоенность подтверждается в отношении стран с развивающимися экономиками в исследовании, опубликованном Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД). В исследовании отмечается, что эти страны были вынуждены непропорционально увеличивать свои долги, особенно в частном секторе, в результате политики нулевых процентных ставок Федеральной резервной системы (ФРС). Доля корпоративного долга этих стран увеличилась с 7% в 2007 г. до 26% – в 2017 г. Кроме того, МВФ подчеркивает, что 19 трлн долл. корпоративного долга в основных экономиках – США, Китая, Японии, Германии, Франции, Италии и Испании – рискуют оказаться невозвратными в условиях нового экономического кризиса.

В США корпоративный долговой пузырь достиг 15,5 трлн долл., что значительно превышает реальный пузырь на рынке недвижимости, который составляет приблизительно 11 трлн долл. Вот почему США могут стать центром нового и худшего мирового финансового кризиса. С 2008 г. объем корпоративных облигаций в США вырос на 75%. Это заставило МВФ признать, что возможность повышения процентных ставок увеличивает риск коллапса для одной пятой крупнейших американских корпораций.

Теневая банковская деятельность

Между тем мир финансов сильно изменился: банки больше не на первом месте. Согласно «Отчету о мониторинге глобальной теневой банковской деятельности за 2018 год», подготовленному СФС (который в прошлом возглавлял М. Драги), в конце 2017 г. мировые финан-

совые активы составляли 382,3 трлн долл. В пять раз больше, чем мировой ВВП. 182 трлн долл. управляются небанковскими финансовыми учреждениями, 151 трлн – банками, 30 трлн долл. – центральными банками, а остальные – государственными финансовыми институтами.

Небанковские финансовые учреждения – «субъекты и виды деятельности кредитного посредничества, которые действуют за пределами обычной банковской системы», – называются теневой банковской системой (ТБС). Небанковская деятельность охватывает: страховые компании с активами в 33 трлн долл., сосредоточенные в США и в Европе; пенсионные фонды с 33,6 трлн долл., 60% которых находятся в руках США; и так называемые прочие финансовые посредники (ПФП) с 116,6 трлн долл. К ПФП относятся различные типы инвестиционных фондов, хедж-фондов, финансовых холдингов и других финансовых организаций, обычно очень «креативных» и спекулятивных.

Еврозона ПФП составляет 32 трлн долл., превосходя США и Китай, причем последний переживает необычайный рост. В ПФП есть сектор непрерывного развития, который называется «теневым банкингом» в узком смысле (*narrow measure of shadow banking*), его активы составляют 51,6 трлн. В ТБС операции в узком смысле рискованны более, чем другие инструменты, потому что они в значительной степени используют принцип рычага, т.е. работают с большими объемами денежных средств при небольшом собственном капитале. Именно такая ситуация сложилась накануне кризиса 2008 г. Что касается упомянутых операций в узком смысле, то по их использованию США по-прежнему находятся на первом месте (29%), за ними следует Европа (23) и Китай (16%). В этом контексте особенно актуально, что на Каймановы острова, квинтэссенцию налогового рая, приходится 10% от общей суммы!

Объем теневого банкинга в США значительно вырос: с 28 трлн долл. в 2010 г. до 45 трлн сегодня. Ш. Блэр, бывший президент Федеральной корпорации по страхованию вкладов (*Federal Deposit Insurance Corporation*), важного государственного агентства, которое гарантирует сбережения граждан, заявила о страхе перед новым экономическим кризисом. «Мы в пузыре», – заявила она, добавив, что в такой ситуации абсурдно было смягчать правила и требования к банковскому капиталу. По ее мнению, неправда, что пузыри узнаваемы только ретроспективно, после того как они лопнут. Единственное, что невозможно распознать – момент взрыва. Она также указала на то, что ФРС сделала все возможное для поддержания этого пузыря.

Индексные фонды

Одним из наиболее агрессивных проявлений теневого банкинга стали так называемые фонды биржевой торговли (*exchange trade*

funds) – инвестиционные фонды, которые работают в соответствии с референтными счетами.

Исследование Гарвардского университета под названием «Три гиганта» (“The three giants”) ясно показывает растущую мощь американских фондов ETF, BlackRock, Vanguard и State Street Global Advisors (SSGA). Фонды биржевой торговли – это инвестиционные фонды, которые привлекают капитал и сбережения разных компаний и вкладывают их в портфель акций корпораций, включенных в индекс Уолл-стрит. Так, показателен индекс Standard & Poor’s 500. Три гиганта вместе управляют финансовыми активами в 14 трлн долл. Их рост огромный. За десять лет 80% всего капитала, вложенного в инвестиционные фонды, было сосредоточено в этих трех гигантах. За двадцать лет приобретенные ими акции крупных американских корпораций, входящих в S&P500, выросли в четыре раза: с 5,2% до 20,7%. BlackRock и Vanguard фактически владеют более 5% акций всех американских компаний, котирующихся в списке S&P500. В упомянутом докладе отмечается, что «Три гиганта» располагают 25% голосов в советах директоров рассматриваемых компаний.

После того как банки стали слишком большими, чтобы обанкротиться, и вследствие этого опасными (что было разоблачено расследованиями различных комиссий американского Конгресса), теперь существует растущая проблема чрезмерной финансовой и управленческой концентрации фондов биржевой торговли.

Внебиржевые деривативы

Сектор финансовых деривативов также избежал попыток контроля и сдерживания, предпринятых американским законом о финансовой реформе Додда-Франка. БМР в Базеле опубликовал серию исследований по внебиржевому рынку деривативов (The Counter Derivatives Market). В исследованиях указывается на то, что в течение многих лет их глобальная *условная стоимость* (notional value) всегда составляла от 500 трлн до 650 трлн долл. Число, не особенно далекое от 700 трлн долл. во времена Великого кризиса. ОТС (Over the Counter – внебиржевые производственные инструменты) – это производные финансовые инструменты, которые не регулируются, обмениваются за пределами обычных рынков и часто не попадают в бюджеты. Это, пожалуй, самые опасные плоды так называемого финансового дерегулирования. Европейское управление по ценным бумагам и рынкам (European Securities and Markets Authority) опубликовало ежегодный отчет о ситуации с деривативами. В конце 2017 г. только на европейском рынке было зарегистрировано, что их условная стоимость составляет 660 трлн евро, из которых более 542 трлн приходится на

ОТС. Из отчета ясно, что регулируемые, менее рискованные, деривативы – это лишь небольшая часть рынка.

БМР всегда указывал, что на «европейскую составляющую» рынка деривативов приходится четверть их общего объема. Если это верно, то внебиржевой пузырь может оказаться гораздо больше, чем ожидалось. Заметим, что в прошлом именно крупные американские банки всегда занимали первые места на внебиржевом рынке. Сегодня же, как ни удивительно, первое место занимает немецкий Deutsche Bank с внебиржевым капиталом в 43,5 трлн евро.

Турбулентность в денежной системе

Со времени дефолта Lehman Brothers в 2008 г. международная валютная система находилась в состоянии постоянной, а иногда и бурной турбулентности. Если даже экономист американского банка Jp Morgan Chase, крупнейшего среди «слишком больших, чтобы обанкротиться» (too big to fail), признает, что эпоха доллара как валюты для международных операций подходит к концу, значит, что-то важное действительно меняется в рамках международной валютной системы. Доллар был доминирующей валютой в течение почти столетия. Недаром К. Коэн, экономист из Jp Morgan Chase, утверждает, что «доллар может потерять свой статус главной международной валюты».

Спустя более 75 лет после Бреттон-Вудских соглашений мировая экономика сильно изменилась. Появились новые экономические субъекты, в том числе группа стран БРИКС и Европейский союз. Доллар по-прежнему служит валютой, используемой в более чем 60% мировых коммерческих операций, и по-прежнему – основной резервной валютой, однако влияние американской экономики, по сравнению с остальным миром, уменьшилось. Например, Китай, наряду с использованием юаня во многих международных торговых соглашениях, пытается обойти доллар на энергетическом рынке. Международная фондовая биржа в Шанхае запустила фьючерсы на нефть в юанях. Всего за несколько месяцев доля сделок, заключенных в юанях, достигла 10% от общего числа биржевых сделок.

Состав денежных резервов также претерпевает изменения. За последние десять лет доля золота в российских запасах увеличилась в десять раз. Центральный банк РФ хранит 2190 т золота на сумму около 90 млрд долл. (пятая часть всех российских резервов). В 2018 г. он сократил свои долларовые резервы вдвое: с 45,8% до 22,7% общих резервов. Доллары были заменены евро (доля которых выросла с 21,7 до 31,7%) и юанями (с 2,8% до 14,2% соответственно).

Каждый месяц Китай покупает тонны золота, часть которого предназначена для увеличения запасов страны. Общее количество золота составляет около двух тысяч тонн, и есть все основания для роста этой

цифры, поскольку золото составляет только 3,5% от общего объема китайских запасов. В любом случае наивысшая концентрация золота – в США, где его 8200 т, или 70% общих американских запасов. Аналогичная ситуация и в Германии. В Италии – почти 2450 т золота (66% запасов страны). В промышленно развитых странах и в мире в целом стремительно развивается тенденция по замене доллара в составе резервов золотом и другими валютами. Потеря доверия к «долларовой системе» прогрессирует, что подтверждается удалением многих институциональных инвесторов от американских государственных облигаций. В прошлом Россия считалась одним из основных таких инвесторов. В 2010 г. она держала 76 млрд долл. в американских облигациях, а сегодня – 12 млрд долл. Китай, крупнейший инвестор в казначейские облигации США, ежемесячно продает их на десятки миллиардов долларов. За последние два года минимальный объем казначейских облигаций США в Китае достиг менее чем 1,1 трлн долл.. Такая же тенденция наблюдается и в других странах, например, в Японии и Великобритании.

Тарифные войны и использование параллельных валют

Каждое действие рождает реакцию, которая иногда удивляет любого, кто начал спор. Это касается и тарифной, и санкционной политики, которые определяют условия появления параллельной денежной системы на основе юаня, пригодной как для коммерческих обменов, так и в качестве резервной валюты. Например, Россия и Китай подписали соглашение об использовании финансовых инструментов в рублях и в юанях для того, чтобы покрыть ими в ближайшие годы до 50% двусторонней торговли. Интернационализации юаня будет способствовать инициативе «Один пояс – один путь» (Belt and Road Initiative) и финансовой роли Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank). Недавно группа экономистов из стран – членов БРИКС представила детальное исследование «Использование национальных валют в международных расчетах. Опыт стран – членов БРИКС», опубликованное российским Институтом стратегических исследований.

До 2016 г. во внешней торговле Китая юань использовался на 22%, а рубли – на 20%. Валюты из других стран – членов БРИКС все еще далеки от этих значений. В целом в международных межбанковских операциях китайская валюта составляет всего 1,6%, южноафриканский рэнд – 0,8, а российский рубль – 0,25%. Можно сказать, что эти цифры незначительны, но ведь в последние десять лет никто в западном мире не мог представить себе подобное развитие событий. Эти тенденции усиливают запрос на устранение доллара как базовой валюты в корзине валют. В результате рационально, справедливо и мирно появилась бы денежная система, отражающая реализм нового много-

полярного мира. Суть да дело, а МВФ пришлось пересмотреть взносы участников, признав тем самым возросшую экономическую роль Китая. С октября 2016 г. юань входит в состав валютной корзины специального права заимствования МВФ (Special Drawing Right currency basket) денежной резервной валюты, созданной этой организацией.

Обычных ответов недостаточно

Даже БМР считает, что в случае нового кризиса помощи от центральных банков может быть недостаточно, поскольку кардинально изменились его параметры. Сегодня причины возможной рецессии больше связаны с финансовой системой – главным действующим фактором неустойчивого роста.

БМР признает, что обширная денежно-кредитная политика была необходима для того, чтобы вывести экономики наиболее развитых индустриальных стран из кризиса. Политика количественного смягчения с введением новой ликвидности для покупки государственных облигаций и других инвестиций – таких, как обеспеченные активами ценные бумаги, принадлежащие банкам, – привела к ряду последствий, которые в долгосрочной перспективе могут дестабилизировать положение. Взять хотя бы эффект раздувания бюджетов центральных банков. Так, бюджет ФРС вырос с 800 млрд долл. в 2008 г. до 4 трлн – в настоящее время. Бюджет Европейского Центрального банка (ЕЦБ) увеличился с 2 трлн евро в 2008 г. до 4,7 трлн сегодня. Вместе четыре наиболее важных центральных банка (ФРС, ЕЦБ, Банк Японии и Народный банк Китая) аккумулировали активы на сумму более 20 трлн долл. Соответственно, более 100% ВВП Японии, 40 – тогдашних Китая и еврозоны и примерно 20% ВВП США.

Политика расширения нулевых процентных ставок в сочетании с огромными массами ликвидности привела к вырождению рынка капитала. В этой связи, по последним оценкам МВФ, предполагается, что 17 трлн долл. государственных и частных облигаций регистрируют *отрицательные процентные ставки*. Тем самым создается нагрузка на учреждения, которые работают в долгосрочной перспективе (компании по страхованию жизни и пенсионные фонды), а также снижается доходность многих банков, особенно в Европе. Такая тенденция не может устойчиво продолжаться долгое время, не вызывая потрясений на рынках. Значит, экспансионистская денежно-кредитная политика породила моральный риск, который сильно подталкивает к чрезмерному риску при поиске доходности. Такие разрешительные условия финансирования поддерживают «компании-зомби» (zombie companies) – недостаточно прибыльные, чтобы выплачивать проценты. Сегодня центральные банки на случай ухудшения экономической ситуации имеют очень мало инструментов для вмешатель-

ства. Действительно, все инструменты обычной и нетрадиционной денежно-кредитной политики исчерпаны.

Среди самых больших проблем центральных банков – риск роста инфляции. При необходимости сдерживать инфляцию процентные ставки должны возрастать. Это может привести к коллапсу экономической системы, которая уже находится в состоянии стресса, особенно сектор корпоративных облигаций. Тогда сдерживать давление на глобальный долг будет весьма трудно.

Предупреждения и проблемы

Отдельные экономисты выражали беспокойство по поводу возможности нового экономического кризиса. Среди них Ж. де Ларозьер, бывший управляющий Центрального банка Франции, директор МВФ и автор Отчета Комиссии ЕС Европейского совета по системным рискам в 2009 г. Он подтверждает, что адаптивная денежно-кредитная политика центральных банков подрывает всю финансовую систему, делая невозможными ее корректировки в будущем.

Идея, что центральные банки должны поддерживать инфляцию на уровне 2%, задумывавшаяся как проявление правильного курса управления денежно-кредитной политикой и экономикой, ошибочна. Приверженцы этой идеи утверждают, что на таком уровне всегда будет существовать риск дефляции, т.е. падения цен. Вот и бывший директор МВФ полагает, что годовой целевой показатель инфляции должен быть снижен до 1%. Это связано с тем, что существуют структурные причины изменения потребительских цен: старение населения; технологические достижения, уменьшающие себестоимость продукции; глобализация, которая привела к тому, что на наши рынки вышли товары по сниженным ценам, поскольку они производятся с низкими затратами на заработную плату и на статичных рынках труда. Следовательно, цель в 1% никоим образом не будет дефляционной.

Кроме того, Ж. де Ларозьер подчеркивает, что затяжная и преувеличенная политика нулевых процентных ставок вызвала и другие серьезные последствия: сильная склонность к долгу; ослабление банковского сектора; ухудшение бюджетов пенсионных фондов с безвозвратными инвестициями в государственные облигации из-за распространения «зомби-компаний» (процентные ставки перестали играть роль дискриминационного «индекса качества»); наконец, толчок к инвестициям и финансовым продуктам с высокими рисками как фактором, сдерживающим правительства в проведении структурных реформ. Более того, при нулевых процентных ставках компании вместо того, чтобы делать новые инвестиции, вынуждены увеличивать долг при покупке на рынке собственных акций. Это создает иллюзию стабильности, о которой вещал Ж. де Ларозьер.

Роль Нового банка развития

Страны БРИКС осведомлены об этой ситуации. Вот почему в заключительном заявлении саммита в Бразилии в 2019 г. прямо указывается на необходимость скоординированных действий по реформированию всех отраслей экономики. Подтверждается готовность «продолжать сотрудничать в рамках G20 и продвигать интересы стран с формирующимися рыночными экономиками и развивающихся стран. Отмечая, что страны – члены БРИКС были основными движущими силами глобального роста в течение последнего десятилетия и в настоящее время представляют около трети мирового объема производства, мы убеждены, что дальнейшее осуществление структурных реформ усилит наш потенциал роста. Расширение торговли между членами БРИКС будет способствовать дальнейшему укреплению международных торговых потоков. Мы также выступаем за дальнейшее использование фискальной, монетарной и структурной политики для достижения сильного, устойчивого, сбалансированного и всестороннего роста. Мы призываем крупные страны с развитой и развивающейся рыночной экономикой продолжать политический диалог и координацию в контексте G20 и других форумов для достижения этих целей и устранения потенциальных рисков».

Чтобы продемонстрировать конкретный вклад стран – членов БРИКС в рост и развитие ключевых секторов реальной экономики, саммит повысил роль НБР. Основанный в 2014 г., он имел основной целью финансирование развития инфраструктуры. Теперь НБР может рассчитывать на капитал 50 млрд долл., который будет полностью доступен к 2027 г., причем 10 млрд уже депонированы. В конце этого года будет профинансировано около 50 проектов на общую сумму 15 млрд долл. Банк очень активен. В Бразилии, например, начато строительство логистических узлов для связи с отдаленными районами.

В ходе саммита подписан документ о финансировании «Проекта по улучшению транспортной инфраструктуры Северного региона», направленного на увеличение возможностей для перевозки сырья из шахт в порты. В России, помимо инфраструктуры, финансирование направлялось на проекты, связанные с улучшением доступа к историческим и культурным центрам страны. В Индии инвестиции сосредоточены вокруг проектов управления водными ресурсами и создания инфраструктурных связей между сельскими районами и рынками. Китай использует банк для улучшения окружающей среды, тогда как Южная Африка (ЮАР) – для объектов энергетики и водоснабжения.

Руководство НБР подтвердило странам – членам БРИКС и всему миру свое обязательство выдавать кредиты в местных валютах, причем настолько, что 40% его портфеля в ЮАР находится в рэндах. Спрос на кредиты в юанях для китайских проектов также очень быстро растет.

Развивается организационная структура банка. После открытия офисов в Йоханнесбурге, Шанхае и в Сан-Паулу, в 2020 г. будут открыты офисы в Москве и Нью-Дели. Банк также намерен принять новых ассоциированных членов – компании из развивающихся стран, чтобы к 2027 г. сформировать базовый капитал в 90 млрд долл. Важный кредитный институт намерен разработать и инновационные кредитные инструменты – не спекулятивного характера и гарантированные капиталом и инвестициями. Более того, с помощью Центрального банка Китая НБР уже собрал 6 млрд юаней на выпуск облигаций на шанхайском рынке.

В г. Бразилиа прошли дискуссии о работе Фонда облигаций в местной валюте БРИКС (Local Currency Bond Fund) по развитию местных рынков облигаций, которые направлены на то, чтобы постепенно избавляться от контроля системы, в которой доминирует доллар. Вместе с Институтом НБР создан и Пул условных валютных резервов (Contingent Reserve Arrangement) с задачей защиты экономики и финансов стран – членов БРИКС в случае нестабильности рынков или валют. В ходе встречи подчеркивалось, что система оповещения Пула только что успешно провела вторую проверку готовности к противодействию возможному внешнеэкономическому кризису.

В заключительной Декларации, принятой в г. Бразилиа, подтверждена приверженность преодолению растущих угроз многосторонности и особой роли ООН в международных делах. Заявлено о необходимости реформирования международных организаций – ООН, МВФ, ВТО, – с тем чтобы повысить роль стран с формирующимися рыночными экономиками и развивающихся стран в рамках более справедливого и всеобъемлющего международного порядка. ВТО призвана играть более независимую роль во многих конфликтах, вызванных торговыми противоречиями. Здесь нельзя не упомянуть озабоченность напряженностью в торговой сфере, которая «нанесла ущерб доверию, торговле, инвестициям и росту» в мире. В целом обязательства БРИКС охватывают широкие области – от защиты окружающей среды до биоразнообразия, от защиты почвы до борьбы с опустыниванием и до мирного освоения космоса.

В очередной раз страны – члены БРИКС посетовали, что еще один год прошел без перераспределения квот МВФ, что продолжается с 2010 г.! То, что США и долларовая система боятся потерять свою нынешнюю экономическую и валютную мощь, вполне понятно. То, что ЕС готов играть по правилам Вашингтона – менее понятно. Вместо этого Европа, сотрудничая с другими партнерами, могла бы играть незаменимую центральную роль в процессах системных глобальных реформ. Этаким современным Бреттон-Вудс в области экономики, финансов, валюты, торговли и международных отношений.

Г. В. Колодко

**ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ:
ОТ «ТРЕТЬЕГО МИРА» К «ПЕРВОМУ»**

В эпоху необратимой глобализации мировые экономические и политические правила игры должны учитывать растущее значение Китая. Вместо того, чтобы бороться с ним, нужно прагматично сотрудничать в решении растущих глобальных проблем. Но и Китай должен адаптироваться к внешнему миру, и сам мир должен адаптироваться к Китаю. Невозможно навязать ему модель, разработанную где-то еще, тем более что в наши дни либеральная демократия переживает системный кризис во многих странах. Также невозможно навязать китайскую модель другим, хотя многим странам это кажется заманчивым; «товар» не экспортный, однако его элементы могут оказаться полезными в других местах. Китай не стремится к мировому господству; вместо этого он последовательно интегрируется с остальным миром для того, чтобы поддерживать собственное развитие. Единственный разумный путь вперед – тщательное наблюдение, взаимное обучение и прагматическое сотрудничество, основанное на неортодоксальной экономической мысли.

Три мира в одном

Идея «третьего мира» никогда не была ясна. В течение десятилетий, предшествовавших великому постсоциалистическому переходу, вызванному политическим прорывом Польши в 1989 г., чаще всего предполагалось, не вдаваясь в тонкости терминологии и определения, следующее. «Первый мир» – это высокоразвитый капитализм, возглавляемый Соединенными Штатами, «второй мир» – государственный социализм, во главе которого стоит Советский Союз,

Гжегож Витольд Колодко – доктор экономических наук, профессор, директор Центра TIGER, Козьминский университет, иностранный член РАН (г. Варшава).

а «третий мир» – все остальные, чаще всего бедные и отсталые страны, особенно в Африке, которые все еще стряхивают с себя наследие колониализма. Можно также часто называть эту группу стран развивающимися, хотя во многих случаях развитие не было одной из их характеристик. При таком тройном разделении страны «третьего мира» характеризовались низким уровнем производства и уровня жизни, а также большим населением и быстрым его ростом. Уже тогда нужно было задаться вопросом, к какому миру принадлежит Китай. Конечно, не к «первому», от которого он был отделен непреодолимой пропастью, а ко «второму» или к «третьему»?

Китай не хотел, чтобы его классифицировали как «второй мир», поскольку он не согласился бы с формулой «с Советским Союзом у руля», хотя и не смог бы поставить себя на его место. Возможно, в самом начале существования Китайской Народной Республики (КНР) в начале 1950-х годов, она приняла бы советское политическое господство, но позже это поменялось бы. Любопытно, что лидер страны Мао Цзэдун (1893–1976 гг.) в последние годы своего правления поставил СССР в одну группу с США. В 1974 г. он сказал: «На мой взгляд, Соединенные Штаты и Советский Союз принадлежат к «первому миру». Промежуток между Японией, Европой и Канадой относится ко «второму миру». «Третий мир» очень густонаселен. Кроме Японии, Азия принадлежит к «третьему миру». Как и вся Африка и Латинская Америка»¹. Конечно, «третий мир», определяемый таким образом, должен был бы управляться Китаем, чтобы он мог противостоять двум другим мирам и следовать своим собственным (только законным) путем к лучшему будущему.

В то время Китай уже был самой густонаселенной страной мира, в которой проживало 22,5% мирового населения планеты, но одновременно и одной из беднейших стран с очень отсталым сельским хозяйством, производившей всего 2,8% мирового производства. Для того, чтобы понять, насколько велика была бедность, достаточно знать, что, согласно сегодняшнему показателю бедности (3,2 долл. на человека в день по паритету покупательной способности – ППС), в первые годы существования КНР более 99% общества пострадало от нее! Действительно страна нищих. Сейчас бедные составляют ме-

¹ Цит. по: Chairman Mao Zedong's Theory on the Division of the Three World and the Strategy of Forming an Alliance Against an opponent». The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of China. 1974 (https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zili_ao_665539/3602_665543/3604_665547/t18008.shtml). Было бы интересно узнать, где председатель Мао видел в своей классификации место стран Центральной и Восточной Европы. Вероятно, не в «Европе», а скорее, на стороне Советского Союза, значит, в «первом мире».

нее 1%². Бедность – относительный термин. Ее определения и масштабы варьируются. Амбициозный план Китая по полному искоренению бедности в 2020 г. означает, что тогда экономика и социальная политика обеспечат каждому чистый годовой доход свыше 2300 юаней, что эквивалентно почти 324 долл. по рыночному обменному курсу, или около 684 долл. по ППС. К сожалению, пертурбация, вызванная вспышкой коронавируса COVID-19, несомненно, задержит это историческое достижение.

Есть одна поговорка, однажды услышанная мною в Африке: если хочешь идти быстро, иди один, если хочешь идти далеко, иди вместе. Китай показывает всему человечеству – как богатым, так и (что более важно) бедным – что можно идти быстро и далеко. Всего за два поколения – с 1979 по 2020 гг., когда население страны возросло примерно на 45%, с 970 млн до 1,4 млрд, – Китай увеличил объем ВВП беспрецедентно в 40 раз. Трудно поверить, но это факт³. ВВП по ППС вырос приблизительно с 690 млрд до почти 27 трлн долл., а ВВП по ППС на душу населения – за этот период почти в 27 раз, превысив среднемировой показатель на 6–7%.

Как всегда при таких сравнениях, мы имеем дело с целым рядом методологических вопросов, поскольку существует не один способ расчетов и не один сравнительный показатель. Согласно другим оценкам, ВВП Китая на душу населения вырос с 1 600 долл. в 1978 г. до почти 16 000 долл. – в 2019 г., или ровно в десять раз. В обоих случаях это рассчитано в постоянных ценах 2018 г., но с учетом различных допущений и оценок изменений покупательной способности, следовательно, существенных различий. В частности, автор этих альтернативных оценок Совецательный комитет (The Conference Board), считает, что в официальных данных Китая серьезно недооценивается историческая база, или точка отсчета – доход в 1978 г.⁴.

Трудно не упомянуть, что уровни ВВП на душу населения в США в 1978 г. и в Польше в 2019 г. одинаковы (табл. 1). Если различия

² По оценкам Мирового банка, за четыре десятилетия рыночных реформ в Китае и открытости миру более 850 млн человек вышли в стране из нищеты. Однако до 373 млн человек по-прежнему живут там менее чем на 5,5 долл. в день, что ниже черты бедности, установленной для стран с доходом выше среднего, категории, к которой относится Китай. (The World Bank in China. The World Bank. Washington, DC. 2020 // <https://www.worldbank.org/en/country/china/overview>).

³ По данным национальных счетов Мирового банка и национальных счетов ОЭСР в постоянных ценах 2010 г., реальный ВВП Китая вырос с почти 290 млрд долл. в 1978 г. до около 11,5 трлн – в 2019 г. (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTR.KD?locations=CN>).

⁴ The Conference Board Total Economy Database. The Conference Board. April 2020 (<https://www.conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=27762>).

**Величина и динамика ВВП Китая, США и Польши 1978–2019 гг.
(по паритету покупательной способности)**

Совокупный ВВП в 2018 г., млрд долл.						
	Официальные данные			Альтернативная оценка		
	1978	2019	Коэффициент 2019/1978	1978	2019	Коэффициент 2019/1987
Китай	691	26952	39.0x	1,516	21,956	14.5x
США	7252	20993	2.9x	-	-	-
Польша	476	1257	2.6x	-	-	-
ВВП на душу населения 2018 г., долл.						
Китай	723	19387	26.8x	1,586	15,973	10.1x
США	32574	63126	1.9x	-	-	-
Польша	13631	32775	2.4x	-	-	-

Источники: Conference Board Total Economy Database. April. 2020; расчеты автора.

в уровне развития и уровне жизни сводились бы только к этому, то страны не были бы так далеки друг от друга. В конце концов, что такое четыре десятилетия на длинном пути истории?

По классификации Мирового банка⁵, развитые страны с высоким уровнем дохода – это страны с ВНД (валовым национальным доходом) на душу населения в 12 375 долл. На этот раз речь идет не о ВВП, а о ВНД, хотя эти две категории не далеки друг от друга. В Китае ВНД меньше ВВП примерно на 6% и в 2019–2020 гг. мог составить около 10 200 долл. Следовательно, статус страны с высоким уровнем дохода находится рядом; все, что нужно для того, чтобы достичь его, – это около 20% роста. Как только шок, связанный с пандемией COVID-19, будет успешно преодолен – это займет три, может быть, четыре года⁶.

⁵ The World Bank in China. Op. cit.

⁶ Это может случиться, но не обязательно. Некоторые считают, что постпандемический мир окажется гораздо хуже для Китая, что замедлит его рост и значительно удлинит путь к догоняющему росту по отношению к странам с более богатыми экономиками. Согласно таким мнениям, Запад может еще больше изолировать себя, блокируя приток китайского капитала, замедлить обмен знаниями и технологиями и ввести дополнительные торговые ограничения. Снижение взаимного доверия также скажется на отношениях между Западом и Востоком.

Именно так, всего за полвека, с 1974 г. – когда Мао справедливо видел Китай в «третьем мире», – по 2024 г. страна переместит свою экономику в «первый мир»⁷. Хотя это гораздо сложнее, потому что количество – еще не все, что имеет значение. Иногда это даже меньше, чем качество.

Давным-давно ...

Китайский путь к «первому миру» имеет богатую и сложную историю. За короткое время она открылась для глобализации и сопутствующим либеральным экономическим реформам преемника Мао – Дэн Сяопина (1904–1997 гг.). Его знаменитая шутка – «не важно, черная кошка или белая, главное, чтобы она ловила мышей», – действительно квинтэссенция прагматизма, который лежал в основе китайских рыночных реформ в течение последних четырех десятилетий.

В еще более короткие сроки осуществились изменения при Си Цзиньпине, нынешнем лидере партии с конца 2012 г. и Председателе КНР с весны 2013 г. Дэн предпочитал смирение и в основном внутреннюю ориентацию, заявив в 1990 г.: «Скрой свои силы и выжидай время», тогда как Си верит, что это время уже наступило и продвигает «китайскую мечту»⁸, а также экономическую и политическую внешнюю экспансию. Как указано в документах XIX Национального съезда Коммунистической партии Китая, страна движется от «мирного роста» к «настойчивому росту». «Путь, теория, система и культура социализма с китайской спецификой, – сказал Си Цзиньпин, – продолжали развиваться, прокладывая новый путь для других развивающихся стран и наций ради достижения модернизации». Он предлагает новый вариант для других стран и наций, которые хотят ускорить свое развитие при сохранении независимости, а также отстаивает «китайскую мудрость и китайский подход к решению проблем, стоящих перед человечеством»⁹. Совершенно недвусмысленно Си заявил: «Нам пора занять центральное место в мире и внести больший вклад в развитие человечества»¹⁰.

В прошлом ситуация менялась очень долго. Временами Китай был ближе к более развитым странам и экономикам, иногда даже лидировал в мире, а в некоторых случаях расстояние увеличивалось, и он даже отставал. Если оставить в стороне древность – высокоразвитую цивилизацию эпохи Конфуция (551–479 гг. до н.э.), – то в наши дни часто встречаются упоминания о великих морских путешествиях адмирала Чжэн Хэ (1371–1433 гг.), достигшего Аравии и восточных

⁷ Chairman Mao Zedong's Theory on the Division of the Three World...

⁸ *Xi Jinping. The Governance of China*. ICP Intercultural Press. Beijing. 2014.

⁹ Xi Jinping and His Era // *China Daily*. 2017. November 18–19.

¹⁰ Xi Jinping signals departure from low-profile policy // *Financial Times*. 2017. October 20 (<https://www.ft.com/content/05cd86a6-b552-11e7-a398-73d59db9e399>).

берегов Африки 600 лет тому назад. Вместо экспансии, подобной Колумбу в Америке, за этими эскападами последовало полное отступление, которое так и не было объяснено. Скорее всего, это было вызвано необходимостью сосредоточиться на тяжелых внутренних проблемах, а не странной фобией тогдашнего императора Поднебесной (Срединного царства). Сегодня Китай снова присутствует в этих регионах, и нет никаких признаков его намерения уйти, скорее наоборот. В мировой политике есть те, кто был бы счастлив, чтобы нарастающие внутренние проблемы Китая заставили его свернуть паруса и на сей раз. Это не произойдет, поскольку сейчас он разворачивает их для того, чтобы лучше преодолеть трудности, испытываемые на родине, проникая в другие части света и регионы.

В конце XVI – в начале XVII вв. некоторые выдающиеся европейские умы высоко ценили китайские достижения, рассматривая их как признак более высокого уровня развития. Немецкий философ и математик Г. Лейбниц считал, что в области точных наук Запад находится на переднем крае, а китайцы превзошли европейцев в «практической философии», в том, как они организовали общество, где «законы прекрасно направлены к величайшему спокойствию и порядку»¹¹. Г. Лейбниц, узнав о Китае от католических миссионеров, возвращавшихся оттуда и оседавших в Германии, разоренной Тридцатилетней войной (1618–1648 гг.), хотел, чтобы китайские миссионеры прибыли в Европу, и мечтал о новой глобальной культуре, объединяющей лучшее из Китая и Европы. Прошло почти 400 лет; миссионеры – теперь гражданские, а не иезуитские, – пропитанные всевозможными идеями, путешествуют в обе стороны с беспрецедентной частотой, и все же эта долгожданная глобальная культура еще далеко впереди.

Спустя полтора столетия великий философ и писатель эпохи Просвещения Фр. Вольтер (1694–1778 гг.) с уважением писал о Китае. Безусловно, он был склонен делать это на фоне кризиса и хаоса, царившего в дореволюционной Франции. Когда в 1764 г. он заметил: «Их империя – лучшее из того, что мир когда-либо видел», то не мог и предположить столь же критические реакции современных апологетов сложной китайской реальности. Фр. Вольтер даже создал стихи об императоре Цяньлуэ (1711–1799 гг.), которого воспринимал как платонического философа-царя¹². Напротив, его современник,

¹¹ Цит. по: *Obbema F. China and the West: Hope and Fear in the Age of Asia*. I.B. Tauris. London – New York. 2015. P. 18.

¹² В наши дни недостаток таких стихотворений вряд ли можно восполнить поэмами в его честь, написанными прозой в десятке или около того китайских институтов, созданных «для изучения и интерпретации Мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой, с китайскими особенностями для новой эпохи». Это пахнет культом личности, который китайскому лидеру совершенно не нужен.

Ш. Монтескье (1689–1755 гг.), рассматривал Китай как «деспотическое государство, принцип которого – страх». Некоторые синоскептики согласились бы с ним и сегодня.

Как ни трудно в это поверить, но две сотни лет тому назад на Китай приходилось около 32% мирового объема производства. Впрочем, это будет легче понять, осознав, что тогда страна была населена относительно большим количеством людей, чем сейчас, составлявших 38% населения всего мира. Китайцев было в три раза больше, чем европейцев: 381 и 122 млн соответственно. Затем наступил период замедления и регрессий. В то время как сначала Европа, а затем Северная Америка набирали обороты в результате последующих промышленных революций, Китай – не без помощи некоторых империй Западной Европы – впал в стагнацию. В конце XIX и начале XX вв. это была страна с полуколонизированной экономикой. То «столетие национального унижения» часто вспоминается сегодня. Это известно всем ученикам начальной школы, что делает их еще более гордыми современными достижениями своей родины и жаждущими чего-то, достойного быть «Китайской мечтой XXI в.».

История никогда не повторяется дословно, но иногда современники не могут не вспомнить о прошлом. Когда-то китайцы уже были объектом страха, точнее, страха на фоне ксенофобии. Конец XIX в. и в Северной Америке, и в Европе вошел в историю как бесславное время «Желтой опасности». По сути, это был антиазиатский расизм, когда страх перед мигрантами из этого региона преднамеренно внушался местному населению, и порой иногда прибегали к позорным расистским практикам из-за очевидного превосходства американской и европейской цивилизаций. Например, в США в 1882 г. был принят Китайский закон об исключении (Chinese Exclusion Act), который отменили в 1943 г., и Сенат был достаточно любезен, извинившись за него только в 2011 г. (именно так!). Если это не было бы сделано тогда, то, конечно, сейчас республиканское большинство так не поступило бы.

В Европе в конце XIX в. германский кайзер Вильгельм II разжигал ненависть к китайцам, угрожая их якобы вторгавшимися полчищами. С этой целью он послал дальнему двоюродному брату, царю России Александру III, рисунок с изображением китайского дракона, растоптавшего христианскую Европу. Многочисленные копии этого изображения имели огромный успех, как и современные шовинистические и расистские мемы.

Неспособность идти в ногу с творческим процессом и развитием, вызванным промышленными революциями XIX в., а также социальными и военными потрясениями первой половины XX в., привела к тому, что в течение нескольких поколений Китай оказался неспособен преодолеть системный экономический и политический коллапс. ВВП страны в середине XX в., ког-

да была основана КНР во главе с Коммунистической партией, составлял не более 2% мирового производства. Таким образом всего за 130 лет произошел резкий спад от выпуска страной одной трети общемировой продукции к выпуску только одной ее пятидесятой части при беспрецедентном увеличении огромного населения.

От еще большего к еще лучшему

Теперь по ППС ВВП Китай вернулся к приблизительно 20% мирового производства. Со временем показатель будет расти и однажды снова достигнет более 30%, как два столетия тому назад. Это имеет очевидные детерминанты и менее очевидные последствия. Именно политическая и экономическая система страны способствовала такому прогрессу, особенно в период открытия и реформ после 1978 г.¹³. Однако это происходит с огромными затратами и приводит к негативным последствиям, которые сама по себе величина ВВП не показывает. Особенно остро ощущаются экологические издержки в виде опустошения окружающей среды и огромные масштабы неравенства в доходах. Эти две области – наряду с необходимостью поддержания экономического равновесия, особенно в отношении финансов и торговли, – представляют собой самые серьезные проблемы, с которыми столкнется экономическая политика в ближайшие десятилетия. Улучшение экологической ситуации и сокращение различий в доходах и богатстве – более важны, чем постоянная максимизация темпов традиционно определенного экономического роста.

Естественно, последнее нельзя игнорировать. В конце концов, именно стоимость произведенных товаров и предоставляемых услуг обеспечивает материальные основы жизни и определяет благополучие. Более того, поддержание относительного равновесия на рынке труда требует, по оценкам, не менее 5% роста ВВП. Экономика должна ежегодно поглощать более десятка миллионов работников, мигрирующих в промышленность и в сферу услуг, которые расположены в городских районах. Это одно из условий поддержания социального мира, что гораздо важнее, чем догонять и опережать других. В конце концов, причина, по которой Китай проводит политику быстрого экономического роста, заключается не в том, чтобы превзойти Японию и США по объему производства, а в том, чтобы лучше удовлетворить потребности его многочисленного населения.

Китай набрал скорость. Его экономическая динамика значительно превышает динамику в высокоразвитых странах, постоянно сокращая

¹³ Lin Justin Yifu. *Demystifying the Chinese Economy*. Cambridge University Press. 2012.

разрыв с ними (рис. 1)¹⁴. В контексте геополитики также и то, что во втором десятилетии XXI в. экономика Индии растет почти так же быстро. В предыдущие 30 лет дело было иначе, что важно учитывать при дискуссиях, сравнивающих различные политические и экономические модели. В 1980–2009 гг. общий ВВП Индии вырос приблизительно в 7,2 раза, а Китая – приблизительно в 26,7 раза. В то время Индия, которая до 1992 г. имела более высокий доход на душу населения, была далеко позади Китая. В свою очередь, хотя общий ВВП в Китае за 2010–2019 гг. более чем удвоился, в Индии он почти удвоился. Следовательно, в настоящее время средний доход китайца почти в два с половиной раза выше, чем у индийца¹⁵.

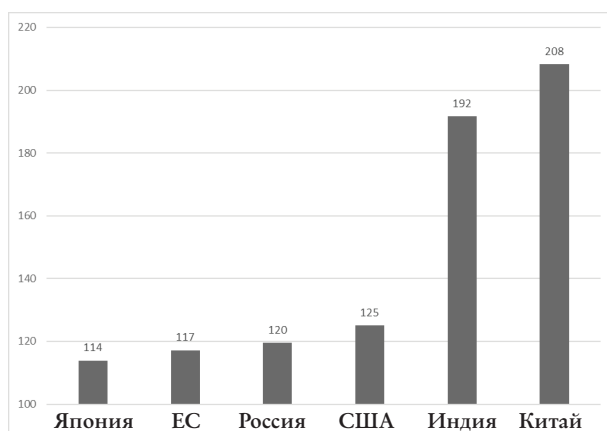

Рис. 1. ВВП Китая и «Большой Пятерки»: (2009=100)

Источник: расчеты автора на основе World Economic Outlook. October 2019.

¹⁴ Стоит сравнить, с учетом всех соответствующих методологических оговорок, экономическую динамику Китая со страной наиболее успешного постсоциалистического перехода, с Польшей (Об этом подробнее см.: *Piatkowski M. Europe's Growth Champion: Insights from the Economic Rise of Poland. Oxford University Press. Oxford – New York. 2018; Kolodko G. W. After the Calamity: Economics and Politics in the Post-Pandemic World // The Polish Sociological Review. 2020. No. 2(210)*). В общем, ВВП Польши за три десятилетия, с 1990 по 2019 гг., примерно утроился, тогда как ВВП Китая увеличился в 15 раз. ВВП на душу населения в Польше вырос за этот период почти в три раза, причем население несколько сократилось, а в Китае, как мы знаем, реальный доход на душу населения вырос примерно в 12 раз. О сложной ситуации в начальный период польской трансформации подробнее см.: *Kolodko G. W., Rutkowski M. The Problem of Transition from a Socialist to a Free Market Economy: The Case of Poland // The Journal of Social, Political and Economic Studies. 1991. Vol. 16 (2). P. 159–179; Nuti D. M. The Rise and Fall of Socialism. DOC Research Institute. Berlin. 2018 (https://doc-research.org/2018/05/rise_and_fall_of_socialism/).*

¹⁵ World Economic Outlook. October 2019. International Monetary Fund. Washington. DC (<https://knoema.com/IMFWEO2019Oct/imf-world-economic-outlook-weo-october-2019>).

Хотя мы уже живем в реальности за пределами ВВП¹⁶, давайте еще немного остановимся на его анализе. Дело в том, что в этой области многое изменится из-за путаницы, вызванной пандемией COVID-19. Так, по оценкам МВФ, экономический рост все еще будет продолжаться в 2020 г. в этих двух странах – в бывших крупнейших экономиках «третьего мира», правда, в гораздо меньших масштабах из-за блокирования части экономики, занятой производством продукции и услуг, предназначенных для предотвращения распространения инфекции и нарушения транснациональных производственно-сбытовых цепочек¹⁷. В частности, МВФ прогнозировал рост ВВП для Китая и Индии на 1,2 и 1,9% соответственно в 2020 г. и экспоненциальный рост – на 9,2 и 7,4% в 2021 г.¹⁸. В высокоразвитых странах ожидался серьезный спад производства (табл. 2)¹⁹.

Таблица 2

**Прогнозы рецессии и роста в 2020–2021 гг.
(падение / рост ВВП в процентах, 2019 = 100)**

Страна	2020	2021	2021
Китай	1,2	9,2	110,5
Индия	1,9	7,4	109,4
Япония	5,2	3,0	97,6
Россия	5,5	3,5	97,8
США	5,9	4,7	98,5
Мир	3,0	5,8	102,6

Источник: World Economic Outlook. April 2020: The Great Lockdown.

¹⁶ Kolodko G. W. The New Pragmatism, or Economics and Policy for the Future // Acta Oeconomica. 2014. Vol. 64(2). P. 139–160 (<http://tiger.edu.pl/aktualnosci/2014/acta-oconomica-64-2014.pdf>); Stiglitz J. E., Fitoussi P., Durand M. Beyond GDP: Measuring What Counts for Economic and Social Performance. OECD. Paris. 2018; Koźmiński, A. K., Piotrowska A. N., Zagórski K. The Balanced Development Index for Europe's OECD Countries, 1999–2017. Springer Briefs in Economics. Springer. Cham. Switzerland. 2020.

¹⁷ Kolodko G. W. After the Calamity: Economics and Politics in the Post-Pandemic World // The Polish Sociological Review. 2020. N2(210).

¹⁸ В то же время Европейская комиссия прогнозировала рост ВВП Китая в 2020–2021 гг. на уровне 1,0 и 7,8%.

¹⁹ World Economic Outlook, April 2020. The Great Lockdown. International Monetary Fund. Washington, DC. 2020 (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>).

Если такие сценарии будут реализованы, то ВВП Китая по ППС увеличится с около 128% от уровня США в 2019 г. до около 144% в 2021 г., или наоборот доходы США сократятся с 78 до 70% доходов Китая. Это, бесспорно, нежелательно для президента США Д. Трампа, политика которого намеренно разработана для того, чтобы сравнительно ослабить китайскую экономику и «Сделать Америку снова великой» (Make America Great Again!) в данном контексте. Поэтому масштаб изменений, происходящих на мировой арене, огромен. Позвольте просто отметить, что национальный доход Китая, рассчитанный таким образом, уравнивается только общей суммой доходов США, Японии и России (рис. 2)²⁰.

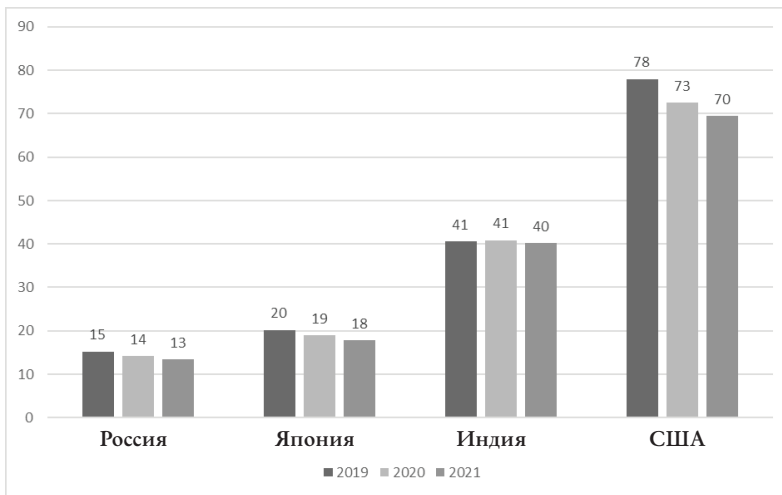

Рис. 2. Китай против «Большой четверки». ВВП отдельных стран от ВВП Китая (в %) по паритету покупательной способности. Источник: World Economic Outlook. April 2020.

Общий национальный доход в Китае (ВВП, взвешенный по ППС) более чем на четверть больше, чем в США, тогда как по текущему обменному курсу он все еще намного, почти на одну треть, меньше. В 2019 г. эти цифры составляли соответственно около 21 трлн долл. и 14,4 трлн долл. Лучше и больше информативен доход по паритету покупательной способности, поскольку этот показатель указывает действительную стоимость или, точнее, сопоставимую стоимость товаров и услуг, в которую он может быть конвертирован с учетом различий в международных ценах. В нашем анализе доходов, рассчитанных по рыночному обменному курсу, давайте примем упрощающее допущение, что эти страны будут поддерживать средние темпы роста ВВП после 2020 г. на уровне, достигнутом в год,

²⁰ World Economic Outlook. April 2020.

предшествовавшем пандемии COVID-19, т.е. 2,3 и 6,1% соответственно. Тогда ВВП Китая, достигнув 26 трлн долл. США (в постоянных ценах 2019 г.), превысит уровень США в 2030 г.

Иногда в глобальном экономическом сотрудничестве и соперничестве за политическое превосходство, особенно имеет значение то, как продукция Китая влияет на другие страны. Лишь в 1995 г. Китай занял первое место в списке пятнадцати крупнейших мировых экспортеров, и спустя лишь восемнадцать лет, в 2013 г. он взял на себя инициативу, которую будет продолжать удерживать в обозримом будущем²¹. В 2019 г. общий объем внешней торговли Китая составил 4,6 трлн долл., причем экспорт вырос на 0,5%, а импорт – на 2,8% по сравнению с предыдущим годом²².

Таблица 3

**Десять ведущих стран-потребителей
китайского экспорта в 2019 г.**

	В млрд долл.	В процентах
США	418,6	16,8
Гонконг	279,6	11,2
Япония	143,2	5,7
Южная Корея	111,0	4,4
Вьетнам	98,0	3,9
Германия	79,7	3,2
Индия	74,9	3,0
Нидерланды	73,9	3,0
Великобритания	62,3	2,5
Тайвань	55,1	2,2

Источник: Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. 2020; расчеты автора.

Относительно очень высокий экспорт в Гонконг почти полностью реэкспортируется. Таким образом, фактический экспорт товаров на соответствующие зарубежные рынки больше, чем показано в табл. 3.

²¹ С невероятными трениями, вызванными пандемией COVID-19, и часто хаотическими реакциями экономической политики, это, скорее, вопрос непредвиденного будущего.

²² Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. 2020.

В прошлом году перед пандемией, которая потрясла мировую экономику, включая международную торговлю, Китай имел положительное сальдо в 421,5 млрд долл., что превышает показатель предыдущего года, несмотря на санкции, вызванные торговой войной, которую вели США. Китай остается их крупнейшим торговым партнером, поскольку, несмотря на протекционистские ограничения, наложенные администрацией президента Д. Трампа, получает товаров на сумму более 1,5 трлн долл., т.е. пятую часть всего экспорта США.

Еще одно обстоятельство, имеющее значение в глобальном соперничестве, – финансовые ресурсы государства. Вкупе с валютными резервами они в Китае эквивалентны приблизительно 3,1 трлн долл., что дает ему первое место в мире²³. В 2014 г. они выросли на 750 млрд долл., но в последующие пять лет были разумно использованы государством для стабилизации экономики и стимулирования роста производства. Заметим, что треть резервов Пекина представлена американскими ценными бумагами, связывая тем самым две экономики еще больше. Две трети распределяются между другими резервными валютами, наибольшую долю которых составляют евро, далее следуют иена, гонконгский доллар²⁴, британский фунт стерлингов, корейский вон, австралийский и канадский доллары и швейцарский франк. Примерно 100 млрд долл. хранятся в золоте. Именно его крупномасштабные покупки Центральным банком Китая в последние годы привели к значительному росту цен на этот драгоценный металл.

Вместе с тем, только около 2% мировых валютных резервов приходится на китайскую валюту. Можно подсчитать, что центральные банки других стран накопили в юанях не более эквивалента четверти триллиона долларов. Это текущий статус, но он изменится, и доля юаней в мировых валютных резервах будет систематически, хотя и медленно, расти. Несомненно, сначала за счет доллара, что также будет иметь политические последствия. Кроме того, Китай, спровоцированный враждебностью США и агрессивной торговой политикой, что препятствует экономическому развитию, последовательно создает параллельную финансовую систему, которая поможет обойти платежные механизмы на основе долларов²⁵. В настоящее время

²³ И в Гонконге, и на Тайване имеются резервы, которые в обоих случаях значительно превышают 400 млрд долл. США. Следовательно, валютные резервы так называемого Большого Китая, возрастают до приблизительно 4 трлн долл. США.

²⁴ Гонконгский доллар, HKD, де-факто привязан к доллару США в рамках режима валютного совета, поэтому в макроэкономическом отношении обе валюты могут рассматриваться одинаково.

²⁵ The pandemic is driving America and China further apart // The Economist. 2020. May 9th (<https://www.economist.com/leaders/2020/05/09/the-pandemic-is-driving-america-and-china-further-apart>).

функционирование международной финансовой клиринговой системы ведет к тому, что огромное количество международных торговых контрактов не может быть заключено в обход доллара. Это позволяет Вашингтону налагать жесткие санкции на других или шантажировать их угрозой санкций, с чем, например, сталкиваются в эти дни Иран и его торговые партнеры.

Иногда враждебные эмоции фактически приводят к потере разума. Это можно сказать о видных представителях политического истеблишмента США, обвиняющих Китай и требующих финансовой компенсации за потери, понесенные экономикой страны в результате пандемии COVID-19²⁶. СМИ сообщили о фантастической идее, распространяемой источниками в администрации, о том, что Белый дом думает об отмене части долга перед Китаем в размере 1,1 трлн долл., чтобы «наказать» страну за пандемию²⁷. «Республиканцы в Конгрессе, такие как сенатор Л. О. Грэм (Южная Каролина), все чаще требуют, чтобы США «заставили Китай расплачиваться» за ущерб²⁸. Сенатор М. Блэкберн пошла еще дальше, до абсурда, потребовав отмены процентных платежей Китаю за любые авуары в долг США, поскольку «они обошлись нашей экономике уже в 6 трлн долл., и мы могли бы в итоге получить дополнительные 5 трлн долл.»²⁹. Такие публичные заявления политиков высшей лиги представляют собой зерно для мельницы ксенофобии, как будто ее уже недостаточно.

Во время избирательной кампании, стремясь к переизбранию президента Д. Трампа, его приспешники платят за рекламу в СМИ со словами «Китай убивает наши рабочие места, а теперь убивает наш народ»³⁰. Государственные СМИ Китая быстро отреагировали, раздувая националистические эмоции оскорблениями госсекретаря США М. Помпео, называя его «злым», «безумным» и «общим врагом человечества»³¹.

²⁶ "A bill has to come due for China": White House advisor Navarro threatens coronavirus retaliation // CNBC. Politics. May 11th. 2020 (<https://www.cnbc.com/2020/05/11/coronavirus-trump-advisor-navarro-threatens-retaliation-against-china.html>).

²⁷ There is less trust between Washington and Beijing than at any point since 1979 // The Economist. May 9th. 2020. (<https://www.economist.com/united-states/2020/05/09/there-is-less-trust-between-washington-and-beijing-than-at-any-point-since-1979>).

²⁸ U.S. Officials Crafting Retaliatory Actions against China Over Coronavirus as President Trump Fumes // Washington Post. 30.04.2020. (<https://www.washingtonpost.com/business/2020/04/30/trump-china-coronavirus-retaliation/>).

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

Как видим, наблюдается увлекательное, хотя и часто неприятное столкновение между геэкономикой и геополитикой³². Оба мегапроцесса взаимосвязаны. Но если нам удастся избежать разрушительной «горячей войны», – предположение, которое я последовательно высказываю, – в завтрашнем мире экономические процессы несомненно получат решающее значение. Отношения с властью будут определяться тем, как они развиваются, а не субъективными желаниями и амбициями политиков, для которых власть и влияние – это все, а решение социальных и экономических проблем служит лишь инструментом их доминирования. С этой точки зрения относительное положение Китая на мировой арене продолжит укрепляться в течение многих последующих лет, поскольку его экономика будет расти в абсолютном и в относительном выражении, хотя уже не такими темпами, как до недавнего времени.

Китай не только не попадает под власть «коммунизма»³³, но и благодаря своим уникальным особенностям, продолжает расти темпами, выше средних. После победоносной многолетней войны с бедностью наступает еще одна война, на этот раз в защиту окружающей среды. Кроме того, ее можно выиграть с течением времени, и это докажет, что неперемное условие (*conditio sine qua non*) конкретной политической и экономической системы Китая – так называемый чайнизм³⁴, – будет принято следующими поколениями. Ранее Китай, и особенно его лидеры, не желали жертвовать, чтобы максимизировать традиционно определяемые (в узких количественных терминах) темпы экономического роста. Теперь, накануне своего продвижения в группу стран с высоким уровнем доходов, он должен пожертвовать тем же на алтаре развития, который трижды устойчив: в экономическом, социальном и экологическом плане. Если Китаю удастся это сделать, то он мирно выиграет еще одну эпоху на бесконечном пути развития.

³² Kolodko G. W. *Chinism and the Future of the World // The Communist and Post-Communist Studies*. 2020. Vol. 53. Special Issue.

³³ Sun Feng, Wanfa Zhang. *Why Communist China isn't Collapsing: The CCP's Battle for Survival and State-Society Dynamics in the Post-Reform Era*. Lexington Books. Lanham – Boulder – New York – London. 2020.

³⁴ Kolodko G. W. *Socialism, Capitalism, or Chinism? // The Communist and Post-Communist Studies*. 2018. Vol. 51(4). P. 285–298 (http://tiger.edu.pl/CPCS_2018.pdf).

И. Орлик

ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ЗАВЕРШЕНИЕ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Три десятилетия прошло после падения социалистического строя в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Начались поиски и внутренняя борьба за установление социально-экономического устройства, как казалось, по западноевропейскому образцу. Это был сложный период преобразований с подъемами и спадами, который исследователи называли «постсоциализмом». Тридцать лет в наше быстротекущее время – срок немалый. Достигли ли они вождеденных западных стандартов? Каковы итоги постсоциалистической трансформации?

Успехи и просчеты начала трансформации

Опыт сорока с лишним лет развития стран ЦВЕ в рамках социалистической системы, на основе отличной от западноевропейской социально-экономической и политической модели, не мог быть сразу отброшен, особенно в сфере социальных отношений, политике, экономике, культуре.

Все же социально-политическая система в странах ЦВЕ изменялась довольно быстро, что и предопределило в скором времени появление сложных общественных проблем. Уже в первой половине 90-х годов прошлого века был демонтирован прежний режим, началось оформление правовых основ новой социальной системы¹. Проводились выборы в парламент, учреждались новые политические структуры. Но все это происходило без какой-либо заранее подготовленной программы, без учета (а то и без наличия) традиций демократических

Игорь Иванович Орлик – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва).

¹ Об этом подробнее см.: Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX – начале XXI века. Том первый. Преобразования. Отв. ред. С. П. Глинкина. М. Наука. 2005. С. 110–154.

преобразований. Ощущался «разнобой» в разных странах ЦВЕ. Особенности политических преобразований проявлялись в государствах Центральной Европы и в новообразованных при распаде Югославии странах Балканского региона.

Основными направлениями преобразований в 90-е годы XX в. и в начале XXI в. стало формирование по западному образцу демократического правового государства, разделения властей, политического плюрализма властей и гражданского общества.

Начальный этап постсоциалистической трансформации был глубоко изучен группой сотрудников Института международных экономических и политических исследований РАН во главе с С. Глинкиной, которой принадлежит заслуга развития оригинального научного направления «постсоциалистическая трансформация».

Постоянно корректировались функции законодательной и исполнительной власти. Например, такие парламентские республики, как Болгария, Венгрия, Польша, Словакия и Чехия, «осуществили на практике переход от сильного парламента и слабого правительства на начальном этапе переходного периода к более сильному правительству при относительно слабом парламенте. Решение трудных задач трансформации требовало такого перехода»².

Политическая жизнь в странах ЦВЕ, политическая ориентация (а вернее дезориентация) населения усложнились и усложняются до сих пор огромным числом политических партий и различных фракций. В начальные годы трансформации, да и позже, они насчитывались (даже в относительно малых по населению странах) десятками, а то и сотнями. В Болгарии, например, в 2001 г. было 85 партий и коалиций, в Венгрии – более 70 (перед этим – около 200), в Польше – около 130, в Сербии – 326, Чехии – более 100³.

Важнейшим направлением системных преобразований в странах ЦВЕ стали экономические реформы. Решающую роль в их начале, развитии, да и в содержании, сыграли политические решения Европейского союза (ЕС), принятые в июне 1993 г. в Копенгагене и открывшие дорогу к вступлению в него бывшим социалистическим государствам.

Главным элементом экономических реформ была приватизация государственной собственности. Частный сектор стал преобладающим в экономике. Его доля в производстве ВВП составила в Венгрии, Словакии и Чехии 80%, в Польше и Болгарии – более 70, а в балканских странах – 60–65%.

Анализ основных этапов экономических реформ привел С. Глинкину к следующим выводам.

² Россия и Центрально-Восточная Европа. Указ. соч. С. 113.

³ Там же. С. 128.

Важным направлением реформ оказались меры защиты отечественного производителя и потребителя, активно используемые странами ЦВЕ. Они на практике поняли, что чрезмерная либерализация импорта оборачивается жесткой конкуренцией, непосильной для национального производителя. В Венгрии ее на себе испытали 40 из 50 отраслей, 80% продукции. Аналогичные проблемы возникли и в Польше. Не случайно именно в этих странах развернулась дискуссия о необходимости ограничения иностранного присутствия в экономике. Усилилось давление производителей, отраслевое лоббирование с целью ужесточения правил импортного режима и привлечения иностранного капитала. Своевременные меры – повышение тарифов на импорт в Венгрии, разработка селективной таможенной системы в Польше – позволили уберечь внутренний рынок от разрушения, а национального производителя – от полного уничтожения⁴.

Куда сложнее, чем либерализация экономической жизни, оказалось формирование институциональной инфраструктуры рыночной экономики. Очевидным для стран ЦВЕ становился вывод о том, что правовые институты скопировать легко, но превращение их в эффективно работающие требует длительного процесса – восприятия чужого опыта и поведенческой адаптации. Подходы менеджеров и предпринимателей к проблемам координации в децентрализованной экономике зависят прежде всего от институциональной среды, в которой они действуют.

Образование институционально-правовой системы, отвечающей условиям рыночной экономики, – весьма сложный процесс, требующий значительных капиталовложений, который сдерживался общей незрелостью рыночного механизма в постсоциалистических странах. В свою очередь специфика складывающихся институтов рынка накладывала отпечаток на характер функционирования экономики. По оценкам западных экспертов, страны ЦВЕ по уровню развития банковского сектора (по объемам капитала и качеству его функционирования) располагались примерно в следующей последовательности: Венгрия, Чехия, Польша, Словакия, Румыния, Болгария. Из стран бывшей СФРЮ особо выделяются Словения и в меньшей мере Хорватия. Банковское дело в СРЮ⁵ и Македонии в значительной степени долгое время сохраняло черты, унаследованные от прежней само-

⁴ Об этом подробнее см.: Богомолов О. Т., Глинкина С. П. Первые уроки трансформации / Постсоциалистические трансформации в странах Восточной Европы. СПб., 2004. С. 11.

⁵ СРЮ – с апреля 1992 г. Союзная республика Югославия, после распада СФРЮ (Социалистическая Федеративная Республика Югославия) ее образовали Сербия и Черногория.

управленческой системы хозяйствования. В наиболее развитых странах региона усиливается присутствие западного банковского капитала.

За годы реформирования в Венгрии, Чехии, Польше сложились такие институты рынка, как фондовые биржи и учреждения, обслуживающие внебиржевой оборот ценных бумаг. Постепенно расширялось количество участников таких оборотов, особенно там, где наиболее успешно продвигалась приватизация государственной собственности и привлекался иностранный производственный капитал. Однако рынок денег и капитала оставался все еще очень слабым. До 80% их оборота относилось к внебиржевой торговле. Примерно такая же доля биржевого оборота приходилась на государственные ценные бумаги, преимущественно кратко- и среднесрочные.

Со значительными трудностями столкнулись страны ЦВЕ при формировании адекватных рынку субъектов хозяйствования на основе приватизации государственных предприятий. Первоначальные надежды на возможность преобразования отношений собственности «кавалерийской атакой» не оправдались. Попытки приватизации «любой ценой» вылились в стихийные неконтролируемые формы разгосударствления собственности, практически в ее разбазаривание. К чести стран, этот процесс был вовремя осознан и в большинстве из них остановлен.

На начальном этапе приватизации в ЦВЕ господствовала иллюзия, согласно которой иностранный капитал станет локомотивом приватизационного процесса. Надежды не оправдались. Исключение составила лишь Венгрия, где каждое четвертое предприятие в промышленности оказалось совместным.

Как отмечали академик О. Богомолов и С. Глинкина, к середине первого десятилетия нового века стал очевидным прогресс в реформировании экономических систем: хозяйственная деятельность либерализована, созданы (хотя и не всегда эффективно действуют) все основные институты рыночной экономики, заложен фундамент финансового рынка.

Означает ли это, что «западная программа» постсоциалистического развития стран ЦВЕ была реализована?

Обратимся к принятому 10 июня 1990 г. на саммите Евросоюза в Кельне «Пакту стабильности для Восточной Европы». Вот его главные установки:

- предотвратить и положить конец напряженности и кризисам;
- инициировать здоровые демократические и политические процессы;
- строить мирные и добрососедские отношения в регионе путем строгого соблюдения принципов Хельсинского заключительного акта;
- создавать жизнеспособные рыночные экономики, основанные на прочной макроэкономической политике;
- укреплять экономическое сотрудничество в регионе;

- создавать условия в странах Восточной Европы для полной интеграции в политические, экономические структуры и структуры безопасности по их выбору⁶.

К завершению первого десятилетия XXI в., когда почти все страны ЦВЕ «ушли» на Запад – в ЕС, стало очевидно, что большинство целей внешнеполитической стратегии Евросоюза не достигнуто.

Уже в самом начале трансформации почти на всем восточноевропейском пространстве явно проявились «неолиберальные концепции», хотя какой-либо четкой практической конкретизации они в большинстве случаев не получили. Так, академик А. Некипелов пришел к убедительному выводу, что «ликвидация коммунистической системы в совокупности с переориентацией на Запад выглядели в глазах населения тождественными основному национально-государственному интересу. На первых порах антикоммунизм и отвлеченный от жизненных реалий либерализм позволили не только отстранить коммунистов от власти, но и обеспечить новым властям необходимый кредит доверия. Но многочисленные трудности в осуществлении реформаторского курса, привели к тому, что это доверие стало быстро падать»⁷.

Тем не менее экономический подъем в странах ЦВЕ главным образом определялся модернизацией и созданием новых предприятий с иностранным капиталом. Собственные «национальные» предприятия не смогли с ними конкурировать.

Более 50% накопленных в странах иностранных инвестиций использовались в торговле и сфере услуг, около 40% – в обрабатывающем секторе. В банковскую систему поступило больше всего непроизводственных иностранных инвестиций. Почти 70% промышленных иностранных инвестиций использовались в производстве транспортных средств, продовольствия, электротехнического и оптического оборудования. Но больше всех эти инвестиции использовались в автомобилестроении Венгрии, Польши, Румынии, Словакии, Словении и Чехии. Приток иностранных инвестиций был главным фактором, определявшим успехи экономического развития стран ЦВЕ⁸.

Блестящий анализ первых итогов трансформации в ЦВЕ содержится в докладе президента Международной экономической ассоциации известного венгерского ученого-экономиста Я. Корнаи на XIV Всемирном конгрессе в Марокко 29 августа 2005 г. Он подчер-

⁶ Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы / Современная Европа. 2000. №3. С. 112.

⁷ Некипелов А. Д. Точка зрения. М. 2011. С. 52.

⁸ Модернизация в странах российского пояса соседства: структурный и технологический аспекты. Отв. ред. С. П. Глинкина. СПб. Нестор-История. 2012. С. 26–29.

кнул, что для понимания сущности трансформационного процесса очень важны внутренние и внешние условия его реализации и кратко охарактеризовал их:

- Изменения происходили в русле *основных направлений* развития западной цивилизации: в направлении *капиталистической экономической системы* в сфере экономики и *демократии* в политической сфере.

- Это была *полная* трансформация, прошедшая *параллельно во всех сферах*: в экономике, политической структуре, идеологии, правовой системе и стратификации общества.

- Трансформация совершалась *ненасильственным* путем.

- Процесс трансформации проходил в *мирных* условиях. Изменения не навязывались обществу силой...

- Трансформация прошла *с невероятной скоростью*...⁹

Однако здесь же Я. Корнаи признает (кстати, как и другие венгерские экономисты), что, по существу, речь шла о реставрации капитализма в странах ЦВЕ: «аргумент «реставрации» справедлив лишь частично»¹⁰.

Далее следует социальный вывод: в результате «каждый третий житель региона либо в значительной, либо в какой-то мере не удовлетворен своей жизнью»¹¹.

На страницах журнала «Мир перемен», да и в других публикациях исследователей Института экономики РАН, не раз была доказана относительно краткосрочная роль внешнего фактора в постсоциалистических трансформациях. Чтобы снять упреки в якобы предвзятости, приведем мнение авторитетного ученого отнюдь не российской ориентации. Вот как этот западный фактор оценивает Я. Корнаи: «страны ЦВЕ стремятся ассимилировать западные образцы во всех сферах. Это заимствование было вызвано и направлялось главным образом внутренними силами. Однако нет смысла отрицать, что замечен также определенный уровень *внешнего политического давления* (курсив наш – И. О.)... Ни какое-либо иностранное (государство – ред), ни даже великие державы не манипулировали небольшими странами ЦВЕ. Однако практика увязывания действительно имела место. Ее начали базирующиеся в Вашингтоне международные финансовые организации и постепенно продолжил Европейский союз. В соответствии с этой практикой предоставление займов и грантов, развитие отношений, гарантирование различных дополнительных прав во все большей мере связывались с выполнением определенных предвари-

⁹ Об этом подробнее см.: Корнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успехи и разочарования // Мир перемен. 2006. №2. С. 19–20.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Там же. С. 35.

тельных условий. Верно, что формулировка этих условий, как правило, отвечала долгосрочным интересам соответствующих стран. Тем не менее многие изменения были навязаны этим странам с помощью внешнего давления или, по меньшей мере, это давление ускорило реализацию изменений.

Географическая близость западного мира не могла не способствовать интенсивности внешнего давления. Самые быстрые из недавних значительных изменений произошли именно в тех странах, которые непосредственно граничат с развитыми европейскими странами»¹².

Все это, по признанию Я. Корнаи, «приведет к ограничению национального суверенитета государств»¹³.

Влияние внешнего фактора, особенно иностранных инвестиций, на успех трансформации в восточноевропейских постсоциалистических странах бесспорно. Но до определенного предела. Анализируя воздействие прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на ход и эффективность трансформации в странах ЦВЕ, Н. Куликова приходит к выводу, что привлечение иностранного капитала способствовало росту и модернизации стран ЦВЕ, повысило их конкурентоспособность, однако ПИИ не обеспечили технологического рывка, а в долгосрочной перспективе ставка на них без развития собственной инновационной сферы несет риск сохранения или даже увеличения отставания по техническому уровню, а значит и по совокупной факторной производительности¹⁴.

Приобщение стран ЦВЕ к европейской интеграции должно было, по замыслу сторонников «вхождения в Европу», привести к выравниванию уровней экономического развития, сокращению или даже ликвидации дифференциации между постсоциалистическими странами. Но процесс пошел в обратном направлении¹⁵.

Разочарование

«Разочарование» – так все чаще определяется отношение к итогам постсоциалистической трансформации в странах ЦВЕ. Именно так оценил настроение значительной части населения стран – новых членов Евросоюза Я. Корнаи. Подобные оценки звучат в Чехии, Словакии, Болгарии и даже в Польше, где ситуация лучше, чем в других государствах-«младоевропейцах». Но речь идет не только об эконо-

¹² Корнаи Я. Указ. соч. С. 26–27.

¹³ Там же. С. 29.

¹⁴ Куликова Н. Опыты модернизации стран ЦВЕ. Прямые иностранные инвестиции в развивающиеся рынки // Свободная мысль. 2009. №6. С. 59–61.

¹⁵ Об этом подробнее см.: Орлик И. Очерки истории международных отношений. СПб. Нестор-История. 2013. С. 285–286.

мической ситуации и жизненном уровне. Вполне справедливо А. Некипелов, оценивая ситуацию всех сторон жизни в странах ЦВЕ, считает, что «разочарование в либеральной прозападной ориентации» порождает «крен» в сторону нового авторитаризма, местного изоляционизма, консервативных психологических ценностей»¹⁶.

Надежды жителей региона оправдывались в первые годы трансформаций, когда финансовые вливания Евросоюза действительно содействовали подъему экономики ряда восточноевропейских стран. Это и вызвало там эйфорию населения. Надежды укреплялись и дальнейшими обещаниями Евросоюза, хотя далеко не все воплощались в жизнь. Уже через 5 – 6 лет системных трансформаций «стало очевидным», что, например, обещанное повышение уровня жизни не состоялось»¹⁷. Так, в Венгрии, согласно социологическому исследованию, в 2010 г. почти 50% населения считали негативными проведенные реформы, многие стали «безнадежно нищими». Такая же неудовлетворенность результатами трансформаций открыто выражается в Болгарии, Румынии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Сербии.

Это подтверждают и официальные институты Евросоюза. Например, Европейский банк реконструкции и развития в 2010 г. привел данные о поддержке реформ всего лишь одной третью населения ряда стран ЦВЕ. В том же году в Сербии только каждый шестой из опрошенных респондентов положительно оценил проведение реформы. В Чехии каждый пятый житель «недоволен своей жизнью», а 67% «ностальгировали по прошлому». В Польше, где ситуация более благоприятная, согласно сведениям Главного статистического управления страны, 6,5 млн человек (17% населения) считают, что их доходы обеспечивают выживание на грани бедности, а в зоне крайней нищеты (доходы ниже прожиточного минимума) – 14% семей¹⁸.

Как следует из социологических опросов, каждый третий житель в странах ЦВЕ в значительной мере не удовлетворен своей жизнью. Былые надежды, ложные иллюзии стали растворяться по мере глубокого трансформационного спада. Стало ясно, что прежнее отставание от Запада не сокращается, а в ближайшем будущем может стать еще большим. Один из показателей отставания «младоевропейцев» от основателей ЕС – средняя зарплата. Например, в Болгарии она в 12 раз меньше швейцарской, в 6,2 раза – немецкой.

Негативными чертами жизни в странах ЦВЕ стали депопуляция, снижение рождаемости, массовая эмиграция. В ряде стран, например,

¹⁶ Некипелов А. Д. Указ. соч. С. 58.

¹⁷ Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3-х т. / Под общ. ред. С. П. Глинкиной. Т.1. Центрально-Восточная Европа / Отв. ред. Н. В. Куликова. СПб: Алетей. 2017. С. 251–259.

¹⁸ Там же. С. 257.

в Венгрии, за последние 10–15 лет численность населения уменьшилась с 10 млн до 8,5 млн человек, в Болгарии – с 9 млн до 7 млн.

Уже в середине первого десятилетия нового века Я. Корнаи говорил: «Давайте перенесемся на пару десятилетий назад и вспомним настроения и ожидания жителей этих стран, находившихся в оппозиции коммунистической системе. В то время мысль о том, что в обозримом будущем их страны превратятся в демократии с рыночной экономикой, казалась им несбыточной мечтой. Но сегодня, когда это стало реальностью, многие из них испытывают разочарование и горечь»¹⁹.

Что же произошло? Вот ответ Я. Корнаи: «Проблемы и сложности, испытываемые людьми в странах ЦВЕ, имеют множество причин. Я подчеркну лишь некоторые из них.

Регион отстает от Запада по уровню развития. Это не новое явление, так было в течение столетий. За период социализма этот разрыв еще больше увеличился. Существуют неплохие шансы на постепенную ликвидацию этого отставания, но в высшей степени маловероятно, что в социо-экономико-политической сфере произойдет что-либо, способное заполнить этот разрыв (скорее, пропасть!) в ближайшем будущем. Тот факт, что регион находится на среднем уровне развития, значительно позади передовиков, отчасти (но не исключительно) объясняет многие негативные явления, в том числе бедность, технологическое отставание, ограниченность ресурсов, необходимых для здравоохранения, образования и науки»²⁰.

Разочарование принесла и эмиграция из стран ЦВЕ на Запад. Интеграция в ЕС сначала означала в основном позитивные изменения в регионе. Содействие и влияние старожилов ЕС на новых членов бесспорно. Но западный фактор не во всех странах действовал одинаково. Стремительная демократизация принесла быструю, но неустойчивую стабильность. Ощутимые различия между странами в уровнях демократизации и стабильности сложившихся демократических систем проявляются и поныне. Старые западные идеи демократизации восточноевропейских стран в реальности были деформированы, ощущается «возросшее давление на власть международного и национального капитала»²¹.

Еще одно разочарование – проблема бедности на постсоциалистическом пространстве. В целом она представляет сегодня «серьезный вызов устойчивому социально-экономическому развитию региона, реально препятствует реформам в сфере здравоохранения, образования, жилищной политики. Массовая бедность – результат не только несправедливого социального устройства, но и неэффективной вну-

¹⁹ Корнаи Я. Указ. соч. С. 9.

²⁰ Там же. С. 39–40.

²¹ Об этом подробнее см.: Орлик И. И. Западный фактор восточноевропейской трансформации // Мир перемен. 2016. №2. С. 110–120.

тренней и внешней политики, неквалифицированного управления, отсутствия политической воли»²². Как образно отмечено в докладе Программы развития ООН (ПРООН), «...без необходимых инвестиций и политической воли вексель, выданный людям всего мира, вернется с пометкой «недостаток средств на счете»».

В последнее время еще большую настороженность в ряде стран (особенно в Венгрии и некоторых балканских государствах) вызывают данные статистики, согласно которым возрастает число высококвалифицированных специалистов, уезжающих на Запад. Растет дефицит квалифицированной рабочей силы в ЦВЕ.

На этом фоне огромное недовольство вызвал новый миграционный поток в Европу сотен тысяч беженцев из стран Ближнего Востока и Африки. Массовая миграция в Европу, в том числе и в страны ЦВЕ, – одна из острейших проблем ЕС. По словам премьера Венгрии В. Орбана, «венгерское общество не желает видеть беженцев у себя в стране, оно испытывает страх от перспективы жить вместе с многочисленной мусульманской общиной, поскольку видит, что происходит в Западной Европе, и это ему не нравится»²³. Более детально ситуация была охарактеризована спикером венгерского парламента Л. Кёвером: «Европа сама больна, а нынешний миграционный кризис вторичен – первичен же глубокий духовный, моральный и вытекающий из этого политический кризис Евросоюза»²⁴.

Как получилось, что восточноевропейские страны, многие из которых успешно развивались с начала первого десятилетия нового века, оказались в глубокой рецессии за всю свою новейшую историю? Кризис проявился в производственной, внешнеторговой, бюджетно-финансовой, социальной сферах²⁵.

Можно выделить главные причины резкого спада почти всех показателей экономического развития:

- тесная экономическая привязка к Западной Европе, откуда пришел кризис, зависимость внешней торговли восточноевропейских стран от рыночной конъюнктуры в развитых странах;
- постоянная ориентация на использование относительно дешевых иностранных кредитов, развитие экспортных отраслей экономики за счет привлечения прямых иностранных инвестиций, невнимание к мобилизации внутренних ресурсов и расширению внутреннего рынка;
- неосмотрительная макроэкономическая политика.

²² Шестакова Е., Соколова Т. Бедность и неравенство в постсоциалистических государствах: взгляд извне и изнутри // Мир перемен. 2007. №1. С. 106.

²³ Цит. по: Постсоциалистический мир. Указ. соч. Том 1. С. 321.

²⁴ Там же.

²⁵ Об этом подробнее см.: Орлик И. Стала ли Восточная Европа Западной? // Мир перемен. 2011. С. 90.

Драматическая международная ситуация в Европе во втором десятилетии XXI в. вызывает все большее стремление восточноевропейцев усомниться в навязанном им курсе, встать на собственный путь, сохраняя при этом все позитивное, полученное от сотрудничества в рамках ЕС. Потеря внешнеполитического суверенитета, или даже его части, не может не сказаться на дальнейшем ходе развития отдельных стран ЦВЕ и даже всего региона.

Зависимый капитализм

В странах ЦВЕ основные политические преобразования и экономические реформы уже проведены. Некоторые коррективы, дополнения к законам и даже изменения конституционных положений не меняют сути установленных порядков. Хотя напряженность политического противостояния (особенно в парламентах) не исключает возможных изменений, например, в решении некоторых сложных внешнеполитических проблем.

Анализ хода и основных итогов постсоциалистических преобразований приводит к выводу, что «результаты институциональных реформ в ЦВЕ оказались далекими от ожидаемых, несмотря на то, что программы этих реформ для стран-кандидатов на присоединение к ЕС были разработаны его руководящими органами и для их реализации Евросоюз оказывал техническую и финансовую помощь, а также разработал механизмы принуждения, включая санкции за невыполнение»²⁶.

Этот внешний фактор воздействия, его основные элементы необходимо учитывать при определении сущности государственного устройства стран, завершивших постсоциалистическую трансформацию. Кем они стали? К какому типу государств они относятся?

В XX в. было немало предсказаний относительно будущего развития мира. Выражались надежды на его «демократизацию» и установление «демократических международных отношений», на утверждение «нового политического мышления», признание «глобализации и общечеловеческих интересов» и т.п. Но пришел век XXI-ый и развеял все предсказания.

В начале 90-х годов XX в. наступил период «постсоциалистических трансформаций». Некоторые, в том числе и советские исследователи, выражали надежду на «процесс обновления» в Восточной Европе, «новое взаимодействие» между Востоком и Западом, считали бесперспективным «видение мира через призму политической, военной и идеологической конфронтации»²⁷. Но все оказалось далеко не так.

²⁶ Постсоциалистический мир. Т. 1. С. 47.

²⁷ Мусатов В. Л. Восточная Европа: процесс перемен // Новая и новейшая история. 1991. №5. С. 34.

Представляют интерес взгляды известного американского дипломата и историка Дж. Кеннана на будущее России. Позже они стали почти полностью соответствовать и положению восточноевропейских постсоциалистических стран. Дж. Кеннан писал о грядущих кардинальных изменениях, глубоко проникая в их суть. Как пророчески звучат его наставления русским и американцам по поводу их отношения к «русскому будущему». «Обращаясь к политической стороне дела, – утверждал он, – мы не можем ожидать появления либерально-демократической России, созданной по американскому образцу. Это необходимо подчеркнуть со всей силой. Это не значит, конечно, что будущий русский режим обязательно будет антилиберальным. Нет более прекрасной либеральной традиции, чем та, которая была в русском прошлом. Мы только можем от всей души пожелать им успеха. Но мы не окажем им услуги, если будем ожидать от них *слишком быстрых и слишком больших успехов*, или же если будем надеяться, что они *создадут строй, подобный нашему* (курсив наш – И. О.)»²⁸.

Вот и предупреждение будущим (т.е. сегодняшним) «реформаторам». «Многие характерные черты советской системы переживут советскую власть, хотя бы уже потому, что все другое, что можно было бы ей противопоставить, было уничтожено. Некоторые же черты советской системы заслуживают того, чтобы они пережили ее, ибо ни одна система, просуществовавшая десятилетия, не может быть лишена отдельных положительных черт. Программа всякого правительства будущей России должна будет учесть тот факт, что в русской жизни был советский период, и что этот период оставил – вместе с отрицательным – и свой положительный отпечаток»²⁹.

Сегодня эти слова можно полностью отнести и к ЦВЕ. Да и в реальности в Чехии, Словакии, Венгрии, Сербии и других постсоциалистических странах невольно обращаются к бывшему опыту, некоторым его позитивным чертам.

«В последние годы, – писал Дж. Кеннан в 1986 г., – было немало случаев, когда американское правительство выражало недовольство действиями других правительств, руководствуясь основаниями, которые, по крайней мере, предполагали моральные критерии для оценки, и в некоторых из данных случаев словесные заявления протеста подкреплялись более осязаемыми мерами давления. Эти различные интервенции проходили под целым рядом лозунгов: демократии, прав человека, правления большинства, верности договорам, верности Уставу ООН и т.д. Мишенью при этом иногда были внешняя поли-

²⁸ Кеннан Д. Ф. Америка и русское будущее // Новая и новейшая история. 2001. №3. С. 84.

²⁹ Там же.

тика, действия стран-«нарушителей», но чаще – внутривосточные действия»³⁰.

Сбывалось мрачное пророчество Дж. Кеннана, который предупреждал, что найдутся те, кто «расценили конец холодной войны» и распад Советского Союза как образование вакуума, который они, в соответствии со своими представлениями должны теперь заполнить»³¹.

Эти и другие мысли мудрого американца имеют прямое отношение к формированию, а затем к завершению «постсоциализма» в России и других бывших социалистических странах.

После падения социалистического строя в ЦВЕ и распада СССР наступил ожидаемый и предначертанный многими период «постсоциализма». Особые ожидания были в восточноевропейских странах, где после западных финансовых вливаний значительная часть населения пребывала в эйфории. Казалось, пришло долгожданное и длительное счастье. Но после кризиса 2008–2010 гг. эйфория сменилась скептицизмом³².

Во время «постсоциализма» стали вестись новые поиски определения сущности государств, их принадлежности к тому или иному типу – например, социальное государство, демократическое и пр. Однако попытки распространить определение социального государства на современные западные страны (и тем более на восточноевропейские) совершенно безосновательны. О каком стремлении «достичь равенства и свободы, поднять обездоленных до уровня богатых и сильных» можно говорить в наше время, «несмотря на большие успехи»?³³ Весьма сомнительны и определения государств ЦВЕ как «демократических политических систем» при «функционирующих рыночных экономиках»³⁴.

Венгерский экономист Э. Барта отмечает: «В странах ЦВЕ по-прежнему бытует иллюзия «хорошего капитализма» – только либеральные рассуждения на этот раз сменяет идеология национальной замкнутости. М. Фейшмидт, например, определяет неонационализм как местный ответ полупериферийному капитализму. Я с этой дефиницией полностью согласна. Одним из результатов моего социологического исследования, проведенного в 2015 г., стало то, что молодые квалифицированные рабочие, работающие на предприятии одной ТНК, осознают факт своей эксплуатации. Однако этими их настроениями воспользовались не левые партии политического спектра, а в первую очередь ультраправые, которые «назначают» ответственным за

³⁰ *Kenan G. F. Morality and Foreign Policy // Foreign Affairs. Winter. 1985–1986. №2. P. 208.*

³¹ *Kenan G. F. At a Century's Ending: Refflution. 1982–1925. N-Y. 1996. P. 332.*

³² Об этом подробнее см.: *Орлик И. Центрально-Восточная Европа: от эйфории к скептицизму // Мир перемен. 2018. №1. С. 79–91.*

³³ *Гаац В. О будущем социального государства // Мир перемен. 2013. №4. С. 88.*

³⁴ *Корнаи Я. Указ. соч. С. 8.*

эксплуатацию международного капитал (как будто «отечественный» капитал повел бы себя по-иному). Многие разочаровались в членстве страны в Евросоюзе, так как ожидаемое западное благосостояние и подтягивание к уровню Запада не состоялось; в то же время иллюзия «хорошего капитализма» даже среди критической интеллигенции еще удерживается»³⁵.

Завершение постсоциалистической трансформации неизбежно вызывает вопрос о характере общественного строя в странах ЦВЕ, отвергнувших социализм и полностью сориентированных на Запад. Что же такое Запад? Известный политолог С. Хантингтон утверждал: «Запад – странное, хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого. Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95% населения Земли. Запад уникален, а вовсе не универсален»³⁶.

Запад ассоциируется с широким понятием капитализма. Но, как известно, существуют различные типы рыночно-капиталистического хозяйства. Какой же капитализм построили бывшие социалистические страны ЦВЕ?

Не вдаваясь в дискуссию различных экономических школ по поводу разнообразия моделей капитализма, обратимся к характеру отношений между старожилами Евросоюза и его новыми членами – бывшими социалистическими странами Восточной Европы. Этот характер во многом предопределен третьим, особым типом капитализма, сложившимся по итогам трансформации в странах ЦВЕ в отличие от первых двух типов – либерального и/или координированного рыночного, – это *зависимый рыночный капитализм*. Именно он, по нашему мнению, представляет собой базовый тип капитализма в странах ЦВЕ³⁷.

При формировании зависимого рыночного капитализма как особого типа обращает на себя внимание роль глобальных кризисов, предопределяющих состояние в странах таких институтов, как государство, национальная буржуазия, профсоюзы и т.п. После распада «социалистического содружества» его бывшие государства-члены были слабы, «национальная буржуазия отсутствовала либо была не способна сопротивляться захвату экономики транснациональными корпорациями, а профсоюзы не смогли защитить права трудящихся.

Основной чертой базового типа капитализма – зависимого, созданного в ряде (фактически в большинстве) стран ЦВЕ – стала фундаментальная зависимость их экономик от решений, принимаемых транснациональными корпорациями. Модель зависимого рыночного капитализма была полна рисков для трансформировавшихся эко-

³⁵ Действительно ли трансформация закончилась? // Мир перемен. 2015. №4. С. 49.

³⁶ Huntington S. West is unique and not universal // Foreign Affairs. 1996. Apr. 8.

³⁷ Этот тезис подробно обосновывается в ряде публикаций С. Глинкиной.

номик. Эти риски сохраняются и после завершения трансформации. Э. Барта, например, считает «доказанным то утверждение парадигмы системой критики, что в Восточной Европе капитализм функционирует как полупериферийный»³⁸.

* * *

Постсоциалистическая трансформация явно исчерпала себя. Во-первых, непонятный по содержанию «постсоциализм», спустя 30 лет, не может продолжаться еще десятки лет. Во-вторых, трансформации фактически завершились. Остались какие-то дополнения или корректировки законов или даже конституций (как, например, в Польше). Да и суть трансформации остается неясной. В ряде восточноевропейских стран политологи вообще считают, что никаких демократических «постсоциалистических» трансформаций не произошло. По мнению некоторых венгерских экономистов, у них в стране, да и в других восточноевропейских государствах, состоялась банальная реставрация былого капитализма. Дефиниция «социальное государство» вряд ли определяет природу подлинного государственного устройства. Определение же «демократическое государство» еще более запутывает поиск истинности «постсоциализма».

Что же ждет дальше страны, жившие в XX в. при социализме? В наш нестабильный, бурный XXI в. предначертания будущего вряд ли возможны.

³⁸ Действительно ли трансформация закончилась? С. 53.

Е. Калоева

КАК ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ ПРИ ПОСТСОЦИАЛИЗМЕ

*Не существует законченной истории, следствие
навечно обречено на возобновление.
Э. Мазюрель.*

Демократические революции 1989 г., падение Берлинской стены и последующие перемены вызвали новый всплеск исторических дискуссий о характере социалистических государств, причинах распада социалистической системы, а также переоценку политических режимов той эпохи и использование политического фактора в формировании современного образа прошлого.

Новые герои, жертвы и палачи на Балканах

Говоря словами американского историка Е. Фонера, новое будущее потребовало новое прошлое¹. Политика истории, или историческая политика, как принято говорить, например, в России и Польше, включает целый спектр мер и способов, которыми политические элиты пользуются для создания новых и поддержания старых представлений о прошлом, отвечающих их политическим интересам и проповедуемой идеологии. Политика истории каждого государства содержит два взаимосвязанных аспекта, один из которых состоит в решении проблем внутренней политики, а другой – имеет значение для трактовки международных отношений.

Сербский исследователь Т. Кулич в книге «Преодоление прошлого» выделяет три подхода к осмыслению исторического прошлого

Елена Борисовна Калоева – кандидат исторических наук, член редколлегии журнала «Россия и современный мир» (г. Москва).

¹ Foner E. Who Owns History? Rethinking the Past in a Changing World. New York: Hill and Wang. 2003. S. 73.

при постсоциализме: отчуждение, утопия и догматизм². Отчуждение проявлялось в неприятии всего, что было связано с социализмом. Утопия, по его мнению, стала новым видением общества. При этом же возникла догматическая вера в такую утопию.

Попробуем убедиться, насколько это утверждение соответствует сложившейся за последние годы практике очень разных стран, объединенных, прежде всего, их общим социалистическим прошлым. Речь пойдет о Сербии, Хорватии, Польше и Украине.

Что касается Балкан, то здесь актуальные политические процессы всегда были связаны с прошлым теснее, чем в Западной Европе или в некоторых восточноевропейских странах, а потому ревизия прошлого происходила более драматично. По словам Т. Кулича, социально-психологический климат страха и неизвестности, установившийся в регионе, сказался на принятии наиболее радикальной версии ревизионизма в оценке исторического прошлого элитами и массами, о чем, кстати, позаботился целый ряд историков. «В Югославии еще с конца 1980-х годов интеллигенция приписывала статус жертвы каждой нации, а в период гражданской войны эта «теория» успешно использовалась для оправдания этнических чисток»³. При этом ответственность за злодеяния прежнего режима стремились переложить на другие нации: хорваты – на сербов, сербы – на хорватов и т.д. Собственная же нация объявлялась жертвой коммунизма и освобождалась от ответственности.

Любопытно, что меньше, чем за полвека история Югославии пересматривалась дважды. Первый раз – в 1945 г. – пересмотр истории носил авторитарно-интернациональный характер, второй раз – в 1990 г. – произошла реставрация различных национализмов. «Трудно сказать, какая из трактовок тех или иных событий была более адекватной и конструктивной. Оценку этого смогут дать будущие историки»⁴, – пишет Т. Кулич.

По его мнению, более или менее мифологизированная история стала идейной основой создания новой государственной и национальной идентичности всех государств, возникших на югославском пространстве при постсоциализме. То, что еще недавно называлось «братством и единством», теперь преподносилось как темница народов. Вместо поклонения И. Тито пришла его критика. Самоуправление, трактовавшееся ранее как выражение истинной демократии, было приравнено к социалистическому тоталитаризму. Изменились при-

² *Kuljić T. Prevladavanje prošlosti (uzroci I praci promene slike istorije Krajem XX veka)*. Beograd. 2002. S. 104.

³ *Ibid.* S. 77.

⁴ *Ibid.* S. 450.

нятые каноны и приоритеты. В общем, стремясь оправдать независимость, в мгновение ока в новых государствах перекроили прошлое.

При этом, по словам Т. Кулича, выборочно работавшая память и «организованное беспамьятье» стали активным детонатором гражданской войны и национальной нетерпимости.

На Балканах ревизия истории на этот раз проходила под влиянием исторически сложившихся противостояний между западным и восточным христианством, левыми и правыми политическими силами. Дистанцирование от интернационализма, глобализации, космополитизма, идеи югославянства стало основой создания официальной идентичности новых государств и ключом к пересмотру исторического прошлого. При этом старательно лелеются только те воспоминания, которые на руку утверждению национальной идентичности (блестящая имперская история, страдания собственного народа, возвеличивание культа вождей и просветителей). В то же время на задний план отодвигаются такие явления, как геноцид и фашизм, провинциализм и отсталость. Т. Кулич подчеркивает, что в отличие от коммунистической историографии, где в центре была борьба против национализма собственной нации, в сербской и хорватской постсоциалистической историографии почти отсутствует критическое отношение к роли собственной нации и ее коллективной вине. «Остается только легенда о величии собственной нации, светлых сторонах истории, которыми можно гордиться»⁵.

Первые изменения, касающиеся исторической памяти, в Хорватии относятся к началу 1990-х годов. Это проявилось в переименовании многих улиц и школ, носивших имена народных героев, партизан и коммунистов. Им были даны имена известных личностей из хорватской истории. Судьбу переименованных улиц и площадей разделили и памятники. Последние стали одним из орудий новой власти, с помощью которого общественности подавали знак, о чем нужно помнить, а что следует забыть о Второй мировой войне. «В результате памятники, бывшие символом победы над фашизмом, стали символом павшей коммунистической диктатуры»⁶.

Другие памятники, наоборот, были возвращены на место, что символически должно было означать конец прежнего и начало нового режима. По данным Союза антифашистов Хорватии, за 1900–2000 гг. в стране было разрушено 2964 памятных мест, демонтирован 731 памятник⁷. Анализ показал, что больше всего пострадали памятные места, свидетельствовавшие об убийстве сербов устошами, истреблении

⁵ *Kuljić T.* Op. cit. S. 485.

⁶ *Banjeglav T.* Sjećanje na rat ili rat sjećanja? // *Karačić D., Banjeglav T., Govedarica N.* Revizija prošlosti. Sarajevo. 2012. S. 98.

⁷ *Ibid.* S. 100.

еврейского населения, а также памятные места связанные с ролью Коммунистической партии и организаторами национально-освободительной борьбы (НОБ).

В изменении исторической памяти важную роль сыграли и календарные даты государственных праздников. Так, некоторые праздники новая власть в Хорватии совсем отменила. Например, День республики 29 февраля. Другие же были «приспособлены» к политике «все-хорватского примирения». В частности, День восстания, праздновавшийся ранее 27 июля, перенесен на 22 июня – День антифашистской борьбы в Хорватии.

Распад Югославии, война в Хорватии, послевоенные попытки примирения и евроатлантическая интеграция способствовали изменениям, например, символического значения лагеря Ясеновац – места гибели в период Второй мировой войны тысячи людей, в основном сербов, евреев, цыган и хорватских антифашистов. С 1968 по 1991 гг. там каждый год два раза проходили торжественные церемонии. Первая официальная церемония – в День прорыва фронта 22 апреля, а вторая, тоже официальная, – в День борца 4 июля.

В 1990-ые годы развивается новое представление о статусе жертвы, отвечающей новым национальным мифам. В 1996 г. первый президент Хорватии Ф. Туджман заявил, что Ясеновац следует превратить в место «хорватского национального примирения», поскольку «усташи и партизаны во Вторую мировую войну каждый по своему боролся за одно и то же: хорватское государство»⁸. По этой причине он предложил превратить Ясеновац в место поминовения всех хорватов – жертв военных действий. Однако против этого выступили антифашисты Хорватии и еврейская община, а также Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне.

Тогда же меняется и отношение властей к событиям в Блейбурге. Этот австрийский город, ставший известным потому, что именно здесь партизаны отправили в лагеря и без суда ликвидировали политическое руководство «независимой державы хорватской», военнотружущих и сопровождавшее их гражданское население, был вычеркнут из памяти населения во время существования СФРЮ. В 1995 г. на церемонии по случаю 50-летия этих событий, он был назван «Холокостом хорватских мучеников».

Официальная политика по увековечиванию исторических дат в Хорватии после 1990 г. стремилась приблизиться к европейским стандартам. В период подготовки к вступлению Хорватии в ЕС ее официальное представление о Второй мировой войне «европеизируется».

Так, демонтажем памятников лицам, чьи имена связаны с фашизмом и устахами, хорватское правительство хотело доказать свою

⁸ Banjeglav T. Op. cit. S. 107

приверженность современной Европе, исповедующей принципы антифашизма и ценности свободного мира.

В 2006 г. оно приняло Декларацию, осуждавшую злодеяния тоталитарного коммунистического режима в Хорватии с 1945 по 1990 г., что отвечало Резолюции 1481 Парламентской ассамблеи Совета Европы (25 января 2006 г.)⁹ о международном осуждении злодеяний тоталитарных коммунистических режимов.

В 2011 г. было решено объявить 23 августа Днем памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов. Это также отвечало политике, проводимой в странах ЕС, где День памяти жертв тоталитаризма отмечается с 2008 г. Наглядным свидетельством использования памятных дат в политических целях стало заявление посланника Хорватского собора А. Хебранга на церемонии в Блейбурге в 2011 г. о том, что «Блейбург – самый яркий символ хорватских страданий, где злодеяния коммунизма и фашизма сравнивались»¹⁰.

Власти проводили демонтаж памятников, воздвигнутых в память о Второй мировой войне в 1990-ые годы, а в 2001 г. новый президент Хорватии С. Месич во время празднования 60-летия со дня восстания против фашистских оккупантов в Хорватии заявил, что такое массовое явление, как разрушение памятников, поощряемое тогдашними властями, позорно для всякого честного гражданина¹¹.

При этом отмечалась неготовность хорватской общественности и властей отдать должное жертвам среди гражданского населения сербской национальности. В основу же той части хорватского национального идентитета, которая взывает к жертвенности, легла трагедия города Вуковар. Битва за Вуковар сыграла роль мифа, положившего начало новой хорватской государственности.

В Сербии первая волна переоценки прошлого прокатилась в конце 1980-х годов с приходом к власти С. Милошевича. Коммунистические идеи были заменены националистическими, что, по мнению властей, должно было благоприятствовать идеологической и психологической подготовке военных действий в бывшей Югославии. «Было необходимо изменить историю в такой степени, чтобы на место предыдущего мифа о братстве и единстве пришел новый миф о фатальном и вечном историческом конфликте югославских народов. На место исторического знания пришла коллективная память, ставшая орудием в вооруженных конфликтах на территории Югославии»¹².

⁹ *Banjeglav T.* Op. cit. S. 111.

¹⁰ Цит. по: *Ibid.* S. 115.

¹¹ *Ibid.* S. 117.

¹² *Govedarica N.* *Zemlja nesigurne prošlosti // Karačić D., Banjeglav T., Govedarica N.* Op. cit. S. 172.

Главным историческим героем объявили сербский народ, испытывающий удары истории как судьбы, народ с фатальной предопределенностью. При этом утверждалось, что Югославия – это «тюрьма сербского народа», где «только сербы были настоящими «югославами», а коммунизм «истребил сербский народ».

Согласно новым интерпретациям исторических событий сербы всегда были правы, никогда не вели захватнических войн, побеждали, не причиняя зла соседям. Все это, как считает историк Н. Говедарица, «было необходимо для усиления национальной идентичности и очернения других, соседних народов»¹³. Такая трактовка должна была служить подготовке будущих военных действий Сербии против соседей.

Очередной поворот в пересмотре истории произошел в 2000 г., после падения режима С. Милошевича. Новая власть стремится «приукрасить» современность, обнаружить традиции, на которые можно опереться, и найти идеального предка». Буржуазная Сербия 1930-х годов начинает преподноситься как образец государства, традиции которого нужно перенести в современность. Главной задачей новых властей стал разрыв с коммунистическим прошлым, которое олицетворял С. Милошевич, обвиняемый во всех смертных грехах. При этом новые элиты предстают освободителями Сербии от коммунизма. Историк М. Раданович оценивает эти действия как исторический ревизионизм, пересмотр прошлого, диктуемый намерением добиться поставленных политических целей¹⁴. В силу того, что значительная часть партий, которые составляли новую господствующую коалицию, придерживалась националистических позиций, миф об исторической судьбе сербского народа в большей степени сохранялся и после 2000 г., также, как и ксенофобия в отношении других народов.

21 декабря 2004 г. был принят Закон об уравнивании в правах партизан и четников, воевавших во время Второй мировой войны. Комментируя проект этого закона, историк К. Николич, научный сотрудник белградского института современной истории и один из авторов учебника истории для средней школы, подчеркивал, что было необходимо освободиться от стереотипов, утверждавших, что партизаны были освободителями¹⁵.

17 апреля 2006 г. Скупщина Сербии утвердила Закон о реабилитации лиц, проживавших на территории Республики Сербия и лишенных по политическим или идеологическим причинам жизни, свободы или других прав, начиная с апреля 1941 г., до дня вступления в силу этого закона¹⁶. Закон о реабилитации представляет собой от-

¹³ *Govedarica N.* Op. cit. S. 173

¹⁴ Об этом подробнее см.: *Ibid.* S. 175.

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ *Ibid.* S. 176.

звук упомянутой Резолюции ПАСЕ 1481, а также Резолюции ПАСЕ 1096 «О мерах по ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных систем» от 1996 г. Этот закон сделал возможным впоследствии говорить о реабилитации такого одиозного персонажа времен Второй мировой войны, как Д. Михайлович. В течение 10 лет ему было воздвигнуто несколько памятников.

Продолжило разрыв со сложившимися ранее традициями формирование в 2009 г. двух государственных комиссий по пересмотру исторических событий, происшедших в Сербии в конце Второй мировой войны, а также после нее. Одна из них должна была заниматься поиском всех тайных захоронений с посмертными останками расстрелянных после освобождения в 1944 г.

Проводимая официальная политика противоречила стремлениям интеллектуальной и культурной элиты, правозащитников, организаций гражданского общества, всех, кого часто называют «Другая Сербия». Выражением протеста стали участие в деятельности Хельсинского комитета по правам человека, Фонд по гуманитарному праву, связанный с рассмотрением архивных материалов, а также деятельность молодежных организаций по строительству демократии через сеть инициатив молодежи в борьбе за права человека.

В 1991 г. в Сербии, как в других странах, начинается изменение названий улиц, городов. Так, в Белграде при поддержке значительной части интеллектуальной элиты и Сербской православной церкви, уничтожается все, что напоминает о былом «братстве и единстве». Площадь братства и единства переименовывается в Площадь Саввы, улица Тито в 1992 г. получает новое название: сперва Сербских правителей, а затем Короля Милана. С начала 1990-х годов и до 2012 г. в Белграде были изменены названия 1500 улиц и площадей, т.е. 1/5 общего числа. Кстати, когда к власти пришли коммунисты, в течение 48 часов 160 улиц получили другие названия¹⁷.

В начале века в период нахождения у власти Демократической партии сотням улиц, чьи названия несли в себе память о НОБ и революционном рабочем движении, вернули их прежние названия. Только в Белграде таких улиц было 267. Тем самым подчеркивалась связь с монархическими традициями Сербии 1930-х годов.

Что касается праздников в новом сербском государстве, то по предложению Комиссии по утверждению государственных праздников, в которую входили известные культурные и общественные деятели, были отменены такие праздники, как День восстания 7 июля и День государственности 28 марта. Делалось это под тем предлогом, что в истории Сербии существует много важных дат, менее идеологизированных. Тем самым еще раз подтверждалось, что «новые эли-

¹⁷ *Govedarica N. Op. cit. S. 186, 189.*

ты, в первую очередь политические, при поддержке академических кругов, стремились дистанцироваться от нежелательного прошлого, где антифашистские праздники оказались препятствием национальному примирению и единству ради будущего развития»¹⁸.

По мнению социолога Й. Бакича, речь идет об общеевропейской тенденции смещения идеологического спектра вправо после падения Берлинской стены в 1989 г. «Социализм и фашизм, – отмечал он, – все чаще отождествляются в рамках теории тоталитаризма, хотя коммунисты часто были единственными антифашистами в некоторых странах»¹⁹. В. Маркович писал, что не только в Сербии, но и в других странах, возникших на постюгославском пространстве, поворот от официального коммунистического антифашизма к «патриотическому» фашизму и антикоммунизму был особенно впечатляющим. По словам Н. Говедарицы, «антифашизация националистов убедительно показывает, что имеет значение только то прошлое, которое можно использовать»²⁰.

Правда, впоследствии правительство предложило внести изменения и дополнения к Закону о государственных праздниках, касавшиеся утверждения в качестве национального праздника День первого сербского восстания и День воспоминания обо всех сербских жертвах во Вторую мировую войну, отмечаемого 21 октября. В кровавую осень 1941 г. погибли 11 522 участника восстания против нацистских оккупантов в Центральной Сербии. В нем приняли участие и коммунисты, и роялисты. Было расстреляно 21 809 заложников, среди которых оказалось много евреев и цыган. «Таким образом, удалось найти дату из периода Второй мировой войны, которая объединяет нацию в отличие от некоторых других, которые ее разделяют»²¹.

Как утверждает Н. Говедарица, в общественном мнении Сербии не взирая на изменение тональности и важные позитивные сдвиги в официальной политике, остается убеждение, что сербский народ – самая большая жертва балканского кризиса²².

Новым переломным моментом в отношении к историческому прошлому стал 2005 г. Определяющую роль сыграли дебаты о событиях в Сребренице в неправительственных организациях, а также трибуна на Правовом факультете, собравшая 17 мая 2005 г. антигагское лобби интеллектуалов и патриотов, полностью отрицавших преступления, совершенные в Сребренице. Свообразным ответом на эту трибуну оказалась международная конференция «Сребреница вне всяких сомнений», состоявшаяся в Белграде 11 июня 2005 г. На ней

¹⁸ *Govedarica N.* Op. cit. S. 194.

¹⁹ *Ibid.* S. 195.

²⁰ *Ibid.* S. 196.

²¹ *Ibid.* S. 203.

²² *Ibid.* S. 208.

впервые минутой молчания сербы почтили жертвы геноцида мусульман в Сребренице. Правительство Республики Сербия подчеркивало, «что существенно важно не делать различий между невинными жертвами по национальности или вероисповедованию»²³.

По словам Н. Говедарицы, в этот миг возникла надежда, что наступает время другого отношения к соседям, в первую очередь, к политике освещения прошлого. Наконец в 2010 г. Скупщиной была принята Декларация о событиях в Сребренице. Правда, «слово «геноцид» в декларации так и не прозвучало»²⁴. По мнению аналитика И. Торова, «господствующая коалиция и сам президент Б. Тадич нашли необходимый консенсус», который означал попытку Сербии продолжить свой путь в Европу, не жертвуя при этом ничем из своего националистического запаса»²⁵.

Сербский исследователь Н. Димитриевич считает, что существует категория коллективного злодеяния, к которому по всем критериям относится и геноцид в Сребренице. Культуру воспоминаний об историческом прошлом, существующую в Сербии, он характеризует как «культуру отрицания и морального равнодушия, в центре которой находится отрицание правды о злодеяниях». По мнению ученого, такая культура дает «с моральной точки зрения ошибочный ответ на недавние преступления... и не может быть оправдана»²⁶. Однако проблема «коллективного злодеяния» характерна не только для Балкан.

Отношение к Холокосту как тест на зрелость исторической памяти

Существует мнение, что после ухода в прошлое коммунистического строя воспоминание о Холокосте как «абсолютном зле» могло бы стать фундаментом для построения общей политической и культурной идентичности объединенной Европы.

Однако трудно отрицать встречающееся в некоторых странах на востоке Европы стремление забыть подобные темные страницы истории, соучастником которых было население этих стран. То есть можно говорить о глубоких различиях внутри европейской коллективной памяти. Так, в Польше, как и в большинстве постсоциалистических стран, история стала в определенном смысле орудием политической борьбы. Возникли разные версии истории страны, создаваемые на потребу конкретной партии. Проблема исторической политики, как и на Балканах, здесь связана с проблемой исто-

²³ Govedarica N. Op. cit. S. 218.

²⁴ Ibid. S. 201.

²⁵ Ibid. S. 230.

²⁶ Ibid. S. 222.

рической памяти, интерес к которой проснулся еще в 1920-ые годы и значительно вырос в 1980-ые. Ареной борьбы за историческую память и вместе с тем действительным фактором исторической политики стал польский парламент, принявший с 1989 по 2010 г. более 200 «исторических документов разного рода, прежде связанных с историческими датами»²⁷.

Как утверждала российский полонист Л. Лукошина, «неприятие социалистической Польши связано с бесспорным антисоветизмом и антироссийскостью»²⁸. Вторая мировая война многими польскими историками рассматривается как столкновение двух тоталитарных систем. «Для Западной Европы, – пишет, например, Д. Гавин, – память о Второй мировой войне проста: демократии с Запада и Востока объединились для того, чтобы победить фашизм. С нашей точки зрения, демократии объединились с одним тоталитаризмом, чтобы победить другой. А заплатили за это мы»²⁹.

Обращаясь к политике истории в Польше, сербский исследователь М. Суботич приводит слова одного из советников бывшего президента Польши Л. Качинского, по сути выразившего официальную позицию руководства страны: «Существует много важных причин почему историю нельзя оставить историкам»³⁰. Ярким примером того, как может меняться политика истории стало отношение к американскому историку польского происхождения Я. Гроссу. В 1996 г. он был награжден президентом Польши А. Квасневским «за исключительные научные достижения» орденом. Речь шла о его книгах, оказавших в свое время важное влияние на выстраивание «исторической политики в Польше». Позднее они же, по сути, а также небольшой эмоциональный очерк Я. Гросса о миграционном кризисе, стали поводом для лишения его ордена по распоряжению президента А. Дуды и в соответствии с принятым законом, в котором говорилось: «Каждый, кто официально приписывает польскому народу участие, организацию или ответственность за коммунистические или нацистские злодеяния, подлежит наказанию тюремным заключением от 3 лет (параграф 132 а)»³¹.

Подобное решение свидетельствует, прежде всего, о глубоких корнях нетерпимости к социологу и историку со стороны части польского общества и политической элиты. Яркой иллюстрацией этого

²⁷ Лукошина Л. Историческая политика в современной Польше // Страны Восточной Европы в XX веке. Современные интерпретации прошлого. ИНИОН. г. Москва. 2014. С. 27.

²⁸ Там же. С. 27.

²⁹ Цит. по: там же.

³⁰ Subotić M. Napred u prošlost. Beograd. 2019. S. 23.

³¹ Ibidem.

стало публичное сожжение представителями экстремистской молодежной правой организации в 2011 г. куклы, изображавшей Я. Гросса, одетого в еврейскую национальную одежду. Кстати, аналогичная акция состоялась в 2015 г. во Вроцлаве на митинге против мусульманских беженцев. Рассматривая проблему взаимоотношений поляков и евреев, ставшей одной из ключевых тем в общественно-политическом дискурсе в Польше после 2000 г., необходимо вернуться на несколько десятилетий назад.

Обратимся к молодежным выступлениям в марте 1968 г., направленным на отстаивание свобод, попираемых при социализме. Тогда официальные власти Польши, ссылаясь на то, что между студенческими вождями и критически настроенной интеллигенцией было много поляков еврейского происхождения, назвали эти выступления результатом «сионистского заговора» против социализма. В частности, первый секретарь ЦК ПОРП В. Гомулка заявил в 1967 г. на VIII Конгрессе профсоюза, что не будет терпеть «пятую колонну в Польше» и что граждане Польши еврейской национальности, если хотят, могут эмигрировать в Израиль. В результате до 1970 г. из 30 000, проживавших в стране евреев, почти половина покинула страну³². Среди них был и студент Я. Гросс, к тому времени уже исключенный из университета и просидевший в тюрьме полгода.

Спустя годы, будучи уже профессиональным социологом и историком, он напишет три книги о польско-еврейских отношениях, вызвавших острую полемику в польском обществе, что как показало время, усугубило проблему. В одной из книг, посвященной немецкой оккупации Польши, автор сосредоточился, прежде всего, на исследовании военной и политической инфраструктуры польского подполья, другими словами «параллельной» жизни польского общества, которое, несмотря на тяжелую ситуацию, смогло сохранить автономию. По мнению М. Суботича, «историографическая реконструкция польского движения сопротивления послужила для Я. Гросса иллюстрацией роли, значения и стратегии противоборства «гражданского общества» с тоталитарным государством»³³.

В 1988 г. в свет выходит другая книга Я. Гросса, посвященная исследованию установления советской власти в восточных областях Польши³⁴. В ней подчеркивается, что этнические меньшинства на востоке Польши в акте перехода земель под советскую власть, видели национальное освобождение. Однако, как заметит позднее Я. Гросс: «можно ли говорить о войне и оккупации Польши, оставив без вни-

³² *Subotič M.* Op. cit. S. 28.

³³ *Ibid.* S. 31.

³⁴ *Gross J.* Revolution from Abroad: the Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton. 1988.

мания массовое убийство польских евреев? В конце концов, эта глава польской истории стала эпилогом истории еврейства в Европе»³⁵.

Затем небольшим тиражом выходит новая книга Я. Гросса «Соседи: история уничтожения еврейского местечка»³⁶, вызвавшая острую полемику в польском обществе. По словам одного журналиста, книга произвела эффект «атомного взрыва», а название городка Едбавне стало известно во всем мире. Парадоксально, но книга не содержала никаких неизвестных фактов о событиях, происшедших 10 июня 1941 г. в этом забытом богом городке на северо-востоке Польши. Кроме сохранившихся свидетельств оставшихся в живых очевидцев расправы поляков над соседями-евреями, которые прозвучали на судебных процессах в 1949–1953 гг., а также опубликованной в 1980 г. мемориальной книги и снятого документального фильма, сам Я. Гросс раньше уже публиковал статью о событиях в Едбавне. Однако все перечисленное, равно и вышедшая в 1998 г. в Кракове его книга о еврейско-польских отношениях во время германской оккупации и присоединения польских земель к СССР в 1939 г., не вызвали такую лавину откликов, как книга «Соседи» и публикация в 2001 г. ее американского издания.

Конечно, важную роль сыграли средства массовой информации. Пожалуй, лучше всего на вопрос Я. Гросса о том, как могло получиться, что на протяжении 50 лет ни один историк, занимавшийся немецкой оккупацией и польско-еврейскими отношениями, не обронил ни слова о драматических событиях в Едбавне, ответил другой польский историк и литературовед Я. Блонски, опубликовавший в 1987 г. в одном католическом еженедельнике эссе «Бедные поляки смотрят на гетто». «Мы хотим, – писал он, – быть вне всяких обвинений, совсем чистыми. К тому же стремимся быть исключительно жертвами»³⁷. Его призыв к согражданам признать существующие традиции антисемитизма, которые независимо от злодеяний нацистского режима, имели определенное значение для их индифферентного отношения к Холокосту, вызвал как одинокие голоса в поддержку автора, так и требование призвать его к судебной ответственности за клевету в адрес польской нации.

Я. Гросс в своих книгах пытается найти ответ на вопрос, как «нормальные отношения» между поляками и евреями, носившие почти идиллический характер в довоенной Польше, за несколько дней приобрели убийственно-кровавый оттенок. По его мнению, этому во многом способствовали радикальные изменения, происшедшие

³⁵ Gross J. A Tangled Web: Confronting Stereotypes Concerning Relations between Poles, Germans, Yews, and Communists. 2000. S. 116. Walter de Gruyter GmbH. The Politics of Retribution in Europe.

³⁶ Гросс Я. Соседи: История уничтожения еврейского местечка. Пер. Кулагиной-Ярцевой В. С. Москва. 2002.

³⁷ Цит. по: *Subotić M.* Op. cit. S. 41.

на востоке страны, связанные с коллективизацией земли, национализацией имущества, депортацией представителей прежней элиты, которая состояла в основном из этнических поляков, расправами со трудников НКВД с «классовыми врагами», а также превращением этнических меньшинств (украинцев и белорусов) в титульные нации и наличие лиц еврейской национальности в новой администрации.

Все эти радикальные перемены, сопровождавшиеся насилием и изменившие устоявшийся порядок, привели к общей брутализации общественной жизни. Последовавшая вслед за этим немецкая оккупация вызвала дополнительную деморализацию общества, вседозволенность, особенно в отношении тех, кого оккупанты выбрали в качестве жертв, подлежащих уничтожению. Безусловно, сильной мотивацией при погроме в Едбавне стал распространенный в этой части Польши еще до Второй мировой войны антисемитизм. «Этнонационалистическое понимание «польскости» опиралось в межвоенный период на укоренившуюся традицию (католического) антииудаизма»³⁸. Евреи считались «чужеродным элементом» паразитирующим на польской нации.

О том, насколько крепки традиции антисемитизма в польском обществе, свидетельствует среди прочего тот факт, что бывший лидер «Солидарности» Л. Валенса, ставший президентом Польши (1990–1995 гг.), написание Я. Гроссом книги «Соседи» объяснил «желанием еврея заработать деньги»³⁹.

Еще до выхода книги автор задался вопросом о не менее острой проблеме: «Как после войны в Польше стал возможен антисемитизм?». Уже во введении к книге «Страх» Я. Гросс силу антисемитизма в послевоенной Польше иллюстрирует многочисленными примерами тех поляков («праведников»), которые во время войны спасали еврейских детей, скрывая их у себя и тем самым подвергая свои жизни смертельной опасности, а после освобождения просили никому не рассказывать об этом.

Рассматривая религиозные, националистические и антикоммунистические корни польского антисемитизма, его послевоенную эскалацию Я. Гросс считает последствием психологической реакции на сознание неприятельского или в лучшем случае индифферентного отношения большинства поляков к судьбе евреев во время Холокоста. Другими словами пережившие Холокост евреи, по мнению Я. Гросса, напоминали полякам об их соучастии в нацистской политике. Евреи же, которые возвращались в родные места, представляли собой угрозу для поляков, уже давно поделивших между собой их имущество.

³⁸ Subotić M. Op. cit. S. 47.

³⁹ http://www.geocites.ws/jedwabne/wywiad_z_walesa-o-jedwa_bnem.htm

С этим не совсем согласен М. Суботич. Он считает, что основной причиной послевоенного антисемитизма в Польше была укоренившаяся в политической жизни страны, особенно после смерти Ю. Пилсудского, идея создания «этнически чистой» гомогенной культурно-религиозной нации. Польша в этом отношении не была исключением среди стран межвоенной Европы. Парадокс «польского случая», по М. Суботичу, состоит в том, что процесс этнической консолидации национального государства стал последствием военной катастрофы – нацистского геноцида евреев, с одной стороны, и послевоенного изменения границ («этнической чистки» немецкого, украинского, белорусского и литовского меньшинства), проходившего под руководством коммунистической партии – с другой.

Современные настроения среди части официальных проводников исторической политики в Польше хорошо иллюстрируют слова директора Института национальной памяти Я. Шарека о том, что каждая страна свою историю строит на позитивной картине о себе и «историческая политика», которую под его руководством проводит институт, будет обращена к будущим поколениям, которые идентифицируют себя с Польшей⁴⁰. При этом еще недавно на заседаниях Института среди приглашенных присутствовал Я. Гросс. Теперь же вслед за директором Института выступил вождь «Национального движения» Р. Виницки, заявивший о необходимости проводить польскую политику истории, а не политику, которую навязывают Германия и еврейские круги⁴¹.

Кстати, одно из исследований показало: 34% опрошенных считают, что «евреи в мире и Польше чрезмерно влияют на политику, экономику и средства массовой информации»⁴².

Принимая во внимание демографическую ситуацию в стране, где 93,8% населения – «этнические поляки», можно говорить о существовании в Польше «антисемитизма без евреев». Однако можно ли утверждать, что антисемитизм присущ только коллективной памяти поляков? Думаю, что нет.

Так, в мае 2018 г. вышла книга «Свои. Путешествие с врагом» литовской журналистки Р. Ванагайте и израильского историка и «охотника за нацистами» Э. Зуроффа. В совместной книге литовки, чьи предки убивали евреев, и еврея, чьи родные погибли во время Второй мировой войны, рассказывается о Холокосте в Литве. Сразу после выхода книга подверглась жесткой критике на родине Р. Ванагайте, а сама она была обвинена в отсутствии патриотизма, в предательстве, «в работе на Кремль». От нее отвернулись друзья и родные.

⁴⁰ Цит. по: Ibid. S. 81.

⁴¹ Ibid. S. 82.

⁴² Ibidem.

Как и Я. Гросс, Р. Ванагайте показывает превращение зла в обыденность. В книге использованы только литовские или опубликованные в Литве свидетельства. «Эти люди (участники расстрелов – Е.К.) всю свою жизнь были нормальными – до Холокоста, во время него и после него. Просто законы изменились. Новый Закон «Долой евреев» не был записан в Своде законов или в Конституции. Он просто был. И они повиновались этому закону, повиновались власти, потребовавшей участвовать в применении этого закона на практике»⁴³. Так происходило расчеловечивание «обычного человека», который, кстати, в свое время и привел к власти в Германии фашизм.

Украина: война как продолжение политики истории

Именно так называется одна из глав, вышедшей в прошлом году книги М. Суботича «Вперед в прошлое». Автор не считает, что война памяти (*memory wars*) – основной фактор, который может объяснить трагические события на Украине. «Очевидно, что конфликт, развернувшийся вокруг истории, лишь часть другого глобального, включающего социальные, экономические, социально-психологические и многие другие компоненты», – цитирует М. Суботич украинского коллегу Г. Касьянова⁴⁴. «Потребность в национальной самоидентификации Украины тесно связана с дистанцированием от «другого» и прежде всего от России, как наиболее близкой к ней в историческом, культурном, языковом и этническом отношении», – утверждает сербский исследователь вслед за украинским автором Т. Кузьо⁴⁵.

В советский период история Украины представлялась как процесс, направленный на объединение с Россией, а в постсоветский – начала интерпретироваться как вековая борьба за независимость. Тем самым подразумевается, что «Украина всегда шла собственным путем». При этом М. Суботич подчеркивает, что противостоящие друг другу фракции украинской политической элиты используют в своих целях различные интерпретации советского периода и военного прошлого для узаконивания и укрепления собственной власти.

В своем стремлении выработать новый взгляд на историю Украина, безусловно, мало чем отличается от других постсоциалистических стран. По словам украинского автора А. Портнова, после получения независимости в учебниках истории национальное государство рассматривалось как конечная цель исторического процесса; насаждался комплекс жертвы, подвергавшейся постоянным нападениям извне. При этом украин-

⁴³ Ванагайте Р., Зурофф Э. Свои. Путешествие с врагом. Издательство АСТ. CORPUS, г. Москва. 2018. С. 283.

⁴⁴ Subotič M. Op. cit. S. 96.

⁴⁵ Ibid.

цы выступают как монолитная группа. Утверждается эссенциализация существующих политических и этнических границ⁴⁶. «Не касаясь анализа военного конфликта и политической ситуации на востоке Украины, – утверждает М. Суботич, – нужно сказать, что они оказали сильное влияние на «политику истории», насаждавшуюся руководством Украины во главе с президентом П. Порошенко. Военные действия, несмотря на их «гибридный характер», подняли на щит «жертвенный» характер и героический компонент исторического прошлого украинского народа»⁴⁷.

В контексте жертвенности центральное место занял голодомор, что позволяло провести параллели между советским прошлым и политикой российского руководства в настоящий момент. При этом, как подчеркнул П. Порошенко, выступая по поводу памяти жертв голодомора в 2015 г., «голодомор ничто иное, как проявление многовековой гибридной войны, проводимой Россией против Украины; его не было бы, если Украина не потеряла бы свою государственность в начале 20-ых годов прошлого века»⁴⁸.

В резолюции же, принятой парламентом страны в декабре 2016 г. подчеркивалось, что «коллективная память о злодеяниях прошлого – гарантия того, что оно не повторится в будущем». При этом подразумевается, что память должна останавливать Украину от евразийской интеграции с Россией в любых формах.

Однако не меньшее значение в украинской политике истории имеют героические мифы и в том числе полемика о С. Бандере. Как пишет упоминавшийся Г. Касьянов, «проблема в том, что если раньше культ ОУН и УПА (Организация украинских националистов и Украинская повстанческая армия⁴⁹ – *ред.*) носил локальный характер, то теперь его не только хотят распространить на всю Украину, но и заставить население прославлять эти организации»⁵⁰. Что же касается С. Бандеры, то его «демифологизация» затруднена тем, что еще во время жизни он стал символом. Влияние С. Бандеры в меньшей степени объясняется его убеждениями и деятельностью, чем теми событиями, которые связывали с его личностью, и полемикой, развернувшейся между его сторонниками и их оппонентами.

Война памятников – свержение прежних и возврат старых, водружение новых, посвященных вождям ОУН и УПА, – еще больше антагонизировало украинское общество. «Парадоксально, но новые монументы напоминали прежние из советской эпохи. Радикальных

⁴⁶ Об этом подробнее см.: *Портнов А.* Упражнения с историей по-украински. Москва: ОГИ. 2010.

⁴⁷ *Subotić M.* Op. cit. S. 139.

⁴⁸ Цит. по: *Ibid.* S. 139–140.

⁴⁹ Запрещена в РФ (Прим. редакции).

⁵⁰ Цит. по: *Ibid.* S. 147.

националистов и их заклятых врагов, ортодоксальных коммунистов объединяет не только культ вождя и представления о нации и классах, но и одинаковое понимание эстетики власти и культуры», – пишет украинский автор С. Йекелчук⁵¹.

«Превращение Украины, – утверждает украинский исследователь Я. Грицак, – в «поле битвы за историю», в которой политические акторы свой взгляд на те или иные события делают каноном, обязательным для всего общества, заставляет сделать вывод о том, что идеальным политическим решением для Украины стал бы договор об амнезии. Другими словами, запрет на использование истории в политических целях на весь период, пока страна находится в начале радикальной (постсоветской и демократической) трансформации»⁵².

Что касается политики, проводимой Россией, то она после 2014 г., по утверждению М. Суботича, стала решающим фактором, определившим формат и окончательный этап построения украинской нации. По его мнению, во время поддерживаемых Россией военных действий в Донбассе украинские власти, предприняли радикальные меры по утверждению этноцентричной модели коллективной национальной памяти, на что не решались идти предшествующие украинские лидеры, опасаясь, раздела страны.

Подводя итог под этим сюжетом, нельзя не согласиться с российским экспертом А. Левченковым: «В случае Украины историческая политика стала одновременно инструментом суверенизации и освобождения от российского влияния, а также евроинтеграции и реализации евро-атлантического курса во внешней политике»⁵³.

* * *

Историографический ревизионизм получил повсеместное распространение при постсоциализме, положив в основу приспособление исторической картины к потребностям новых государственных элит и колеблющемуся общественному мнению. Характер расправы с историческим прошлым определялся как идеологией победителей, так и общей политической культурой. Вместе с тем, речь идет о сложном процессе историко-идеологического обоснования новых режимов и формирования национальных идентичностей. Понятно, что ни о какой беспристрастности в данном случае говорить не приходится.

⁵¹ *Yekelchuk S. National Heroes for a New Ukraine; Merging the Vocabularies of the Diaspora, Revolution, and Mass Culture ab Imperio. S. 100.*

⁵² *Грицак Я. Клопоти з пам'яттю (https://zaxid.net/klop_oti_z_pamyatiyn_n/097756).*

⁵³ *Левченков А. Политика памяти в контексте внешнеполитического курса Украины в 2014 – начале 2019 гг. // Россия и современный мир. 2019. №4. С. 111–126.*

И. Новикова

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ ИЛИ КРИЗИС СИСТЕМЫ?

*Не дай вам Бог жить в эпоху перемен
Конфуций*

*Когда дует ветер, ставь не стены, а паруса
Восточная пословица*

Системный кризис, о котором на протяжении нескольких десятилетий говорили экономисты, писали ученые и аналитики, отдельные черты и стороны которого назывались и политиками, и государственными деятелями, «вдруг» четко проявился в условиях... пандемии COVID-19. Какая связь между этими двумя явлениями? Куда движется мировая экономика? Как и где нам искать место в этих процессах?

Реальность, которая случилась «вдруг»?

Во второй половине XX и начале XXI в. глобализация мировой экономики была почти объективной реальностью, которая влияла на все экономические процессы не только на мировом рынке, но и на национальные экономики. Глобализация на протяжении второй половины XX в. представляла собой втягивание мирового хозяйства, понимаемого как совокупность национальных хозяйств, которые связаны друг с другом системой международного разделения труда, экономических и политических отношений, в рынок через транснационализацию. В результате тесно переплетались национальные экономики, создавалась единая мировая рыночная сетевая экономи-

Ирина Васильевна Новикова – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента, технологий бизнеса и устойчивого развития Белорусского государственного технологического университета (г. Минск).

ка (геоэкономика) и ее инфраструктура, разрушался национальный суверенитет государств – главных действующих лиц международных отношений на протяжении многих веков¹.

Глобализация экономики в этот период стремилась к созданию геоэкономики, т.е. к экономике, которая будет работать как единый организм в рамках всего земного шара². Соответственно, ее компонентами будут не национальные государства, не совокупность национальных экономик, а «внешние части национальных экономик» – филиалы транснациональных компаний. По сути, они функционировали (или, правильнее сказать, должны были бы функционировать, что имело место далеко не всегда!) по законам рынка и конкуренции в геоэкономике. Уже в то время возникал вопрос: кто будет «вишенкой на торте», или по-марксистски: «кто будет Лениным в этом процессе»? Как, по каким направлениям будет меняться мировая экономика вследствие этих процессов?

Большинство американских исследователей и политиков еще в конце XX – в начале XXI в. сходились в том, что «глобальная тенденция возрастания числа, экономической мощи и политического влияния транснациональных сетей всех видов четко обозначится уже к 2015 г., а к 2025 г. мир изменится до неузнаваемости». Соответственно, вся мировая экономика как система, все ее элементы должны постепенно «менять свой организационный и культурный код, приобретая пластичные, текучие, динамичные формы и сетевую логику поведения»³. Безусловно, сетевая логика экономического развития, описанная еще в конце XX в. М. Кастельсом⁴, в XXI в. действительно становится реальностью.

Вот что по этому поводу пишет Н. Смородинская: «В наши дни процессы вытеснения иерархий сетевыми структурами приобретают уже массовый и необратимый характер, обнаруживая себя через активное формирование новой модели организации производства – на уровне компаний, рынков, национальных экономик, интеграционных сообществ и всего мирового хозяйства»⁵. Но сеть – это инстру-

¹ Новикова И. Геоэкономика как «Новая мировая сетевая экономика». Saarbrücken: Palmarium. 2016. P. 42.

² Новикова И. Модернизация национальных экономик и кластерно-сетевая регионализация // Мир перемен. 2013. №3. С. 79.

³ Global Trends 2015: A Dialogue About the Future with Nongovernment Experts. National Intelligence Council. USA. 2000; Global Trends 2025: A Transformed World. National Intelligence Council. USA. 2006. P. 84.

⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

⁵ Смородинская Н. В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: ИЭ РАН, 2015. С.17.

мент развития на данной стадии эволюции экономических систем. Точно также, как на протяжении многих столетий рынок служил инструментом связи хозяйствующих субъектов, а иерархии господствовали в корпорациях, объединяя разные уровни управления⁶. Равно и ВТО была инструментом, поддерживающей инфраструктурой глобализации по модели транснационализации. Поэтому «строительство» сетевой экономики в мировом масштабе тоже имеет свои интересы или интересы групп, его осуществляющих. Должен быть и фундамент этого «строительства» – цифровые платформы для сетей. Сразу возникает вопрос: на каких платформах будет формироваться сетевая экономика? Кто бенефициар сетевой логики развития?

Сетевые трансформации в почти объективной реальности

Сетевая экономика это – новая экосистема взаимоотношений между традиционными факторами производства, объединенными единой информационной средой, и приводящая к снижению транзакционных издержек за счет применения цифровых технологий. Появляется принципиально новая экономическая система и новая совокупность производственных, экономических отношений. Их новизна заключается в алгоритмизации экономических отношений. Соответственно, наступает этап конкуренции новых экосистем – этап конкуренции интегрированных между собой цифровых платформ. Платформы приходят на смену транснациональным корпорациям, формируя контуры уже далеко не всегда национальных экономик.

Цифровая платформа – это система алгоритмизированных взаимовыгодных отношений значительного количества независимых экономических субъектов по обмену информацией, созданию и обмену благами. Она приводит: к снижению общих транзакционных издержек; оптимизации бизнес-процессов; повышению эффективности цепочки поставок товаров и услуг, осуществляемых в единой информационной среде.

Инновация этой группы алгоритмизированных отношений заключается в том, что она разрушает старые отношения, предоставляя открытую инфраструктуру для субъектов-участников и устанавливая новые правила игры.

Впервые об этих процессах было написано в книге Р. Чейз в 2015 г. «Peers Inc.: как люди и платформы изобретают совместную экономику и перестраивают капитализм»: «Все, что может стать платформой – станет платформой. Это настолько невероятно убедительно: «платформенные» компании растут быстрее, учатся быстрее, быстрее адаптируются и т.д. Если вы не сделаете платформу, кто-то другой вас опередит. Устаревшие институты должны понять, что у них действи-

⁶ Новикова И. Геоэкономика как «Новая мировая сетевая экономика». С. 48.

тельно мало времени, чтобы принять этот путь. Потому что, если они не делают этого, кто-то другой сделает это в их секторе экономики. Они могут начинать пилотные проекты и эксперименты самостоятельно, они могут говорить о своих проблемах и звать «конкурентов» попробовать посотрудничать с ними таким образом»⁷.

Да, перспективы прекрасные... Но и последствия достаточно тяжелые для субъектов платформы. Обладая информацией, контролируя спрос и фактически обладая монополией на цифровую инфраструктуру рынка, владельцы платформы начинают контролировать рынок, влияя на:

- ценообразование,
- способы поставки товаров и услуг,
- технологии производства,
- захват цепочки создания добавленной стоимости,
- формирование новых стандартов от профессий до качества благ,
- трансформацию самой природы капитализма посредством формирования совместной экономики на цифровых платформах.

Цифровые платформы – основа, на которой возникают новые организационные формы – такие, как инновационные кластеры, нацеленные и на модернизацию существующих производств, поддержание лидирующих позиций в мировой экономике, и на формирование рынков для новых продуктов и технологий. В этой связи ожидается, что с появлением цифровой печати в ближайшем будущем господствующим станет рынок программных продуктов⁸. И так, сетевая перестройка мировой экономики началась.

Тем не менее эта перестройка, казавшаяся безусловной и перспективной, стала давать сбои, а сама глобализация к середине десятых годов XXI в. «пробуксовывать» и «притормаживать». Вот что отмечал по этому поводу управляющий директор Бостонской консалтинговой группы (BCG) А. Бхаттачарьян: темпы роста глобального ВВП снизились – с 6% в 1960-е годы до 3% – в 2015 г. Доля прямых иностранных инвестиций в совокупных инвестициях также стала уменьшаться, несмотря на их абсолютный рост. Наиболее впечатляюще изменения в динамике международной торговли, которая всегда была отличительным признаком глобализации. Так, с 1960 по 2008 гг. отношение объема торговли к ВВП выросло на 35 процентных пунктов, а за 2008–2015 гг. – всего на 0,2 процентных пункта. Тем не менее глобализация не умерла. Но она радикально меняется⁹.

⁷ Chaise R. Peers Inc.: How people and Platforms are Inventing the Collaborative Economy and Reinventing Capitalism. United States of America. Published by Public Affairs. 2015. P. 152.

⁸ Новикова И. Цифровая техноэкономическая парадигма в смене стратегии цифровизации Республики Беларусь // Труды БГТУ. 2020. №1. С.12.

⁹ https://www.linkedin.com/pulse/why-should-we-global-arindam-bhattacharya?trk=portfolio_article-card_title

Этому вторят аналитики Глобального института McKinsey: «...не смотря на то, что глобальная торговля товарами упала, а трансграничные потоки капитала резко сократились с 2008 г., глобализация не движется в обратном направлении. Скорее, она вступает в новую фазу, определяемую резким ростом потоков данных и информации»¹⁰. Действительно, глобализация становилась все более и более цифровой, но... Будут ли в узлах сетей находиться те же транснациональные компании, приспособившие схемы своего поведения к цифровизации и логике сетевой экономики¹¹, либо модель развития глобальной экономики будет меняться? Соответственно, будет ли меняться и направление глобализации?

Глобализация *versus* регионализация

Еще в 90-х годах прошлого века ряд ученых указывал на такое возможное направление глобализации, как регионализация. Например, голландский экономист Л. Эммеридж еще в 1992 г. отмечал, что глобализация через регионализацию возможна, если не наносит ущерба самой глобализации¹². Подобная мысль на рубеже XX и XXI вв. высказывалась и в работе О. Санкела и А. Инотай «Глобализм и новый регионализм»¹³. Таким образом, кроме транснационализации реальным альтернативным направлением может быть и регионализация.

В современных условиях кризис глобализации не отрицается уже ни его апологетами, ни его противниками. Речь идет о ее направлениях и последствиях. Глобализация мировой экономики, как отмечалось, носит рыночный характер, что также накладывает на нее кризисный отпечаток. Обусловлено это следующим.

Уже в 30-е годы XX в. Великая депрессия показала несостоятельность рынка и рыночных отношений, ибо капитализм перестал быть саморегулирующейся системой. Но выход из сложившегося положения был найден в системе кейнсианского государственного регулирования. Тогда экономики отличались закрытостью, и лишь за счет соответствующих инструментов стимулирования внутреннего спроса США и другим странам удалось преодолеть кризис. Это был первый звонок наступающего кризиса системы.

Из Второй мировой войны США вышли с окрепшей экономикой, требовавшей новых рынков. Производство продолжало расти, эконо-

¹⁰ Digital Globalization: the New Era of Global Flows. February 2016. McKinsey & Company 2016.

¹¹ Sölvell Ö. Globalization and an Increased Role of Clusters. 2012.

¹² Emmerij L. Globalization, regionalization and world trade // The Columbia Journal of World Business. Vol. 27. Issue 2. Summer 1992.

¹³ Sunkel O., Inotai A. Globalism and the new regionalism. Foreword by Giovanni Andrea Corini. Great Britain. MacMillan. 1999.

мика двигалась к эре массового потребления, а рынков катастрофически не хватало. Бреттон-Вудская система еще в годы войны заложила основы глобализации: были созданы поддерживающие ее институты – МВФ, Мировой банк, ГАТТ/ВТО. Но в начале XXI в. стала пробуксовывать и она. На этом фоне и начался очередной этап мирового кризиса. Дохийский раунд переговоров в ВТО, открывшийся в 2001 г. и не закончившийся до сих пор, также подтвердил, что разные группы стран имеют разный уровень развития, соответственно, и разные интересы. Именно он отчетливо показал, что более продуктивным в мировом развитии стало отступление от глобализации к замкнутым экономическим системам, к регионализации, т.е. развитию глобальной мировой экономической системы через региональные экономические группировки.

Реконфигурация кризиса системы в системный кризис

Что происходит сегодня? Почему кризис на протяжении чуть ли ни ста лет стал приобретать системный характер? По этому поводу ученые пока не пришли к единому мнению. Но кризисные явления не исчезли, а продолжали углубляться на протяжении последних десятилетий. Почему речь идет не о простом кризисе, а именно о системном? «Хотя цивилизационный кризис длится уже более двух десятилетий, – отмечает известный российский экономист Ю. Яковец, занимающийся длинными волнами Кондратьева, – до сих пор большинство ученых (тем более политиков и государственных деятелей) не могут поставить ему диагноз и обосновать адекватную ему антикризисную политику. Основное внимание уделяется лежащим на поверхности проявлениям кризиса – рецессии, безработице, расстройству финансовой системы, социальным и экологическим последствиям, однако остается неизученной глубина технологического и цивилизационного кризисов»¹⁴.

На фоне перманентного кризиса последних десятилетий XXI в. вызревает новая угроза сложившейся техноэкономической парадигмы развития и мировой экономики, и национальных экономик – цифровизация. Она и обуславливает появление новой такой парадигмы. Одним из первых на это еще в 80-х годах XX в. обратил внимание американский экономист К. Фримен. «Современное изменение парадигмы, – писал он, – можно рассматривать как сдвиг от технологии, основанной главным образом на вложении дешевой энергии, к технологии, основанной преимущественно на дешевых вложениях информации, которые почерпнуты из успехов в микроэлектронике и телекоммуникационной технологии»¹⁵. Почему имен-

¹⁴ Яковец Ю. Циклы, кризисы, прогнозы. Гл. 2. М.: Наука, 1999.

¹⁵ Freeman Ch. Introduction // G. Dosi et al (eds). *Technical Change and Economic Theory*. Pinter. 1988.

но парадигма, основанная «на дешевых вложениях информации», стала подрывать основы техноэкономической парадигмы рыночной системы, существовавшей несколько сотен лет?

Свобода продавца, покупателя и ориентация на потребности потребителя – вот столпы техноэкономической парадигмы рыночной системы¹⁶. Она развивалась при движении экономической системы от технологической революции 1.0 (XVIII в.), связанной с появлением технологий угля и пара до технологической революции 3.0 (конец XX в.), вызванной автоматизацией производства. Именно появление этих технологий в рамках технологических революций 1.0, 2.0, 3.0, пронизывая всю экономическую систему, определяли технические, организационные и менеджерские инновации, создающие не только новые продукты и технологии, но и новые организационные формы, которые обеспечивают конкурентоспособность, сокращение издержек и доступность новых продуктов для все большего числа людей.

В результате эволюции технологических процессов менялись формы организационно-технологического взаимодействия между факторами и субъектами экономической системы и формы управления: от мануфактуры к фабрике, от вертикальных форм управления к горизонтальным и гипертекстовым¹⁷. Основная цель, к которой стремятся все структуры (мануфактура, фабрика, транснациональная корпорация), заключается в том, каким образом организации должны формировать свои структуры для получения конкурентных преимуществ с целью расширения рынка сбыта продукции и получения прибыли.

Иначе говоря, как распределить ресурсы, чтобы получить конкурентные преимущества, представляющие собой целевую долгосрочную установку любой современной производственной организации. Тем более в условиях, когда речь идет о международной конкуренции и экономическом переделе мира¹⁸. Такая направленность экосистемы производственных организаций существовала вплоть до начала XXI в. в рамках рыночной системы. Рынок – это инструмент для подтверждения конкурентоспособности фирмы, возможности роста и получения прибыли соответственно. Капитализм без рынка, роста и прибыли развиваться не может.

Как отмечают австралийские экономисты-экологи С. Александер и Б. Глисон, «капитализм заперт в экономике роста, которая подрыва-

¹⁶ Новикова И. Геоэкономика как «Новая мировая сетевая экономика». С. 42.

¹⁷ *Asumeng M. A. Osae-Larbi J. A. Organization development models: a critical review and implications for creating learning organizations // The European Journal of Training and Development Studies. 2015. №2. P. 29–43; Morgan J. The future of work: Attract new talent, build better leaders, and create a competitive organization. 2015. John Wiley and Sons. 2014.*

¹⁸ Новикова И. В., Макуров Л. Г. Кластерная организация как институт развития в постиндустриальной экономике: методология анализа. // Труды БГТУ. Серия 5. 2019. №1.

ет экологические основы жизни на Земле, т.е. капитализм экоциден. Сегодняшняя парадигма роста находится на пути экоцидных столкновений с планетарными пределами». Еще более актуальным этот тезис становится в условиях исчерпания ресурсов Земли. Поэтому «в рамках капитализма, – продолжают эти авторы, – корпорации должны стремиться максимизировать прибыль и производительность, чтобы избежать риска вытеснения с рынка более амбициозными или безжалостными рыночными конкурентами. Это и стало определяющим противоречием капитализма в XXI в.»¹⁹. Об этом еще в 2016 г. в своей известной монографии писал П. Мэсон «Посткапитализм: путеводитель в наше будущее»²⁰. Таким образом, экоцидность капитализма стала требовать посткапиталистической модели развития.

Переход к технологиям 3D печати в рамках новой техноэкономической парадигмы ведет к становлению нового вида рынков, лежащих в основе перестройки не только всех производственных систем, но и способа производства в целом – рынков программных продуктов, обеспечивающих технологии печати различного рода продуктов. В этой системе и человек вытесняется из производственной системы, и сама производственная система движется в обратном направлении – от транснациональных корпораций к региональному производству, а впоследствии к домашнему хозяйству. Именно оно без посредников сможет производить на базе программных продуктов все виды материальных благ. Но это – в длительной перспективе, по прогнозам, где-то к 2035 г. Что же сейчас?

В современных условиях требование к постоянному росту актуализировалось еще и потому, что для его стимулирования использовались различные финансовые инструменты: в 2000-х – ипотечное кредитование, сегодня – наращивание корпоративных долгов. Это при том, что темпы роста производительности труда драматически снижались в последние десятилетия. Почему финансовые инструменты? Потому что в мире замедляется рост производительности труда, которая и должна была бы обеспечивать экономический рост. В среднем за 2011–2019 гг. экономический рост составил 2,5%, причем в США – 1,4%, в странах ЕС-28 – 1,06%²¹. В то же время расходы на социальное обеспечение в США увеличились с почти 540 млрд долл. в 2007 г. до 1093 млрд долл. – в 2019 г. То есть эти расходы увеличились почти в два раза, а производительность почти за тот же период (2011–2019 гг.) – только

¹⁹ Alexander S., Gleeson B. *Degrowth in the Suburbs: A Radical Urban Imaginary*. Palgrave Macmillan. London. 2019.

²⁰ Mason P. *PostCapitalism: A Guide to Our Future*. 2016 (<https://www.amazon.com/PostCapitalism-Guide-Future-Paul-Mason-ebook/dp/B00WFN1UEA>).

²¹ Viewed on 20 April 2020: OECD.

в 1,4 раза. Соответственно, благосостояние могло расти не иначе как за счет увеличения внутреннего государственного долга.

Расходы на социальное обеспечение резко возросли в конце 2000-х годов в связи с Великой рецессией. Тогда, например, затраты на Medicaid (программа здравоохранения в США) выросли с 326 млрд долл. в 2007 г. до 397 млрд долл. – в 2010 г., а на другие виды социального обеспечения (денежные средства, питание, безработица, жилье) – соответственно с 339 млрд долл. до 677 млрд. Расходы на Medicaid неуклонно увеличивались согласно новым положениям Закона о доступном медицинском обслуживании. В 2019 г. они составили 634 млрд долл., а на другие виды социального обеспечения – 459 млрд.

Общие расходы на социальное обеспечение, составлявшие 4,6% ВВП в 2007 г. резко подскочили до 7,2% ВВП в 2010 г. В период Великой рецессии уровень благосостояния населения достиг 4,5% ВВП. Но в период восстановления, с 2010 г., прочие расходы на социальное обеспечение неуклонно снижались до примерно 2,3% ВВП в 2017 г. С 2015 г. они стабильно остаются на уровне 3% ВВП. В 2019 г. расходы на Medicaid упали до 3,0% ВВП, а на другие виды социального обеспечения – до 2,1% ВВП²². Тем не менее, несмотря на снижение расходов на социальное обеспечение в этот период, производительность росла более медленно.

Эти тренды сложились не вчера, а формировались в течении десятилетий. Замедление роста производительности труда не ведет к росту сбережения, соответственно стимулировать спрос необходимо только посредством кредитования и увеличения долгов – попутчиков системного кризиса. Именно за счет долга и пытаются стимулировать неэффективные и малоэффективные производства (а таких и в ЕС, и в США достаточно много!), банкротство которых может обрушить сначала национальные финансовые системы, а затем мировую финансовую, которая потянет за собой и производственную систему. COVID-19 данную проблему еще более усугубил.

Еще в конце 2019 г. рейтинговое агентство S&P GlobalRatings отмечало, что «до 2024 г. корпорациям во всем мире необходимо расплатиться по долгам общим объемом 5,2 трлн долл. По оценкам аналитиков, почти половина этой астрономической суммы – облигации, займы и возобновляемые кредиты от финансовых и нефинансовых компаний в США»²³. Государственный долг США составляет 23 трлн долл., а дефицит бюджета этого года – более 1 трлн долл.²⁴.

²² https://www.usgovernmentspending.com/welfare_spending

²³ <https://ria.ru/20190826/1557845265.html>

²⁴ https://actualnews.org/exclusive/320036-korporativnyj-dolg-ssha-vyros-do-47-vvp.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

С 2018 г. наметилась тенденция к снижению корпоративных долгов и в зоне ЕС, и в Японии, и в Великобритании, тогда как в США продолжали наращивать корпоративные долги. Хотя в Японии даже при сокращении долг сегодня оценивается в 250% ВВП (!). Совокупная мировая задолженность правительств и корпоративного сектора в 2010 г. составляла 115% от ВВП, а в 2018 г. – 170%. Как отмечается в докладе американского Института международных финансов (ИФ), «значительный рост мирового долга за последнее десятилетие – более 70 трлн долл. – достигнут в первую очередь за счет правительств и нефинансового корпоративного сектора (оба по 27 трлн). На развитых рынках долг вырос за счет задолженности правительств (на 17 трлн, до 52 трлн). Однако на развивающихся рынках большая часть долга приходится на нефинансовый корпоративный сектор ([увеличился – ред.] на 20 трлн, до [достиг – ред.] 30 трлн)»²⁵.

Задолженность правительств в развитых экономиках, как правило, складывается из затрат на различные виды социального обеспечения. В целом, по данным упомянутого доклада, за первое полугодие 2019 г. мировой долг достиг рекордных 250,9 трлн, увеличившись на 3%. К концу прошлого года он составил уже 255 трлн (330% мирового ВВП). В пересчете на каждого человека на Земле – это 32 500 долл.²⁶ Именно большие расходы на различные виды социального благосостояния в США и поддержание высокого уровня заработной платы делали привлекательной страну не только для эмигрантов из стран «третьего мира», но и для работников высококвалифицированного труда, ученых и разработчиков, связанных с высокими технологиями (ИТ, биотехнологии и т.д.).

Выход из долгового кризиса возможен только при стимулировании экономического роста – опять-таки через кредиты и путем стимулирования спроса и потребления. Значит необходимо найти инструменты, поводы для вброса дополнительной денежной массы в национальную и мировую экономику. Но со спросом все очень непросто. В последние годы в экономиках промышленно и технологически развитых стран уровень частных сбережений резко уменьшился по сравнению с предыдущими периодами. Например, до середины 1990-х годов этот уровень в экономике США составил около 8% от ВВП. Однако уже со второй половины 1990-х годов, он начал постоянно падать и достиг 1% в сентябре 2001 г., что стало одной из причин общих кризисных явлений в экономике США, сначала ипотечного кризиса, а затем и в мировой экономике в целом. Таким образом, стимулировать спрос можно исключительно за счет постоянного предложения долларовой массы как в национальную, так и в мировую экономику для реструктуризации долгов.

²⁵ <https://www.kommersant.ru/doc/4162235>

²⁶ <https://www.ridus.ru/news/314362>

Делать это, безусловно, можно по-разному. «Целью, следствием и причиной эффективного экономического развития в Соединенных Штатах, – отмечает Л. Теньковская, – являются личные доходы населения страны: 1) высокие доходы расширяют возможности; 2) доходы имеют прямую зависимость от экономической эффективности отраслей; 3) высокая экономическая эффективность отраслей основана на высоких доходах, направляемых на потребление товаров и услуг»²⁷. Круг замкнулся!

Проведенные ею анализ и моделирование взаимосвязей роста доходов, сбережений и экономического роста показали, что личные доходы населения США в течение I квартала 2006 г. – III квартала 2019 г. (включает один экономический цикл: завершение подъема, кризис, депрессию, оживление, подъем) имеют сильную восходящую тенденцию. В стране большая часть личных доходов формируется за счет заработной платы, доходов физических лиц от активов (процентные и дивидендные доходы), трансфертных платежей (в основном государственные социальные пособия). То есть стимулирование потребительских расходов – важная составная часть политики США в современных условиях.

Если в связи с коронавирусом, как планируют США и многие страны ЕС, будет запущено в оборот до 10% мирового ВВП в денежной форме, то что будет с резервной валютой и мировой экономикой? По данным *Nikkei Asian Review* от 4 мая 2020 г., затраты на антикоронавирусные меры, проводимые странами во всем мире, уже в настоящее время составляют около 8 трлн долл., или 9% мирового ВВП. Из 8 трлн 2,3 трлн долл. приходится на США. Согласно экспертным оценкам, отношение долга США к ВВП в 2020 г. достигнет 131%²⁸. Во-первых, это означает ослабление доллара по отношению к другим валютам, правда, создает условия для наращивания более дешевого американского экспорта, а в перспективе и расширение американских рынков сбыта.

Во-вторых, в структуре американских доходов большую долю занимают трансферы. Соответственно, перечисление Д. Трампом на счета американцев в условиях коронавируса по 1200 долл. на одного взрослого и по 600 долл. на одного ребенка позволит восполнить потери ВВП в секторе потребления и тем самым простимулировать совокупный спрос этого года. На первый взгляд такие выплаты носят инфляционный характер, но для ВВП США это – существенная поддержка, восполняющая его потери за период карантина и стимулирующая со-

²⁷ Теньковская Л. Эластичность доходов, сбережений, инвестиций и ставки ФРС США (<https://ru.investing.com/analysis/article-200264943>).

²⁸ <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Datawatch/Trump-s-coronavirus-stimulus-package-tests-credibility-of-dollar>

вокупный спрос. Значит и поддержка благосостояния населения страны, и политическая поддержка Д.Трампа. Но надолго ли ее хватит?

* * *

На наших глазах системный кризис, о котором говорили теоретики, превращается в реальную угрозу мировой экономике. Выход видится только в создании региональных пространств – интеграционных группировок. Возможно, и с новыми валютами. Только так можно будет избежать втягивания в воронку глобального хаоса. Системный кризис мировой экономики подвел всех, выражаясь в терминах неравновесной термодинамики и синергетики, к точке бифуркации, после которой система – мировая экономика – перейдет либо в состояние хаоса, либо на новый, более высокий уровень упорядоченности. Конечно, это еще не планомерность, но уже и не чистый рынок.

Вниманию читателей журнала «МИР ПЕРЕМЕН»

Журнал «Мир перемен» доступен в электронном виде.

На сайте Научной электронной библиотеки www.eLIBRARY.ru можно приобрести журнал целиком или заказать отдельную статью. Выпуски по 2017 г. включительно, а также все аннотации находятся в открытом доступе.

Как организации, так и частные лица могут осуществить подписку на электронную версию журнала «Мир перемен» – отдельные выпуски или годовые комплекты.

Телефон Научной электронной библиотеки: +7 (495) 544-24-94

Телефон редакции: +7 (499) 724-15-19

О. Кароза, А. Потемкин, М. Ротшильд

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ СЕКТОР – СДЕРЖИВАЮЩИЙ ФАКТОР РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Цель современной и предшествующих модернизаций российской экономики на протяжении многих лет заключалась в наращивании объема и количества валовых показателей, независимо от их качества, в условиях «надо догонять». Акцент всегда делался на достижении макро-, а не микроэкономических показателей (положительной динамики показателей на уровне предприятий и компаний), в результате чего усиливается активная деятельность государства, создаются некачественные и неэффективные активы, растут административные и бюрократические барьеры. Внимание уделяется макроэкономической стабильности с помощью институтов развития и финансового регулятора на национальном уровне.

Инвестиционный поток

Действительно, инвестиционный поток формируется в поддержку госкомпаний за счет прямых дотаций из бюджета, Фонда национального благосостояния (ФНБ), Внешэкономбанка (ВЭБ) и Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ). Но так как источниками доходной части служат уже только фрагменты уцелевшего прибыльного частного бизнеса, сырьевые отрасли и налоговые отчисления физических лиц, а также деятельность от спекулятивных манипуляций участников финансовых рынков, то доходы беспредельно высасываются из собственного кармана субъектов РФ и невосполнимо растрачивается государственное имущество. В арабских странах (например, в ОАЭ) считается, что «экономика – лошадь, политика – телега», т.е. экономика должна идти впереди политики. В России же приорите-

Ольга Валерьевна Кароза – независимый финансовый аналитик (г. Москва).

Александр Петрович Потемкин – доктор экономических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, государственный советник налоговой службы II ранга (г. Москва).

Радмила Николаевна Ротшильд – независимый финансовый аналитик (г. Москва).

том стала не экономическая рациональность, а подчиненность политическим и геополитическим интересам, понимаемым субъективно.

Технологическая модернизация экономики – основная тема последних десяти лет. Разработана Стратегия развития экономики страны до 2020 г. В ее основе – 5И: институты, инвестиции, инфраструктура, инновации, позднее – интеллект. Создание инновационных качественных активов для отечественной экономики требует необходимых инвестиций. Их ценность для общества заключается в содействии экономическому развитию государства, что закреплено еще в Вашингтонской конвенции от 18 марта 1965 г.

Инвестиционная политика – деятельность государства, направленная на изыскание источников инвестиций и установление рациональных областей их использования. Государственное регулирование инвестиционной деятельности определяет меры, средства и инструменты и выражается в прямом управлении государственными инвестициями посредством применения налоговых льгот и льготных ставок, финансовой помощи в виде дотаций, субсидий, бюджетных ссуд, льготных кредитов, финансовой и кредитной политики, ценообразования, выпуска в обращение ценных бумаг и т.д.

Однако в России прямое участие государства в инвестиционных проектах приводит на протяжении десятилетий, при всем существующем контроле, по умолчанию, к скрытому лоббированию частных интересов всех участников (инициатора, организатора, заказчика, меньше всего самого исполнителя) инвестиционного процесса и освоению бюджетных средств.

Многие отрасли экономики, кроме сырьевых, стали нежизнеспособными и неконкурентоспособными. Произошел отток капиталов и человеческого интеллекта в развитые страны. Из-за предъявленных санкций укрепилась зависимость наиболее важных отраслей экономики от иностранных технологий и комплектующих на фоне реализации программы импортозамещения (за исключением сельскохозяйственной отрасли), а модернизация экономики на основе отечественных инновационных и информационных разработок не состоялась.

В 2019 г. доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте (ВВП) находилась на уровне 2014 г. и составляла 21,6%¹, или росла по сравнению с 2011 г. только на 2% в год. В 2019 г. доля высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта равнялась 12,2%², а в общем объеме импорта – 67%³.

Средний показатель степени износа основных фондов, определяющий состояние материально-технической базы отраслей экономики,

¹ https://www.gks.ru/storage/mediabank/mac3_okved2.xlsx

² <https://www.gks.ru/storage/mediabank/vnesh1.xlsx>

³ <https://www.gks.ru/storage/mediabank/vnesh2.xlsx>

на 01.01.2019 г. достиг 49,4%⁴, в том числе: добывающей отрасли – 57,8%, сферы здравоохранения и социальных услуг – 53,3, информации и связи – 62,2, обрабатывающих производств – 50,6, профессиональной, научной и технической деятельности – 51,6%. При этом динамика данного показателя с 2008 г. только ухудшается⁵.

О проблеме эффективности государственного регулирования в России свидетельствуют данные Индекса восприятия коррупции (ИВК), опубликованные организацией Transparency International⁶. ИВК – основной индикатор коррупции в государственном секторе – основывается на 13 исследованиях и оценках экспертов, направленных на измерение коррупции в государственном секторе 180 стран и территорий, каждая из которых получает рейтинг от нуля (очень высокий уровень коррупции) до 100 (очень низкий уровень коррупции).

ИВК отражает следующие проявления коррупции: взяточничество; нецелевое использование бюджетных средств; преобладание чиновников, которые используют государственную должность для получения личной выгоды без боязни последствий; способность правительства сдерживать коррупцию и обеспечивать применение механизмов защиты государственной целостности в госсекторе; заформализованные процедуры и чрезмерная бюрократизация, что может привести к возникновению дополнительных возможностей для появления коррупции; назначение на государственные должности согласно профессиональным заслугам и по кумовству; действенные инструменты уголовного преследования коррупционеров; существование адекватных законов раскрытия финансовой информации; правовая защита разоблачителей коррупционеров, журналистов и судебных следователей при сообщении о случаях взяточничества и коррупции; доступ гражданского общества к общественной информации.

Так, в 2018 г. ИВК России составил 28 баллов, что на уровне Папуа–Новая Гвинея и Бангладеш. Меньше баллов набрали Гватемала, Кения, Нигерия, Азербайджан, Никарагуа, Таджикистан, Мозамбик, Узбекистан и пр. 80 баллов и выше получили Германия, Великобритания, Люксембург, Канада, Норвегия, Швеция, Швейцария, Сингапур, Финляндия и др. В 2015–2017 гг. ИВК России оценивался в 29 баллов.

Внешэкономбанк

Основным инструментом реализации инвестиционной политики государства служит Государственная корпорация «ВЭБ.РФ» (ранее

⁴ <https://www.gks.ru/storage/mediabank/1-9.xlsx>

⁵ <https://www.gks.ru/storage/mediabank/1-9a.xlsx>

⁶ www.transparency.org/cpi2018

«Банк для внешней торговли СССР», «Банк внешнеэкономической деятельности СССР»). Год основания – 1922. С 1923 по 2007 гг. организация меняла названия и функционировала как государственный банк внешнеэкономической деятельности СССР с обязательствами проведения расчетов по экспортно-кредитным операциям, обслуживания внешнего долга СССР, доверительного управления средствами пенсионных накоплений, руководства сети заграничных банков (в настоящее время ВЭБ имеет представительства в тех же странах). Учрежденный правительством СССР, Внешэкономбанк СССР был один из основных держателей активов страны.

С 2007 г. согласно отдельному федеральному закону №82-ФЗ «О банке развития» Внешэкономбанк становится государственной корпорацией с особым статусом, однако сотрудники не считаются государственными служащими. Банк не имеет лицензии, его деятельность не регулируется положениями Банка России. Корпорация выполняет ряд важных локальных и международных государственных задач в финансовой сфере, координирует и финансирует инфраструктурные проекты, управляет инвестициями средств Пенсионного фонда РФ и Фонда национального благосостояния. Полностью контролируется правительством РФ.

В ноябре 2018 г. официальное наименование организации было изменено на «Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ».

Банк становится государственным оператором, «фабрикой проектного финансирования» на принципах синдицированного кредитования. Основной критерий отбора проектов: стоимость – от 3 млрд руб., окупаемость – до 20 лет, направления и отрасли в соответствии со стратегией ВЭБ.РФ, доля собственных средств – 20%, заемщик – проектная организация (участник «фабрики») ⁷. Через ВЭБ.РФ проходят все схемы финансирования самых значимых государственных инвестиционных проектов, в том числе инфраструктурные проекты по транспортному строительству, нефтегазотранспортной инфраструктуры и специальных объектов. Источники финансирования – прямые государственные субсидии и кредиты Банка России. Конкурентов у банка нет, так как обслуживаются проекты, которые не доступны для частных коммерческих банков. Банк – активный участник долгового рынка, регулярно размещает свои облигационные выпуски. Основным и единственным акционером банка остается государство.

Объем финансовой поддержки группы ВЭБ.РФ от государственной власти в 2018 г. – 141,58 млрд руб. В 2019 г. поддержка была оказана путем предоставления субсидий из федерального бюджета в виде имущественных взносов РФ в размере 48,7 млрд руб., а также – размещения депозита в ВЭБ.РФ Федеральным казначейством в сумме

⁷ <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/biznesu/fabrika-proektnogo-finansirovaniya/>

200 млрд руб. на срок до 5 лет по ключевой ставке, уменьшенной на 0,5 процентных пункта.⁸ Общий размер активов группы ВЭБ.РФ на 31.12.2019 г. оценивался в 3 177,4 млрд руб.

Меморандум о финансовой политике ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», утвержденный распоряжением Правительства РФ от 23 июля 2018 г. №1510-р предусматривает следующее:

Внешэкономбанк участвует в реализации проектов (сделок), указанных в части 5 статьи 3 Федерального закона «О банке развития» (далее – проекты Внешэкономбанка, имеющие общегосударственное значение для экономики Российской Федерации), в отсутствие прогнозируемой по результатам экспертизы проекта Внешэкономбанка возвратности предоставленных Внешэкономбанком денежных средств при условии определения источников финансирования указанных проектов и компенсации участия Внешэкономбанка в их реализации, определения иных инструментов и мер поддержки, в том числе государственной. В целях реализации в долгосрочной перспективе функций, предусмотренных Федеральным законом «О банке развития», на основании решений наблюдательного совета Внешэкономбанка допускается возможность получения Внешэкономбанком отрицательных финансовых результатов в среднесрочном периоде (от 1 года до 3 лет).

Данные условия функционирования исключительны. Даже если задачами «института развития» не служат получение прибыли и распределение дивидендов, то согласно гражданской и юридической позиции регулирование инвестиционных потоков должно быть направлено не только на транзит денежных средств за условное вознаграждение, но и на создание качественных и эффективных активов – основы для развития национальной экономики.

В реальных условиях экономического хозяйствования любая компания малого и среднего предпринимательства (со средней численностью до 250 человек и предельным годовым уровнем дохода 2 млрд руб.), показавшая убытки в налоговой декларации на прибыль, по требованию налоговой службы через камеральную проверку поясняет их образование. При последующей сдаче декларации по налогу на прибыль с отрицательным финансовым результатом налоговая служба уже вызывает на комиссию (включая директора, главного бухгалтера и иных свидетелей) для дачи фактических показаний деятельности компании с целью возможного выявления мошеннических схем. В ходе заседания комиссии перед компанией ставится неофициаль-

⁸ [www.vzb.pfhttps://xn--90ab5f.xn--p1ai/files/?file=b144ff33915539a209afe0e92d66e752.pdf](https://xn--90ab5f.xn--p1ai/files/?file=b144ff33915539a209afe0e92d66e752.pdf)

Результаты деятельности ГРУППЫ ВЭБ.РФ ЗА 2019 ГОД ПО МСФО. С. 3–4.

ное условие о подаче прибыльной декларации (как минимум, безубыточной – нулевой). В ином случае негласно поступает приказ-рекомендация о смене юридического адреса, следовательно, и ИФНС, или предложение по ликвидации компании. Основание: цель создания любой компании, прописанная в уставе, – получение прибыли. Экономические условия образования причин убытков и отсутствие источников финансирования никого не интересуют.

Согласно данным консолидированной финансовой отчетности (по МСФО) группы ВЭБ.РФ, за 2014 г. убыток составил 249,7 млрд руб., за 2015 г. – прибыль в размере 14,9 млрд руб.⁹ (предварительный финансовый результат 2015 г. носил отрицательное значение, но помощь от государства в виде размещения средств Фонда национального благосостояния позволила окончить год с положительным финансовым результатом), за 2016 г. – убыток 111,9 млрд руб., за 2017 г. – убыток 287,7 млрд¹⁰, за 2018 г. – убыток 175,8 млрд, за 2019 г. – убыток 52,8 млрд руб.¹¹.

Отрицательный результат деятельности группы ВЭБ.РФ с 2014 по 2019 гг. (а значит, потери для бюджета) – 863 млрд руб. Это сравнимо с размером средств федерального бюджета, планируемых на обеспечение выплаты в течение двух лет малоимущим семьям с детьми от трех до семи лет согласно тезисам Послания Федеральному Собранию Президента России в 2020 г.

По итогам 2018 г. из 82 учрежденных и действующих организаций, потенциально связанных с участием ВЭБ.РФ¹², 42 компании имеют положительный результат деятельности с общей прибылью 77 млрд руб., а 35 компаний получили суммарный чистый убыток в 181 млрд руб.

Фактически корпорация ВЭБ – «структура-прокладка» между бюджетом и крупными реализуемыми государственными проектами. Большое количество дефолтных кредитов и убыточных проектов просто вымывает бюджетные средства. Взять, например, общеизвестное финансирование производства микрочипов компании АО «Ангстрем – Т», которая уже сейчас признана банкротом, реестр требований кредиторов в декабре 2019 г. – 92 млрд руб.

Некоторые проекты, по сути, не окупаемы – скажем, строительство Центрального участка Западного скоростного диаметра

⁹ www.вэб.рф: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/files/?file=6bb46aae1dd4f02a8a719e1473fb1dce.pdf>

¹⁰ www.вэб.рф: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/files/?file=6c30c09e4bcf1956c2c7dd3ec2b2f6bd.pdf>

¹¹ www.вэб.рф: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/files/?file=3c59adab117e855fd700df3ccc51005b.pdf>

¹² <https://focus.kontur.ru/>

в Санкт-Петербурге. По данным ВЭД.РФ, на это были предоставлены заемные средства в размере 25 млрд руб. на срок более 12 лет, однако ни за 12, ни за 20 лет этот проект не окупит себя. По неофициальным данным, ВЭБ.РФ в настоящий момент располагает проблемными активами более чем на 2 трлн руб.

Почему правительство самостоятельно не финансирует такие проекты, почему возникают проблемные активы? Ответ прост – большинство компаний-исполнителей просто боится связываться с бюджетными деньгами из-за системы *госзакупок*, когда только определенные компании могут выиграть тендер. При взаимодействии через ВЭБ.РФ все становится гораздо проще и прозрачнее для «осваивания» бюджетных средств, да и ответственности никакой.

Некоторые проекты, такие как финансирование Богучанского алюминиевого завода с инвестициями ВЭБ.РФ в размере 1,5 млрд долл., пока не приносят результатов¹³. По итогам 2018 г. убытки компании составили 16,7 млрд руб.¹⁴. Похожая ситуация с Брянской мясной компанией: было инвестировано 1,4 млрд долл.¹⁵, убыток компании за 2018 г. составил 13,9 млрд руб.¹⁶. Возможно, эта ситуация изменится, если компании вовремя рассчитаются с госкорпорацией, а ВЭБ.РФ их не обанкротит до момента наращивания производства и достижения точки безубыточности.

Эти проекты выглядят как правомерный по закону «рейдерский захват» профильных предприятий. Сначала ВЭБ финансирует необходимое предприятие, как правило, любое финансирование (кредитование) влечет залог имущества (на 08.04.2020 г. ВЭБ.РФ – залогодержатель более чем по 1220 договорам), затем, в случае невозврата кредитных средств (обычно срока кредита не хватает для наращивания производства в объеме, необходимом для погашения обязательств), предприятие начинают умышленно банкротить. Оборудование, недвижимое имущество, другие активы продаются с торгов по минимальной цене, которая в разы меньше рыночной. Итогом становится приобретение полностью функционирующего прибыльного предприятия по заниженной цене.

Правительство доверило ВЭБ.РФ быть институтом развития в целях обеспечения долгосрочного социально-экономического развития страны и создания условий для устойчивого экономического роста, повышения эффективности инвестиционной деятельности и расширения инвестирования ресурсов в национальную экономику посредством реализации проектов в РФ и за рубежом, наделила свободой маневров,

¹³ <https://вэб.рф/proyekty/boguchanskiy-alyuminievyy-zavod/>

¹⁴ <https://focus.kontur.ru/>

¹⁵ <https://вэб.рф/proyekty/sozдание-proizvodstva-bryanskoj-myasnoj-kompanii/>

¹⁶ <https://focus.kontur.ru/>

которые не имеет ни один субъект хозяйствования. Почему же будущие основные активы российской экономики качественно не отбираются на условиях персональной ответственности, почему не доводятся начатые проекты до логического завершения и получения базового экономического эффекта? Сколько потеряет российская экономика в ближайшие 10 лет из-за достижения высоких показателей возвратности кредитных средств в отчетах банка?

В конце концов, от ВЭБ.РФ напрямую зависит, сможет ли российская промышленность конкурировать с западными технологическими производствами.

Государство максимально стимулирует сотрудников корпорации для качественного исполнения ими функциональных трудовых обязанностей. При средней численности сотрудников в 1167 человек размер начисленной заработной платы и выплат социального характера в 2019 г. составил, согласно опубликованным данным финансовой отчетности, только по ГК развития «ВЭБ.РФ» г. Москва – 11,6 млрд руб., или 830 461 руб. в месяц на каждого сотрудника. Такому среднемесячному доходу могут позавидовать западные коллеги. Но это еще не предел в поощрении государством должностных обязанностей.

Всего у ВЭБ семь исторически зарегистрированных представительств. Некоторые из них в странах, под санкциями которых государственная корпорация находится в настоящее время: Лондон, Милан, Франкфурт-на-Майне, Нью-Йорк. В то же время ВЭБ привлекает бывшего конгрессмена Дж. Суини для официального лоббирования интересов в Америке, что следует из базы данных Минюста США, раскрытых ВЭБом по закону FARA (о регистрации иностранных агентов). Ставка Дж. Суини – 62,5 тыс. долл. в месяц (более 4,5 млн руб.)¹⁷.

Российский фонд прямых инвестиций

План модернизации российской экономики при нынешней политике властных структур, государственных институтов развития и регулятора финансового рынка – не осуществим. Качественный скачок роста экономики страны произойдет в том случае, если к ее управлению придут высоко профессиональные эксперты должных моральных качеств и интеллекта.

Задача увеличения доли инвестиций в основной капитал до 25–27%, неоднократно ставившаяся перед правительством страны, начиная с 2012 г., до сих пор не выполнена. К 2019 г. размер инвестиций в основной капитал составил 20,7% ВВП. В Китае же инве-

¹⁷ <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/09/23/5d84bf299a794738ebcbdb13>

стиции в ВВП превышают 40%, и это во многом определяет будущий экономический рост.

По данным Росстата, доля частных российских инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал устойчиво росла все последние годы, достигнув 60,9% в 2019 г. Доля государственных инвестиций, напротив, уменьшалась до 13,8% в 2019 г. Иностранные инвестиции в основной капитал составили 6,2%, совместные (российские и иностранные) – 8,2%. Самая большая доля инвестиций в основной капитал в общем объеме инвестиций по итогам 2018 г. была отмечена в добыче полезных ископаемых – 19%.

Организацией инвестиционного «рывка» в целях увеличения экономического роста занимается Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ). Он осуществляет «прямые инвестиции в лидирующие и перспективные российские компании совместно с ведущими инвесторами мира»¹⁸. Фонд создан в 2011 г. по инициативе президента и председателя правительства Российской Федерации. Во всех сделках РФПИ выступает соинвестором вместе с крупнейшими международными инвесторами, играя роль катализатора в привлечении прямых инвестиций в Россию. При этом прямой цели об извлечении прибыли для акционера (Российская Федерация) речи не идет: в отличие, например, от Mubadala Investment Company – суверенного фонда ОАЭ, управляющего глобальным портфелем объемом 229 млрд долл.

После подписания президентом РФ Федерального закона от 2 июня 2016 г. «О Российском Фонде Прямых Инвестиций» он вышел из структуры Внешэкономбанка и был наделен статусом суверенного фонда России. Иными словами, стал своеобразным фондом национального благосостояния. Суверенные фонды создаются государствами для сохранения финансовой стабильности в период кризиса и как инструмент глобального инвестирования.

Согласно докладу «Об экономике России», опубликованному Группой Мирового банка в декабре 2019 г., приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Россию резко сократился: с 54,5 млрд долл. в среднем за 2011–2013 гг. до 19,2 млрд долл. за 2015–2018 гг. С поправкой на капитал, потенциально вывезенный ранее российскими резидентами (FDI round-tripping), объем ПИИ из Европы сократился примерно на 88%, из Америки – на 41, из Африки – на 90%. Азия – единственный континент, откуда приток ПИИ увеличился примерно вчетверо по отношению к первоначальному уровню.

Инвестиционная деятельность РФПИ широко освещается в СМИ только перед проведением сделок, вызывающих резонанс (к примеру, приватизация Башнефти). Детали и успешные направления деятельности этого важного (по уровню своих задач) фонда недоступны

¹⁸ <https://rdif.ru/About/>

простому обывателю. Интересно, что привлеченные за 9 лет функционирования фонда партнеры России (в лице РФПИ) представляют собой, скорее, выгодные политические партии, нежели инвестиционные. Так, в 2015 г. суверенный фонд Саудовской Аравии Public Investment Fund вложил 10 млрд долл. в проекты на территории РФ, это около 650 млрд руб. (в течение четырех-пяти лет), для постоянного налаживания дружественного диалога с Россией. Другими крупными «инвестиционными» партнерами стали ОАЭ и Китай, очевидно, преследующие свои стратегические цели. ОАЭ интересно участие России в йеменской ситуации (а вряд ли инвестиции в российские структуры), а Китай вновь расширяет масштабы собственного бизнеса (ресурсные проекты и дополнительная территория). Очевидно, что ни о каком плановом качественном развитии российской инфраструктуры речи не идет.

За свою деятельность РФПИ инвестировал более 1,8 трлн руб. (на 17.04.2020), из них более 180 млрд руб. – средства РФПИ и 1,6 трлн руб. – средства партнеров¹⁹. Так, Фонд был якорным инвестором во время IPO Московской биржи, инвестировал в сети клиник «Мать и дитя» и кинотеатров «Каро фильм», «Энел ОГК-5», лесную отрасль (Russian Forest Products), IT (группа Maykor). РФПИ принял участие в IPO «Алросы», а также объявил, что планирует запустить программу инвестирования строящейся коммерческой недвижимости – в основном торговых центров в регионах. *Слышали ли граждане об успешности этих проектов?*

РФПИ активно участвует в инвестировании средств ФНБ: уже готов список из 11 проектов, куда можно было бы вложить их. Минэкономразвития предложил выделить для проектов РФПИ отдельную квоту – 10% от объема ФНБ, и правительство ее выделило.

Финансирование РФПИ отличается от банковского тем, что фонд приобретает долю в акционерном капитале и на правах партнера предоставляет займ. Так создаются совместные предприятия для реализации важных инвестпроектов. РФПИ рассматриваются проекты со следующими параметрами: выручка от 5 млрд руб. в год, общий бюджет проекта – от 500 млн до 20 млрд руб.

Через РФПИ могут финансировать либо мировые лидеры той же отрасли, к которой относится финансируемая российская компания, либо иностранные фонды, заинтересованные не в операционном управлении, а в доходности своих инвестиций. Позже была предложена еще одна модель – «Инвестиционный лифт» для поддержки высокотехнологичных проектов малого и среднего предпринимательства, связанных с несырьевым экспортом.

¹⁹ <https://rdif.ru/About/>

Тем не менее официальной статистики, подтверждающей изменение уровня макроэкономических показателей, что свидетельствовало бы о положительной оценке деятельности РФПИ для российской экономики, пока нет.

Официальные результаты деятельности раскрыты только у Управляющей компании фонда – АО «УК РФПИ». Общество за вознаграждение занимается деятельностью по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами, партнерствами и негосударственными пенсионными фондами; оказывает сопутствующие основной деятельности консультационные услуги. За 2017 г. вознаграждение от фондов составило 2,8 млрд руб., выручка от консультационных услуг – 1,4 млрд руб.; при этом управленческие расходы – 3,9 млрд руб.²⁰

На 2017 г., по данным аудиторского отчета, РФПИ имела доли в следующих дочерних компаниях: Causie Investments Limited (Джерси), 100% доли владения, управляющий партнер; RC Investments Limited (Кипр), 100% доли владения, инвестиционная деятельность; RDIF Asset Management Limited (Кипр), 100% доли владения, управление активами; ООО «РФПИ Корпоративный центр» (Россия), 100% доли владения, оказание услуг по управлению и ведению бухгалтерского учета; новоявленная Amerivo Holdings Limited (Кипр), 100% доли владения, управление активами²¹.

Тем не менее в устранении финансовых кризисов страны средства РФПИ пока не участвовали. Более того, информация по использованию средств фонда (в том числе размеры вознаграждения ключевых фигур управления и выплат заработной платы) не находится в открытом доступе, что не дает возможности определить реальную эффективность управления этими средствами.

РФПИ не раскрывает информацию о вознаграждении ключевому управленческому персоналу, а также информацию об остатках соответствующей кредиторской задолженности. Не обнародуется и информация о сумме вознаграждения сотрудникам. Численность сотрудников УК РФПИ неизвестна (сервис программы «Контур» сообщает о более, чем 150 чел.). Формы МФСО, по утверждениям аудиторов, требуют раскрытия данной информации.

Структуры АО «УК РФПИ» получают вознаграждение за управление активами и оказание консультационных услуг²². Отчеты об их деятельности, характере активов, способах их управления, конечно, не предоставляются. Зачем РФПИ требуются дочерние компании на Кипре, с которым даже нет договоренностей о создании совместного фонда для инвестирования в Российскую Федерацию?

²⁰ По данным консолидированной финансовой отчетности АО «УК РФПИ» за 2017 г.

²¹ <https://rdif.ru/Rules/> (раздел «Раскрытие информации»).

²² По данным консолидированной финансовой отчетности АО «УК РФПИ» за 2017 г.

РФПИ очень тщательно относится к подбору кадров, от которых в будущем зависит экономический эффект правильного вложения средств ФНБ. В 2019 г. на услуги по подбору, оценке и развитию руководителей высшего звена фонд потратил 24 млн руб., на оказание консультационных услуг по поиску и подбору персонала – 12 млн руб.²³

Размер средств, потраченных РФПИ только на консультационные услуги, в 2019 г. составил более 100 млн руб., в 2018 г. – более 143 млн руб. Расходы на участие в различных мероприятиях, в том числе зарубежных, всевозможное членство достигли в 2019 г. более 103 млн руб., в 2018 г. – более 142 млн руб.

Может, в соответствии с размерами бюджетного финансирования РФПИ расходы на осуществление деятельности малозначительны и направлены, по мнению правительства, на привлечение к 1 руб. бюджетных средств 9 руб. частных или иностранных? Но где результат, как его отследить? В противном случае, деятельность фонда можно будет считать ничтожной и номинальной. Его работу могли выполнять иные функционирующие государственные структуры.

РФПИ не помогает создавать привлекательный образ России на мировом рынке, несмотря на активные попытки выйти из-под санкций (из-за чего РФПИ и стал суверенным фондом) и подняться на уровень остальных мировых инвестиционных фондов. Считая себя успешным и прибыльным (по словам руководителя фонда К. Дмитриева²⁴), видимо, фонд полагает, что жизнь на широкую ногу с максимальным бюджетом представительских расходов – его прерогатива. Тем временем Россию по-прежнему характеризует низкая привлекательность и «непрозрачность» для иностранных инвесторов инновационных и инвестиционных проектов развития отраслей реального сектора российской экономики. Для чего нужен очередной «прокладочный» институт развития?

* * *

Современным менеджерам не хватает опыта, стратегии, профессионализма, моральных качеств и интеллекта. Модернизация российской экономики при нынешнем менталитете российского общества и государственных инвестиционных институтах развития очень проблематична. Произойдет она только тогда, когда в качественном скачке роста экономики будут по-настоящему нуждаться государственные власти.

Сколько останется чиновников и будут ли они работать, если провести тест на отсутствие личной заинтересованности при принятии важного экономического решения без взаимовыгодных условий?

²³ <https://zakupki.kontur.ru>.

²⁴ <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2018/05/23/770510-fondi-gotovi>

Дж. Огилви

БЕЗУСЛОВНЫЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ОСНОВНОЙ ДОХОД И РАДИКАЛЬНЫЙ ПОПУЛИЗМ

Последнее десятилетие преподнесло человечеству немало социальных и экономических потрясений. Затянувшийся мировой экономический кризис выявил необходимость скорейшего осуществления коллективных и скоординированных мер по преодолению крайней нищеты, обеспечению малоимущих слоев населения достойным существованием и повышению уровня их доходов до среднестатистического минимума. Каковы же геополитические и экономические рычаги борьбы с глобальными вызовами современности, прежде всего, возможные сценарии преодоления классового и экономического неравенства, растущего расслоения общества на богатых и бедных?

В чем же мы сегодня совершенно не правы? Подумайте о том, как мы оглядываемся назад на такие практики, как рабство и колониализм, которые были весьма широко приняты в свое время, но позже были отвергнуты как оскорбление основной морали.

Что будет с нашим временем, которое станут вспоминать через столетия с большим осуждением и изумлением? Что мы считаем само собой разумеющимся, от чего отрекутся наши потомки?

Хорошо, например, всеобщее признание крайнего экономического неравенства – не столько крайнего богатства, сколько крайней нищеты. Как можно в таком богатом мире, как наш, позволить такому огромному количеству людей существовать в условиях крайней нищеты?

На самом деле мы уже на пути к искоренению бедности. Большая часть кредитов идет в Китай, где число людей, живущих в крайней нищете, сократилось на 680 млн с 1981 по 2010 гг., с 84% населения в 1980 г. до 10% в настоящее время.

Джей Огилви – доктор, профессор, член Совета директоров аналитической компании Stratfor (г. Остин, США).

Как же насчет остального мира? Л. Оиу из *PolitiFact*¹ пишет: «По данным Мирового банка, 1,9 млрд человек (37,1% населения мира) жили на менее чем на 1,90 долл. в день в 1990 г. по сравнению с прогнозируемыми 702 млн (9,6%) – в 2015 г. То есть сокращение на 74,1% за последние 25 лет».

Что нужно сделать, чтобы устранить бедность, которая остается? Если будет достаточно времени, то с этим способен справиться и рынок. Но ускорить процесс можно и по-другому, обеспечив гарантированный основной доход (*Guaranteed Basic Income*).

Прежде чем отвергнуть эту идею как излишнюю схему перераспределения, подумайте, что ее поддерживают консерваторы от М. Фридмана до Ч. Мюррея. Несмотря на то, что концепция гарантированного основного дохода пока не получила широкого распространения, она имеет давнюю историю и завоевывает приверженцев во всем мире.

Утопическое понятие

Идея восходит к утопии Т. Мора, опубликованной в 1516 г. Французский философ Н. де Кондорсе во время Французской революции предложил форму «социального страхования»... но был заключен в тюрьму и приговорен к смертной казни. Т. Пейн, политический активист и отец-основатель Соединенных Штатов, написал в 1796 г., что выплаты должны производиться «каждому человеку, богатому или бедному», «потому что это происходит вместо естественного наследования, которое, как право, принадлежит каждому человеку, сверх того имущества, которое он мог создать или унаследовать от тех, кто это сделал».

Но даже если это сбивающее с толку и, казалось бы, расточительное представление о том, что платежи должны идти как богатым, так и бедным, было легко принять, то его реализация таковой не была. Оказывается, что попытаться определить разницу между богатыми и бедными (теми, кто заслуживает платежей, а кто нет) сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Действительно, «проверка средств» требует многочисленной и дорогой бюрократии. Как пишет М. Зволински в статье, опубликованной в Институте Катона: «Чтобы обеспечить помощь достойным беднякам, а не тем, кто ее не заслуживает, создаются условия социального обеспечения. Но различать достойных и недостойных – дело трудное, требующее множества агрессивных, деморализующих и унижающих достоинство проверок интимных подробностей жизни претендентов: «Заполните эту форму, расскажите нам о том человеке, с которым Вы живете, помочи-

¹ PolitiFact – некоммерческий проект в ведении Пойнтер института (г. Санкт-Петербург, США) (Прим. редакции).

тес в эту чашку и дайте согласие на выборочные проверки Вашего дома нашими социальными работниками или еще что-нибудь». Для правых же основной доход привлекателен, прежде всего, перспективой ликвидации бюрократии государства всеобщего благосостояния и тем самым сокращения правительства.

Три волны

В течение XX в. было три заметных волны всплеска интереса к основному доходу. Первая волна стартовала рано: когда философы и авторы от Б. Рассела до В. Вульф писали об этой идее в целом, не называя ее по-настоящему. В США лозунг «разделить богатство» должен был стать центральным пунктом в предвыборной гонке Х.-П. Лонга в качестве кандидата на пост президента в 1936 г. до его убийства в 1935 г. (Проклята ли эта идея?).

После того, как первая волна интереса к базовому доходу спала, вторая волна началась в 1960-х годах. Президент США Л. Джонсон объявил «войну бедности». Правительство Канады опубликовало несколько отчетов о «гарантированном годовом доходе» в 1970-х годах. Президент Р. Никсон поддержал «отрицательный подоходный налог». В 1971 г. Палата Представителей Конгресса США приняла вариант отрицательного подоходного налога, но он провалился в Сенате набрав 10 голосов. (Проклято снова.) К тому времени, когда Р. Рейган и М. Тэтчер пришли к власти в 1980-х годах, вторая волна утихла.

Третья волна берет начало в Европе. Группа ученых и активистов, заинтересованных в идее основного дохода, создала Европейскую сеть основного дохода (Basic Income European Network), которая интернационализировалась в 2004 г. и стала Сетью базового дохода Земли (Basic Income Earth Network, BIEN). «Тем не менее, еще в 2000-х годах, – пишет К. Видерквист в статье, опубликованной в 2016 г. под названием «Третья волна основного дохода», – безусловный (универсальный) основной доход был настолько далек от политического мейнстрима, что движение больше походило на дискуссионную группу, чем на само движение». И далее: «Для людей, которые не обращали особого внимания, третья волна стала заметной в 2015 или в 2016 гг. Волонтеры в *Basic Income News* отмечали существенное увеличение внимания средств массовой информации каждый год, по крайней мере, с 2011 г.».

Решение и возможность

М. Говард, координатор американского отделения BIEN, пишет о своем опыте работы с движением на веб-сайте BIEN: «В течение этих примерно 25-ти лет я наблюдал, как основной доход от новой

идеи, обсуждаемой учеными и несколькими дальновидными активистами, в ответ на беспрецедентные изменения в нашем мире, движется к идее политики, испытываемой в Южной Африке (в ЮАР), в Бразилии, Нидерландах, Финляндии, Швейцарии, Индии и в Канаде, а также находится на радаре основных политиков в США, таких как Р. Райх и даже президент Обама».

Почему внезапно возрос интерес к идее реализации основного дохода, которая уже существовала как мы видели, так долго? Было ли снято проклятие? Ответ на этот вопрос не прост. Он многогранен, и именно в его множественности заложена интрига. Далее с сайта WIEN: «В пользу «Основного дохода» приводились многие доводы, включая свободу и равенство, эффективность и общность, совместная собственность на Землю, равное распределение благ технического прогресса, гибкость рынка труда и достоинство бедных, борьба с бесчеловечными условиями труда, с опустыниванием сельских районов и межрегиональным неравенством, жизнеспособность кооперативов и поощрение образования для взрослых, независимость от начальства, мужей и бюрократов».

К этому мы могли бы добавить лучшее воспитание детей. Подумайте о незамужней матери, которой не придется искать вторую или третью работу, а вместо этого она будет больше времени уделять своим детям.

Частично оживление текущего интереса к основному доходу, связано с тем, что мы до сих пор не знаем, какие непредсказуемые последствия могут возникнуть в результате его реализации. Будут ли люди использовать «бесплатные» деньги, чтобы курить травку и играть в видеоигры? Или же они будут использовать свою подушку безопасности для того, чтобы заниматься более рискованными профессиями в сфере искусства или в области образования? Мы просто еще не знаем, что может произойти в результате ряда испытаний, которые должны начаться.

В дополнение к нашему невежеству волнует и то, что, оживление текущего интереса к основному доходу, вызвано ощущением срочности. Такие мыслители, как И. Маск, обеспокоены тем, что достижения в области искусственного интеллекта, автоматизации и робототехники вот-вот лишат работы миллионы людей. В прошлом футурологи беспокоились о перспективах технологий, ведущих к безработице. Что люди будут делать со всем своим свободным временем? В прошлом их проблемы были неуместны; новые технологии создали новые и лучшие рабочие места. Но в этот раз И. Маск и другие озабочены тем, что машины становятся настолько умными, что простые люди могут скоро оказаться лишними.

Перспектива надвигающегося роста безработицы представляет собой проблему, для которой основной доход – это не просто экономическое решение, но и более радикальная возможность. «Основ-

ной доход – это желание охватить автоматизацию», – сказал А. Венгер, партнер венчурной компании Union Square Ventures. В эссе «Что будет, если мы просто дадим людям деньги?» Э. Флауэрс (опубликовано на портале FiveThirtyEight) сообщает: «Венгер хочет, чтобы меньше времени тратилось на задачи, решение которых может быть автоматизировано, и больше времени – на проблемы, которые, по его мнению, недостаточно решены: борьба с изменением климата, исследование космоса, предотвращение следующей глобальной пандемии. Как и сторонники основного дохода в Швейцарии, он считает, что обеспечение базовых потребностей позволит процветать инновациям. По его мнению, имея основной доход, "вы отвечаете за свое время. Вы будете распоряжаться 100% своего времени"».

Так что концепция всеобщего основного дохода – это не просто решение проблемы бедности и безработицы. Именно благодаря множеству ее обоснований и последствий, она дает перспективу радикального изменения парадигмы понимания отношения между работой, богатством и процветанием человечества. Вот что пишет Э. Флауэрс о Д. Штраубе, одном из сторонников несостоявшегося движения за получение основного дохода в Швейцарии: «Каждый, богатый или бедный, работающий или не имеющий работы, получит одинаковую сумму денег. Эта договоренность обеспечила бы продвижение к новому образу жизни: если людям больше не приходилось бы беспокоиться о том, чтобы свести концы с концами, они могли бы продолжать жизнь, так как они хотят...». «Мы слишком ограничиваем себя, – сказал Д. Штрауб. – Меня интересует сознание, расширение сознания. Основной доход – прекрасный инструмент для этого: он ставит под сомнение многие наши предположения».

Как бы ни были велики надежды Д. Штрауба на более высокий человеческий потенциал, стоит также отметить, как последствия введения основного дохода сводятся к фундаментальным основам геополитики. В упомянутом эссе Э. Флауэрс пишет о Г. Стэндинге, британском экономисте, одном из создателей концепции BIEN.

«Основной доход, – говорит Г. Стэндинг, – это больше, чем хорошая политика». Он называет это «необходимым», учитывая, что все больше людей в развитых странах живут «жизнью хронической экономической нестабильности». Он видит, что эта незащищенность подпитывает популистских политиков, усиливает ультраправые партии по всей Европе, а рост популярности Д. Трампа в условиях экономической стагнации США повышает привлекательность крайних политиков, и если эта незащищенность не будет устранена, – то, по словам Г. Стэндинга, «эта привлекательность будет только усиливаться».

Из статьи об эксперименте с основным доходом в Финляндии, опубликованной 17 декабря в газете *The New York Times*, мы узнаем: «Поиски приобрели необычайное чувство безотлагательности, по-

скольку волна реакционного популизма захлестнула весь земной шар, превратив элитный истеблишмент в главного бенефициара экономических сил, наносящих ущерб рабочим массам. Избрание американцами Д. Трампа на пост президента, который поклялся радикально ограничить торговлю, и ошеломляющее голосование в Великобритании за отказ от членства в Европейском союзе, прозвучали как экстренные сирены для мировых лидеров. Они должны либо обновить капитализм для того, чтобы разделить добычу более справедливо, либо рискнуть, наблюдая как разъяренные толпы демонтируют институты, которые поддерживали экономическую политику с конца Второй мировой войны».

В этой краткой колонке не может быть и речи о том, чтобы выяснить, как можно финансировать (универсальный) основной доход, – это совсем другая тема. Но достаточно беглого взгляда на литературу по основному доходу, а также пристального взгляда на неизбежность безработицы, вызванной развитием технологий. Так, согласно исследованию Оксфордского университета и школы Мартина, «47% рабочих мест в США «рискуют» быть автоматизированными в ближайшие двадцать лет». Это должно объяснить, почему Д. Броудхаст написала в газете *The Christian Science Monitor*: «Когда речь заходит об идеях, движущихся от периферии к политическому мейнстриму, это о тех, которые прокладывают путь к успеху».

<http://www.other-news.info/author/site-admin/>

Б. Нолан и Д. Вайстаннер

БЕЗУСЛОВНЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД И ПАНДЕМИЯ: ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ?

Пандемия коронавируса не только вызвала необходимость искать решение многочисленных срочных проблем, но и потребовала дать ответ на вопрос, каким мы хотели бы видеть мир после ее окончания. В этом контексте призывы к введению безусловного базового дохода, уже раздававшиеся до кризиса, зазвучали с новой силой, в частности, во время Всемирного экономического форума.

Похоже, что эта идея находит отклик у общественности. Как сообщает Т. Г. Эш из Оксфордского университета, опрос, проведенный в странах Европейского союза, показывает, что 71% европейцев в настоящее время поддерживает идею безусловного базового дохода (ББД). Более того, в докладе о крупномасштабном эксперименте с введением базового дохода в Финляндии отмечаются некоторые положительные результаты, улучшившие психологическое состояние и экономическое благополучие его получателей без снижения уровня занятости.

Аргументы за и против базового дохода уже были исчерпывающе изложены. Важно выяснить, какое влияние нынешний кризис может оказать на дебаты по поводу ББД и какова вероятность того, что эта идея получит реальную политическую поддержку в богатых странах.

Экономический шок

С точки зрения экономической активности и уровня занятости шок был беспрецедентным. Он стал яркой иллюстрацией уязвимости семейных доходов. И показал, что в поддержке нуждаются не только те, кто занят на нестабильных рабочих местах, но и семьи, занимаю-

Брайан Нолан – профессор, старший научный сотрудник Наффилд-колледжа Оксфордского университета (Великобритания).

Дэвид Вайстаннер – научный сотрудник, доктор наук, ассоциированный член Наффилд-колледжа (Великобритания).

щие разные позиции по шкале распределения доходов, а также то, что психологические стрессы, вызванные отсутствием гарантий стабильных доходов, ощущаются более широко, чем когда-либо.

В случае повторения подобных кризисов гарантированный базовый доход на адекватном уровне мог бы обеспечить минимальную страховочную сеть, к которой можно было бы добавлять временную чрезвычайную помощь. Если допустить эту возможность, могут ли доходы стать более уязвимыми и будет ли после пандемии потребность в гарантированном доходе более неотложной?

Пока неясно, как долго продлится восстановление экономики, но более фундаментальный вопрос заключается в том, станут ли доходы более или менее гарантированными после выхода из кризиса. Что касается занятости, то некоторые сектора продолжают испытывать его негативное воздействие в долгосрочной перспективе, а затраты отдельных фирм и правительств могут быть увеличены за счет стратегических ответных шагов с целью минимизации рисков, которые они ранее игнорировали, а теперь должны учитывать. Тем не менее восстановление глобальной сети поставок и «возвращение» экономической активности в национальные границы способны поддержать некоторые виды занятости, обеспечить сохранение процентных ставок на исторически низких уровнях, в то время как увеличение расходов на инфраструктуру станет характерной чертой долгосрочной политики.

Впечатляющим проявлением кризиса стало более острое осознание неустойчивости трудовых отношений – как теми, кто занят на эпизодических работах, так и «основными работниками» в более широком смысле. Это может вызвать импульс для повышения их заработной платы и безопасности посредством регулирования и законодательства, возможно, через ББД, но, скорее всего, в рамках существующих институтов государства всеобщего благосостояния. В то же время чрезмерный государственный долг будет восприниматься многими как препятствие для радикальных, дорогостоящих политических инициатив и, возможно, потребуются немало усилий, чтобы сопротивляться возобновлению мер жесткой экономии, которые несомненно будут предлагаться.

Политический вызов

Если экономическое обоснование решения проблемы неустойчивого дохода может меняться, политические подходы к проблеме ББД вызывают такие же споры, как и раньше. Проблемы не просто технические, они выходят за рамки поиска эпизодического большинства в поддержку ББД, отражаемого в опросах общественного мнения. Для реализации политики требуется широкая поддержка различных сторон и групп. Но поразительно, насколько различаются мнения относительно ББД даже среди сторонников государства всеобщего благосостояния.

Поддержка этой идеи высока среди молодых людей с университетским образованием, которые сами вовсе необязательно сильно пострадали от пандемии. Поскольку они материально не зависят от ББД, их мотивация (в основном идеологическая или ценностная) вытекает из идеи всеобщего права для всех без каких-либо собственных претензий к условиям работы. Вместе с тем традиционно активные сторонники государства всеобщего благосостояния, – такие, как пожилые люди с менее высоким образованием, – по-прежнему скептически относятся к ББД. Они предпочитают привычные программы перераспределения и социального страхования. Члены профсоюзов в лучшем случае прохладно относятся к ББД, и в странах с более щедрыми государственными программами социального обеспечения его поддержка меньше.

Широкие коалиции

Учитывая эти различия, даже несмотря на обилие заголовков, сообщающих о временами впечатляющей поддержке ББД общественным мнением, эта поддержка может угаснуть довольно быстро. Несомненно, в условиях нынешнего кризиса значительные слои «основных работников» смогут обеспечить свою экономическую безопасность за счет некоторых форм базового дохода. Но мы также знаем, что если люди оказываются перед вполне устраивающим их вариантом ББД, они, как правило, склоняются к более щедрым версиям. И как только появляется возможность достичь компромисса в отношении щедрости, приемлемости финансирования и связи с существующими программами социального обеспечения, тут же обнаруживается отсутствие единства в поддержке ББД и сильного политического обоснования, что показывает ограниченность поддерживаемой идею коалиции. По крайней мере, по сравнению с более глубокой поддержкой установившейся политики социального обеспечения.

История показывает, что внедрение новых программ социального обеспечения в целом зависело от формирования широких и жизнеспособных коалиций среди различных политических групп. Вряд ли когда-либо было достаточно иметь для этого поддержку только тех, кто должен стать их исключительными бенефициарами. Однако, в случае с ББД налицо недостающее одобрение тех групп, которые находятся в менее благоприятном положении и в силу этого поддерживают традиционное перераспределение. Поэтому концепция безусловного базового дохода, заслуживает, чтобы ей уделили больше внимания в условиях дискуссии, развертывающейся «сверху вниз». Как объединить обе группы – тех, кто поддерживает ББД в основном по идеологическим причинам, и тех, кто материально выиграл бы от его введения, – остается пока без ответа.

СОПРЯЖЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ И АЗИИ

Такова тема международной научной конференции, проведенной 27 февраля 2020 г. Институтом экономики РАН совместно с Фондом Конрада Аденауэра в рамках мероприятий, посвященных 90-летию Института. Ее участницы сосредоточили внимание на политическом, экономическом и региональном сотрудничестве интеграционных объединений различного типа, прежде всего, Евразийского экономического союза и Европейского союза, а также их взаимодействии с другими партнерами в поисках ответов на глобальные вызовы современности. Далее приводится сокращенная стенограмма конференции.

Евразийский экономический союз

Р. Гринберг – модератор (доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН): Почти 20 лет назад Институт Международных экономических и политических исследований РАН, еще до интеграции в Институт экономики и при поддержке Фонда Аденауэра, проводил конференцию по поводу 10-летия образования Содружества Независимых Государств (СНГ). Я недавно посмотрел брошюру, изданную по результатам этой конференции, и пришел к выводу, что просматриваются очень интересные параллели.

Сегодня практически 5 лет Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) – еще более интегрированному блоку, чем СНГ, правда, мы переживаем этап турбулентности мировой экономики и, в частности, развития ЕАЭС. В этом контексте попытки интеграционных процессов на постсоветском пространстве, идущие в русле создания единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, могут иметь новые перспективы с учетом того, что происходит в мире при растущем напряжении между Евросоюзом (ЕС) и США.

Л. Вардомский (доктор экономических наук, заведующий Центром постсоветских исследований Института экономики РАН): Свое выступление я хочу посвятить тому, как связана деятельность Евросоюза с интеграционными процессами на постсоветском пространстве.

Можно выделить три измерения этого обоюдного влияния: геополитическое, геоэкономическое и институционально-управленческое. Первое из них связано с противодействием Евросоюза постсоветским интеграционным процессам. Это явление известно и восходит к представлениям о том, что любое интеграционное образование на постсоветском пространстве – это некое воссоздание СССР, чему не хотели бы способствовать страны Запада. Отсюда линия на сдерживание России разными способами. В частности, утверждается, что не может быть интеграции на постсоветском пространстве, которая не вела бы к образованию квази-СССР.

В 1994 г., когда были заключены соглашения стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) об их ассоциации с ЕС, Россия заявила о своих особых интересах на постсоветском пространстве и продвижении проекта экономического союза в рамках СНГ.

Одновременно тогдашний президент Казахстана Н. Назарбаев выступил с идеей евразийской интеграции. В ответ на подачу заявок странами ЦВЕ на вступление в ЕС в 1994–1996 гг. был создан Таможенный союз и Союзное государство Россия – Беларусь. В феврале 2003 г. накануне первого значительного расширения ЕС руководители Белоруссии, Казахстана, Украины договорились о едином экономическом пространстве с перспективой создания Организации региональной интеграции, но «оранжевая революция» на Украине сорвала этот проект. Намерение ЕС создать Восточное партнерство совпало с проектами Белоруссии, Казахстана и России учредить Таможенный союз в 2007 г.

При этом активизация усилий ЕС по распространению своего влияния в рамках Восточного партнерства вызывала, как ни парадоксально, не только ускорение евразийских интеграционных процессов, но и одновременно геополитический раскол внутри постсоветского пространства. Однако этот раскол, как мне кажется, в экономическом плане не был выгоден для ЕС. Потому что, во-первых, он нарушал традиционные исторические связи. Население беднело, рынок скудел, возможности сбыта продукции сокращались. Во-вторых, многие эти страны сильно зависят от взаимного транзита, а транзитная проблема при меняющихся геополитических условиях резко обостряется. Вот почему в экономическом плане такое противостояние не дало никаких особых дивидендов Евросоюзу.

В этой ситуации антироссийские санкции, ставшие следствием геополитической борьбы вокруг Украины, породили острый политический конфликт, который, если не остановил проект ЕАЭС, то затруднил его становление. В определенном смысле он даже помог в достижении компромиссов между участниками проекта ЕАЭС, потому что в другой обстановке им было бы сложнее договориться по многим пунктам. В то же время очевидно, что и российские ан-

тисанкции осложнили деятельность ЕАЭС. От них особенно сильно пострадала Белоруссия, лишившаяся большей части транзитных и торговых доходов.

Модель евразийской интеграции довольно сильно отходит от европейского прототипа. Для ЕАЭС характерно, во-первых, резкое доминирование России, во-вторых, сырьевой характер экономики, в-третьих, континентальное положение стран при слабой инфраструктуре и большие межрегиональные различия внутри стран. В 2007–2009 гг. предполагалось, что ЕАЭС будет развиваться по модели ЕС, но в результате получился другой тип интеграции, в которой участвуют малонаселенные континентальные сырьевые страны. В модели ЕАЭС упор на сохранение национального суверенитета сдерживает взаимную торговлю, не препятствуя торговле с третьими странами.

За прошедшие годы удалось сблизить уровни доходов населения наиболее и наименее развитых стран – участниц ЕАЭС, интеграция укрепила их положение в мировой экономике и политике, все они улучшили свое место в ведущих мировых рейтингах, что свидетельствует в пользу эффективности ЕАЭС. В то же время слабая местная интеграция, доминирование России, слабый экономический рост, война на Украине и вовлеченность в мировую геополитику повышает риски для евразийского интеграционного процесса.

Р. Гринберг: В последнее время все чаще говорят о том, что нам надо отходить от классической схемы развития интеграционного процесса, который мы заимствовали у Евросоюза: сначала свободная торговля и Таможенный союз, потом общий рынок, потом валютный союз. Затем то, чего даже у них нет, политический союз, военный. Сейчас мы находимся в стадии Таможенного союза, который худо-бедно работает. Может, не стоит так зацикливаться на заимствовании опыта ЕС?

Л. Вардомский: В моем представлении любой интеграционный процесс проходит какой-то жизненный цикл, т.е. начальный этап, достижение зрелости, потом процессы стабилизируются, и может начаться закат, если не провести какие-то коррективы. ЕС более зрелое интеграционное объединение, чем ЕАЭС, евразийская интеграция находится на начальном этапе, а ЕС прошел уже более, чем полувековую историю и нуждается в коррективах.

Многие институты ЕАЭС, запланированные на первоначальный период, еще не созданы, Мы думали быстро реализовать стратегию развития до 2024 г., но не получается. Много неувязок, согласование требует значительно большего времени. Укрепление связей путем сохранения национального суверенитета – вот то новое, что отличает ЕАЭС от ЕС, в нем национальный суверенитет поставлен на первое место. Это сильно затрудняет интеграционный процесс, но в то же время заставляет страны задумываться о своих интересах.

Безусловно, опыт ЕС очень важен, тем более, что мир меняется. Возможно, следует вернуться к концепции большой Европы, посмотреть на нее уже иначе. Сопряжение же я рассматриваю как отказ от нулевой суммы, т.е. одна интеграция не должна развиваться в ущерб другой.

Б. Эшмент (доктор, научный сотрудник Центра восточноевропейских и международных исследований (ZOiS), г. Берлин): Заглядывать в будущее – всегда дело ненадежное. Я, прежде всего, изложу, на чем базируется мой прогноз будущего ЕАЭС. Это, с одной стороны, предыстория и амбиции Евразийского экономического союза и, с другой – реальный уровень достигнутого.

ЕАЭС – региональная организация, продвигаемая Россией. Пока что это последнее звено в цепочке объединений (Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз, Единое экономическое пространство), каждое из которых еще не достигало поставленных целей к моменту, когда делался следующий шаг. Реальный опыт и экономические показатели подтверждают, что, прежде всего, Российская Федерация как самый крупный и сильный в экономическом отношении член Союза извлекала выгоду из этих структур. Поэтому инициатива В. Путина по созданию нового, еще более взаимосвязанного союза не была встречена с энтузиазмом со стороны остальных потенциальных партнеров.

В Киргизии, официально вступившей в Союз в августе 2015 г., существовали серьезные сомнения политического и экономического характера. В итоге решение о присоединении к ЕАЭС было принято в связи с желанием улучшить положение трудовых мигрантов и со значительной российской финансовой поддержкой, оказанной для необходимой адаптации к условиям общего рынка.

Тот факт, что присоединение Армении и Киргизии, двух бедных стран с небольшими рынками, получило существенную финансовую поддержку со стороны России, свидетельствует о том, что не только экономические соображения играли роль в инициативе президента В. Путина по созданию нового Союза. Цель также заключалась в том, чтобы в условиях все более сложной геополитической ситуации как можно теснее привязать к себе союзников на территории бывшего СССР, которая все еще считается частью сферы влияния России, чтобы укрепить свои стратегические позиции, собственную власть и лучше контролировать попытки партнеров по Союзу контактировать с ЕС и/или с Китаем. При этом контакты самого ЕАЭС с этими двумя партнерами считаются желательными.

В ходе подготовки договора о ЕАЭС стало очевидно, что российские цели Союза имеют долгосрочный характер и направлены на достижение не только экономической, но и политической интеграции. Однако выяснилось, что другие страны готовы участвовать прежде всего в экономическом сотрудничестве. Поскольку Белоруссия и Казахстан со-

вместно противодействовали передаче Союзу их суверенных прав, политическая интеграция оказалась в конечном счете недостигнутой.

Ответ на вопрос, стала ли ЕАЭС успешной организацией, относится к общеизвестному: стакан наполовину полон или наполовину пуст? ЕАЭС считается наиболее развитой формой экономического сотрудничества на постсоветском пространстве. Однако тут быть лидером несложно, раз в этом регионе нет других исключительно экономических ассоциаций. Нет сомнений в том, что достигнут ряд экономических успехов. До настоящего времени государства-члены совершенно по-разному извлекали выгоду из ЕАЭС. На «выигрышной стороне» находится Киргизия, чьи трудовые мигранты в России имеют лучший правовой статус и, следовательно, лучшие шансы. Казахстан, наоборот, извлекает мало выгоды из членства в Союзе.

Несмотря на сопротивление центральноазиатских государств передаче суверенных прав, по договору ЕАЭС представляет собой функционирующую региональную организацию. Ее центральный регулирующий орган – Евразийская экономическая комиссия – обладает широкими компетенциями в области внешней торговли, корректировки стандартов и гармонизации законодательства и действительно активно работает. Других наднациональных политических органов, кроме Комиссии, нет. Легитимность ее, если не ЕАЭС в целом, неоднократно ставилась под сомнение национальными правительствами из-за решений, не соответствовавших самим положениям ЕАЭС. Но их следует считать исключениями, в большинстве случаев сотрудничество ведется должным образом.

На данный момент складывается впечатление, что, хотя Россия инициировала ЕАЭС и доминирует в нем, у Кремля нет последовательной политики в отношении этой организации, в результате чего создается ощущение, что Россия потеряла интерес к Союзу. Но трудно представить себе ЕАЭС без большей вовлеченности России.

Наконец, о перспективах ЕАЭС. Опыт показывает, что желательно укреплять институты ЕАЭС и активизировать сотрудничество, в том числе, при необходимости на политическом уровне. Однако в реальности ожидать этого не стоит из-за сопротивления центральноазиатских членов. Москва не хочет ставить под угрозу существование Союза на достигнутом уровне, поэтому не оказывает какого-либо давления и, вероятно, из-за этого в настоящее время проявляет к ЕАЭС лишь незначительный интерес. В итоге и улучшения функционирования сотрудничества ожидать не приходится.

Нельзя с уверенностью предсказать будущее, и в отношении дальнейшего развития ЕАЭС имеется много факторов неопределенности. Но можно сказать, что и в дальнейшем сотрудничество между РФ и постсоветскими государствами Евразии продолжится. Вопрос в том, как оно будет выглядеть. Вступление Узбекистана, вероятно, придаст ЕАЭС но-

вый импульс, а также вновь пробудит интерес Москвы к ЕАЭС. Если посмотреть на предысторию ЕАЭС, то вполне возможно, что Россия вскоре снова выйдет на публику с новой интеграционной инициативой. Давайте подождем и посмотрим, что покажет будущее.

Д. Ушкалова (кандидат экономических наук, заведующая Центром исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей Института экономики РАН): 5 лет прошло с начала образования ЕАЭС и 10 лет – Таможенного союза. Результаты их функционирования неоднозначны. За 10 лет объединения объемы взаимной торговли в рамках ЕАЭС фактически не изменились. Динамика по отдельным странам колеблется. Причины этого известны – провал 2015–2016 гг. Возьмем взаимную торговлю. Если сравнить показатели 2018 и 2019 гг., то увидим, что общие объемы взаимной торговли стран ЕАЭС немного сократились. Это обстоятельство указывает на определенные проблемы. На взаимную торговлю ЕАЭС влияет ряд факторов. Это состояние экономики стран-членов и динамика платежеспособного спроса на рынках Союза; спрос на энергоносители и другие товары; среднесрочные и долгосрочные последствия миграционных процессов, которые также проявлялись при становлении Союза. Еще один очень важный фактор – эффекты от снижения курса российского рубля, в том числе статистические.

Главное – динамика платежеспособного спроса в странах ЕАЭС. Говоря о мотивации к участию в нем, надо понимать, что это доступ к российскому рынку, который для некоторых из стран-участниц основной. Можно фантазировать, что Белоруссия перенаправит поставки своих основных товаров, но ее возможности существенно ограничены, поскольку она серьезно зависима от российского рынка. Именно поэтому любое снижение экономической динамики в России сказывается на миграционной мотивации в странах – членах ЕАЭС.

Для того, чтобы изменить темпы роста благосостояния граждан, необходимо добиться возникновения долгосрочных интеграционных эффектов, которые связаны с формированием единого народнохозяйственного комплекса, устойчивых координационных связей. Понятно, что это не может произойти за 2–3 года. К тому же надо принимать во внимание неблагоприятную пока экономическую конъюнктуру, на которую наложилось расширение интеграционного объединения за счет Армении. Расширение привело к снижению темпов интеграционного взаимодействия, к размыванию тех достижений, которые были получены и т.д. Поэтому замедление темпов интеграционного процесса абсолютно ожидаемо и несколько не уникально. В связи с этим, дальнейшее расширение ЕАЭС весьма спорно. В частности, присоединение Таджикистана или Узбекистана, что возможно, только повысит неоднородность этого пространства и усилит уже имеющиеся противоречия.

Что характеризует товарную структуру взаимной торговли Таможенного союза и стран – членов ЕАЭС? Доля минеральных продуктов за время существования этих организаций сократилась с 40 до 25,9%, а машинного оборудования – практически не изменилось. Несмотря на кризисные явления, в 2012–2013 гг. сохранялся достаточно большой потенциал роста. В товарной структуре экспорта России доля минеральных продуктов сократилась с 50 до 33,4%, доля машин и оборудования наоборот повысилась с 14,2 до 18,3%. Страны ЕАЭС – важнейший рынок сбыта российской продукции с высоким уровнем добавленной стоимости. На пике, в 2014 г., на этапе благоприятной макроэкономической динамики вес этой группы товаров достигал 21%, и можно ожидать, что, если Россия достигнет достаточно значимых темпов роста, то можно опять увидеть эту цифру.

Эффективность организации нельзя оценить однозначно. Важнейшим фактором ее дальнейшего развития будет макроэкономическая политика в России и странах-партнерах.

Д. Ежов (*Департамент развития интеграции Евразийской экономической комиссии*): Выступавшие говорили, что предыдущие попытки интеграции в ЕАЭС признавались unsuccessfulными, причем некоторые отделяли предыдущую историю от нынешнего Союза. В моем понимании, все, что было пройдено до сих пор, логично вело к ЕАЭС. Поэтому результаты последних лет, в частности, после 2010 г. во многих странах оцениваются как позитивные. Вместе с тем торговая сеть развита слабо, Дарья Игоревна упоминала, что результаты взаимной торговли в ЕАЭС не на таком высоком уровне (13–14%), как в ЕС, где она достигает более 40%. Здесь есть над чем работать.

Хотел бы также прокомментировать тезис Дарьи Игоревны о том, что расширение Союза ведет к его размыванию. Наверное, это не так, потому что явного размывания не последовало, а согласованные переходные периоды – для Киргизии одни, а для Армении другие – это международная практика. Всегда, когда страна вступает в то или иное интеграционное объединение, она не сразу принимает весь пакет обязательств. Новым членам были отведены разумные переходные периоды, которые в большинстве своем закончились. Сохраняются лишь позиции, особенно чувствительные для населения. По общему согласию в каких-то случаях эти переходные периоды были пролонгированы в конце прошлого года, но это не имеет существенного значения.

Утверждалось, что Россия затягивала в Союз какие-то страны. Это не так. Логика, которой руководствуются присоединяющиеся страны, вытекает из их собственных потребностей, из того, что происходит внутри страны. По такой схеме развивались события в Узбекистане, Киргизии, когда обсуждалось присоединиться или не присоединяться. В итоге всегда превалировал экономический анализ, опирающийся

ся на конкретные сферы и выявляющий плюсы единого рынка труда. На этом основании страна и принимает то или иное решение.

Ю. Павленко (*доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН*): Конференцию надо было бы назвать не «сопряжение интеграционных процессов», а «сопряжение в рамках интеграционных процессов». Было сказано, что в ЕАЭС не очень хорошо идут дела, а в ЕС опыта больше, чем у нас. Не могу согласиться. Не надо забывать о том, что у стран – членов ЕАЭС есть опыт Советского Союза, они существовали в едином государстве. В известном смысле у нас больше опыта интеграции, чем в Евросоюзе.

Что касается будущего, то надо вспомнить историю, посмотреть на карту, например, отношения с азиатскими республиками не связаны лишь с чисто текущими экономическими делами, есть общая история, география, культура. Поэтому будущее ЕАЭС во многом определяется глубинными процессами, которые требуют наряду с эмпирическим анализом еще теоретического осмысления. Роль России будет определяться ее внутренними проблемами. Во-первых, экономическим состоянием. Легко себе представить, какие у нас были бы отношения с Украиной, если наш уровень экономического развития равнялся хотя бы польскому по ВВП на душу населения. Прагматики-украинцы иначе относились бы к интеграции с Россией. Во-вторых, квалификацией политической элиты.

Наконец, последнее сопряжение связано не только с постсоветским, но и с постсоциалистическим сознанием, широко распространенным среди населения. Это касается не только России и постсоветских государств, но и наших бывших союзников по соцлагерю – экс-ГДР, Польши, Чехии. Один современный чешский философ сказал: «У нас большинство населения – анонимные коммунисты».

И. Пилипенко (*директор Института конкурентоспособности и интеграции*): Во-первых, СССР распался из-за внутренних, в том числе политических, процессов. Если взять экономическую составляющую, то республики прекрасно жили в единой экономике. РСФСР дотировала остальные республики через систему внутренних цен. В ней уровень потребления составлял 50% от уровня производства, а в остальных республиках – превышал уровень производства. Правда, в Средней Азии, конечно, ниже по объективным причинам, но все равно практически на 30–40% выше, чем производство. Поэтому распад СССР в экономическом плане дал некоторые плюсы Российской Федерации. Что же касается других республик, то они, в том числе и среднеазиатские, став независимыми государствами, столкнулись с необходимостью создавать с нуля национальные банки, налаживать торговлю и т.д.

Нет сомнения, что одним из главных инициаторов дезинтеграционных процессов на Востоке стал Евросоюз. К настоящему времени все-

го за 10 лет доля ЕС в экспорте-импорте этих республик выросла с 5 до 40–45%. Сейчас она немного снизилась за счет того, что Китай нарастил свое присутствие. Тем не менее главные преимущества получил ЕС, который замкнул торговлю бывших советских республик на себя.

Раньше, если рассматривать СЭВ в его европейском измерении, т.е. без Вьетнама, Кубы и Монголии, то западный и советский блоки были достаточно сопоставимы, причем советский блок выглядел даже мощнее и по населению, и экономически. Сейчас все поменялось и получилось так, что Евросоюз вместе с Великобританией насчитывает больше 500 млн человек, а у нас 180 млн и, естественно, совершенно иные экономические показатели.

Поэтому, рассматривая евразийскую интеграцию, надо понимать, что существующие противоречия между странами объясняются именно различием экономических интересов. Чтобы их сгладить, учесть все интересы, Россия отдала инициативу интеграционных процессов союзникам по ЕАЭС, где большинство решений принимается консенсусом. Все будет зависеть в дальнейшем только от того, насколько быстро эти страны договорятся компенсировать друг другу издержки интеграционных процессов, используя опыт и Евросоюза, и СССР.

А. Мигранян (*доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН*): Есть ли перспектива у ЕАЭС, влияют ли интеграционные процессы на экономическое развитие? Чтобы ответить на эти вопросы, обратим внимание на принятые технические регламенты. Они позволили уже сегодня существенно увеличить качество продукции, т.е. конкурентоспособность, а это крайне важная задача, которую необходимо решить на всех уровнях производства, начиная с товаров первой необходимости и завершая сложными технологическими продуктами.

Говоря о евразийской интеграции, надо понимать, что происходит довольно сложное становление интеграционного блока, в котором экономические ресурсы полностью формируются за счет Российской Федерации. Однако равноправие при принятии решений не позволяет исходить только из экономического прагматизма. Следует учитывать суверенные интересы, включая амбиции наших партнеров, поскольку это и есть ни что иное, как поиск компромисса, который требует довольно долгого согласования.

По поводу Центральной Азии. На те интеграционные процессы, которые проходят параллельно, т.е. попытки реанимировать Центрально-азиатское экономическое сообщество, китайский фактор сегодня существенно не влияет и имеет скорее имиджевый фон, нежели реальную экономическую базу.

Что касается собственно экономической интеграции, т.е. некоего эффекта взаимного дополнения пяти республик, то пока, как они не сопрягали бы свои усилия, никакого эффекта не достигнут без тре-

твей силы. Этой третьей силой будет либо Китай, либо Россия, либо Евросоюз – их влияние во всех этих странах и в целом в Центральной Азии примерно одинаковое.

Наша торговля с Туркменией имеет некоторые особенности по сравнению с другими странами региона. Важно, что интеграционные процессы в ЕАЭС развиваются довольно поступательно, о чем свидетельствуют попытки создания отраслевых общих рынков. Было бы, однако, большим заблуждением ожидать, что эти попытки сразу приведут к формированию общего финансового рынка, общего рынка электроэнергии и т.д.

Задача в том, чтобы через систему отраслевых рынков создать универсальные инструменты макрорегулирования, которые позволят привести к общему знаменателю предпринимательскую среду. В этом случае можно говорить об интеграции снизу, т.е. малого и среднего бизнеса, которая, кстати, пронизывает Евросоюз и укрепляет его вне зависимости от политической системы, и можно ожидать серьезной кооперации в выстраивании технологической цепочки.

Необходимо создавать так называемые инструменты живой торговли, т.е. осуществить переход к конкурентному ценообразованию, что позволит снять все противоречия на рынке энергоресурсов. Давайте реально относиться к существующей ситуации. Все партнеры желают получить как можно дешевле, а лучше бесплатно ресурсы Российской Федерации. В условиях рыночной экономики дотировать их, как в Советском Союзе, Россия неспособна. Поэтому переход и постепенное внедрение механизмов рыночного конкурентного ценообразования, в том числе, биржевой торговли энергоресурсами и крупными ископаемыми и ресурсами и т.д. – это и есть механизм нейтрализации политических факторов, конфликта амбиций и суверенитетов, осуществляемый Российской Федерацией и Евразийской комиссией.

Д. Ушкалова: Отвечу коллеге из Евразийской комиссии. Я не имела в виду, что присоединение Армении и Киргизии необратимо затормозило темпы интеграции, хотя ясно, что переходный период не мог не снизить их.

Интеграционные модели

Р. Махмудов (*независимый политолог, Узбекистан*): Говорить о будущем интеграционных процессов в Евразии – дело неблагодарное. Сегодня мировая экономика и политика вступили в эпоху неопределенности. В последние десятилетия после распада Советского Союза ситуация стала меняться, и мы видим на территории Евразии много мощных экономических центров – это Евросоюз, это продолжающийся рост экономики, несмотря на переход от количественного к качественному развитию, Индии, Японии, Южной Кореи.

Наличие крупных экономик в Евразии в свою очередь порождает поиск экономических стимулов роста и запуска интеграционных проектов. Г-жа Ушкалова говорила, о том, как Россия наращивает поставки товаров на территории ЕАЭС, – это один из способов интеграции для российской экономики. ЕАЭС с помощью нескольких инновационных международных проектов продемонстрировал динамику расширения, в том числе, и посредством заключения Соглашения о свободной торговле. Китайский проект «Один пояс – один путь», участниками которого стали уже 60 стран, недавно принял стратегию ЕС по конвергенции транспортных сетей Европы и Азии.

О стратегии ЕС в отношении Центральной Азии и проекте ЕС «Восточное партнерство». В нынешней ситуации в Евразии ключевым становится определение лидерства в наступающей эпохе четвертой промышленной революции. Как показывает история, лидерство в технологической революции одновременно означает лидерство в экономике, геополитике, культуре. Со времени Французской революции в конце XVIII в. промышленные революции отражали борьбу за первенство и сопровождались достаточно мощными политическими процессами, а также глобальными мировыми кризисами, такими, как Первая и Вторая мировые войны и «холодная война».

Четвертая промышленная революция в плане конкуренции ничем принципиально не отличается от тех, которые были в прошлом. Крупнейшие экономики Евразии одновременно пытаются запустить собственные технологии четвертой промышленной революции. Это – искусственный интеллект, роботизация, нанотехнологии, интернет и мобильная связь нового поколения, на базе которых будут развиваться умная экономика, сельское хозяйство. В этих условиях появится новый человек, «поколение зет», – первое поколение, выросшее именно в эпоху цифровых технологий.

Б. Хейфец (*доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН*): Выделим несколько типов трансрегиональных союзов. Во-первых, традиционное региональное интеграционное партнерство, прежде всего, Евросоюз и ЕАЭС, страны АСЕАН, зона свободной торговли СНГ, Совет сотрудничества стран Персидского залива и т.д. Во-вторых, новое трансрегиональное интеграционное партнерство – всеобъемлющие зоны свободной торговли. Уже подписаны соглашения ЕАЭС с Японией, Вьетнамом, Сингапуром, Республикой Корея, Сербией, Ираном. В-третьих, гибридное экономическое партнерство «Один пояс – один путь». В-четвертых, накопительное интеграционное партнерство (совместные проекты, экономические институты, банки, общеэкономические соглашения – по сути, накапливают предпосылки интеграции).

Трансрегиональное экономическое партнерство развивается по схеме «ВТО икс». В свое время такая схема охватывала значительное

количество сфер, по которым достигались договоренности. Приоритет в первую очередь отдавался общности экономических интересов, а не территориальной близости и наличию общих границ.

Например, согласно подписанному 1 октября 2019 г. соглашению ЕАЭС – Сингапур, в ноябре вступившему в силу, объем взаимной торговли – 53 млрд евро, услуги – 51 млрд. Практически полное открытие в течение первого года тарифов на 84% для импорта из Сингапура, а в период от 3 до 5 лет – на остальные 16%. Конечно, евразийцы не снижают пошлины на важные для внутреннего рынка товары, такие, как говядина, сыр, молочные продукты, автомобили, самолеты. Не будет применяться пошлина к таким товарам, как алкоголь, сигареты, т.е. существуют исключения. И все равно соглашение имеет важное значение, так как Сингапур – один из лидеров по организации бизнеса и очень полезный партнер.

Китайский проект «Один пояс – один путь», носит гибридный характер, поскольку, с одной стороны, он инфраструктурный, а с другой – расширяющий торговлю. В 2013–2014 гг. в него было вовлечено 30 стран, сейчас – 65, т.е., практически, это самый мощный глобальный экономический проект, инициированный одной страной. Он охватывает огромную долю мирового ВВП и организует мощную финансовую подпитку. Проект объединяет многочисленные маршруты, 6 коридоров из Азии в Европу, охватывающих очень разные регионы и сферы. Уже в 2019 г. инвестиции этого проекта в странах достигли 110 млрд долл. Объем контрактов на выполнение подрядных работ составил 750 млрд долл. Китай вместе с другими участниками проекта собирается инвестировать от 3 до 5 трлн долл. Для сравнения в рамках плана Маршала в 1948–1951 гг. США вложили в реконструкцию стран Европы 13 млрд долл.

Правда, уже проявилось много негативных аспектов, некоторые страны даже отказываются от проектов и замораживают их. Много непрозрачных проектов, не учитывающих местных условий и способствующих росту коррупции, причем там, где она и так на высоком уровне. Самая главная проблема – долговая зависимость от Китая. Ряд стран, участников проекта, таких, как Узбекистан, обращаются в международные организации с просьбой о помощи для уменьшения долгового бремени.

Растет и китайское технологическое влияние. В той же Белоруссии проводятся курсы для представителей местных компаний, и фактически многие государства евразийской интеграции ориентируются на китайский технологический потенциал. К этому надо относиться спокойно, ведь эти проекты, включая и ЕАЭС, пробные, помогающие накоплению опыта. Не надо ставить слишком конкретных целей, таких, например, как создание к 2024–2025 гг. финансового и энергетического рынков.

Очевидно, что интеграция приносит несомненную пользу. Просто надо отбирать наиболее эффективные проекты, стремиться реализовать принцип обоюдной заинтересованности. Китай, кстати, очень четко реализует этот принцип. В перспективе можно предвидеть объединение региональных интеграционных проектов. Процесс в целом позитивный, но проблем и противоречий в нем еще очень много.

А. Кузнецов (*доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, врио директора ИНИОН РАН*): Есть много форм интеграции, оправдывающих существование ЕАЭС. Преобладает распространенное в ЕС мнение, что в сфере развития торговли и услуг постсоветским странам никуда без западных держав не деться. Может быть, отчасти некорректно, но ЕС слабо осознает последствия охлаждения отношений с Россией на фоне игнорирования самого факта развития евразийской интеграции в рамках ЕАЭС, проще говоря, там часто плохо понимают, что происходит.

Выгодно ли нам сотрудничество с Арменией и Киргизией? Как известно, Армения, Киргизия и Белоруссия – крупнейшие реципиенты российских инвестиций.

Белоруссия, на мой взгляд, – ключевой участник ЕАЭС, и ее поведение служит залогом успеха евразийской интеграции. Белорусы отстаивают свои интересы на переговорах в рамках транснациональных структур. Например, в Президиуме РАН новый глава Евразийской комиссии достаточно жестко осадил российскую сторону по части проектов транспортной интеграции, которые у нас Академия наук вынашивает многие годы. Это было сделано профессионально. Показано, что российская сторона, занимаясь прожектерством скоростной железной дороги из Санкт-Петербурга на восток Белоруссии, чтобы выйти на Гамбург, не только не учитывает пассивность в этом проекте немцев и поляков, но и не просчитывает собственные выгоды и невыгоды от построенных в Ленинградской области новых портов.

Пару лет я участвовал в разных комиссиях по либерализации торговли научными услугами и помню, извините, «одобрям-с» со стороны азиатских партнеров и попытки белорусов хоть как-то этому противодействовать. Это не вызывает восторга у российских представителей в ЕАЭС, но здорово, что у России есть оппоненты, причем не выступающие против интеграционного проекта, а из всех стран ЕАЭС проводящие наиболее пророссийскую политику.

В России за последние 5 лет происходит пусть и медленный, но поворот на Восток, в сторону от Евросоюза. Уже сейчас, если брать ЕС в целом, то видно, что его доля падает одновременно с ростом доли другого объединения или группы стран. Таких, например, как США, Украина, и Швейцария. Далее Словакия, Испания, Латвия, Румыния.

Белоруссия и Армения балансируют между Россией и ЕС. Им выгодно, что ЕС не признает ЕАЭС. Это балансирование особен-

но заметно в сфере прямых иностранных инвестиций. Президент Белоруссии А. Лукашенко сказал, чтобы всегда в этом секторе было три инвестора: российский, евросоюзный и кто-то третий. Неважно кто – китайцы, иранцы, турки. Единственной страной, все годы стремившейся развивать большую Евразию – от Лиссабона до Владивостока, а теперь, оказывается, уже до Ханоя, – была Россия.

Тем не менее я не согласен с утверждением коллеги из Германии о том, что ЕАЭС – это Россия. Для ЕС китайская угроза наиболее серьезна, даже более чем для Центральной Азии. Центральная Азия для Китая – ближайший сосед и ее интеграция – просто вопрос времени. Ответ на него они пока ищут в содружестве с Россией, но думать, что «Один пояс – один путь» в силу своей благозвучности не столь опасен, как жесткие интеграционные проекты прошлого, – большая ошибка. Китай будет потихоньку вести экономическую экспансию, увеличивая долговую нагрузку. В результате получится не просто его доминирование в ряде постсоветских стран, а прямой путь до Восточной Европы и Южной Европы и проникновение внутрь Евросоюза.

Россия, несмотря на то, что статистика занижает роль ее присутствия в странах-партнерах, занимает значимое место и в Армении, и в Белоруссии, и в Киргизии. Казахстан от них отличается, потому что это одна из самых непредсказуемых в политическом плане стран, и к тому же сырьевая супердержава. Эти два фактора говорят в пользу того, что Казахстан мало заинтересован в развитии каких-то интеграционных проектов.

Можно еще долго говорить о том, что ЕАЭС – недоразвитый интеграционный проект, что он политизирован, но с каждым годом доводов в пользу его экономической рациональности все больше. Через 10–15 лет ученые придут к консенсусу, что это проект хороший и согласятся с тем, что было ошибкой отказываться его признавать. Так же было в Советском Союзе, когда в Москве не признавали Европейское экономическое сообщество. Зачем же дважды наступать на те же грабли?!

Р. Гринберг: Можно ли считать, что тектонический сдвиг в мировой торговле и поворот России на Восток и в целом от Запада, – это начало устойчивого нового тренда? Каковы интересы России в данном случае?

А. Кузнецов: Закрепление отказа от ориентирования на Запад в политике Москвы – очень опасная тенденция. Не хотелось бы, чтобы этот тренд, отчасти связанный с усилением роли азиатских стран в мировой экономике, был воспринят некоторыми политическими элитами России как оправдание каких-то внутривнутриполитических изменений. То, что я показал, связано с торговлей и инвестициями. То, что мы торгуем с Китаем или с какими-то авторитарными режимами в Азии или Африке, не значит, что происходящее у них, должно происходить в России. Проводить параллели между отношениями с торговыми партнерами и принципами экономической модели страны – весьма опасно.

Не думаю, что страны Балтии и Польша будут теснее экономически к нам привязаны при условии улучшения взаимоотношений ЕС и России. Если в этих странах проходят пронацистские марши, сносят памятники нашим солдатам-освободителям, что с ними у нас общего?

В любом случае у России сейчас не такое экономическое и политическое состояние, чтобы пытаться кого-то перетягивать из Евросоюза. Не забывайте, что все его страны – члены находятся в общем таможенном пространстве. Поэтому и для ЕАЭС возможно углубление контактов с теми или другими странами – членами ЕС, но при попытках вмешиваться в их внутренние отношения получим, в лучшем случае, вторую Украину. Кому это нужно?

Б. Хейфец: Причина расставания с Западом даже больше в том, что при нашей структуре экспорта, нам торговать нечем. Кстати, та же проблема возникает с Китаем. Сложности отношений США с Китаем и временное прекращение торгового соглашения на 200 млрд долл. должно было увеличить закупки китайцами товаров у нас, но больше 50% по-прежнему приходится на энергетические ресурсы. Весь экспорт России в Китай в 2019 г. составил 57 млрд долл., прежде всего топливно-сырьевые товары. Не забудем и о великом газовом пути из Центральной Азии, где 4 трубопровода в Китай.

Р. Махмудов: Что касается Узбекистана и стран Центральной Азии, то приходится сделать убийственный прогноз для небольших развивающихся стран: быстрое развитие цифровизации и высоких технологий может лишить их главного нынешнего преимущества, в свое время обеспечившего бурное развитие Японии и Китая, – дешевой рабочей силы. Сегодня Узбекистан продолжает рассчитывать на дешевую рабочую силу, но при обсуждении перспектив вступления в ЕАЭС важно понять, что Союз и непосредственно Россия могут дать для развития современных технологий, поскольку мы сможем не только на ближайшее будущее, но и в 2030 г.

В. Белов (*кандидат экономических наук, заместитель директора Института Европы РАН*): До 1990-х годов существовали и конкурировали две разные модели интеграции. Социалистическая – сверху вниз, и западная – снизу вверх. В 1990 г. был упущен шанс перевести социальную интеграцию на уровень хозяйствующих субъектов. Напомню, что наиболее заинтересованные в интеграции субъекты – это частные компании, в том числе и в ФРГ. Бизнес продвигает идею цифровизации таможи, документооборот при всех недостатках хорошо работает, и хозяйствующие субъекты фактически становятся движущей силой интеграции снизу. В пространстве от Лиссабона до Камчатки возникает реальная связь между регионами, которые сотрудничают и конкурируют.

По поводу четвертой промышленной революции. Понятно, что это философия нового мира, ее суть – автономизация процессов принятия решений на основе киберфизических систем. Датчики посыла-

ют информацию в центры, которые рассчитывают варианты, и система независимо от оператора принимает решения. Уже 3 года действует германо-российская инициатива «дигитализации», где немцы, спасибо им, продвигают свои интересы через виртуальных двойников. Есть смысл посмотреть на модель будущей интеграции на уровне хозяйствующих субъектов, которые ждут начала диалога между Евросоюзом и Евразийским союзом. Бизнесу нужны четкие правила игры и минимизация издержек при движении своих товаров и услуг.

Пока Брюссель молчит, бизнес потихонечку продвигает модель интеграции. По поводу цифровых двойников, я не согласен, что это только для богатых стран. Интернет – это программное обеспечение, это проблема защиты соответствующих программных продуктов, а у нас здесь неплохие позиции. При закупке товара в любой точке мира на первый план выступает логистика, и ее базовые принципы никто не отменял. Логистические аспекты на уровне бизнеса – еще один маленький ручеек, который будет пробивать себе дорогу на уровне конкретных частных компаний.

И. Пилипенко: Первый момент – в продолжение дискуссии о развитии бывших союзных республик в сравнении с 1990–1991 гг. Интересно, что те из них, которые ориентировались в основном на Запад, не достигли уровня 1998 г. В Молдавии он составляет 96%, на Украине – 52%, а промпроизводство – только треть от уровня 1990 г.

Второй момент – странам ЕАЭС было бы полезно перенять опыт у Евросоюза, как организовать инвестиционный процесс между странами не через криптореформы и финансирование, которые политики могут замалчивать, а через открытые формы. Одна из них – активная инвестиционная деятельность международных банков развития.

Третий момент – финансирование. После введения санкций в 2015–2016 гг. предприниматели из банковского сектора и руководители наших госкорпораций, например, сразу ощутили их влияние, поскольку нечем было финансировать проекты. ВЭБ начал обращаться за помощью к Госбанку развития Китая, т.е. зависимость от китайских инвестиций в банковской сфере РФ и в институтах развития растет.

Четвертый момент – роль государства в проведении региональной политики. У нас продвигается концепция больших агломераций, согласно которой все население должно сконцентрироваться в нескольких десятках городов. В Евросоюзе же проводится прямо противоположная политика. Там стремятся к тому, чтобы базовый уровень жизни на всей территории объединения оставался единым, с равными возможностями. Здесь имеются большие перспективы сотрудничества и точки сопряжения ЕАЭС и ЕС.

Б. Шмелев (доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором Института экономики РАН): Название нашей конференции «Сопряжение интеграционных процессов в Ев-

ропе и Азии» звучит красиво, но что это такое, никто не знает. Вызов интеграционного процесса на постсоветском пространстве – это обсуждение рисков, угрожающих интеграционным связям между ЕАЭС и ЕС. Здесь много о них говорилось, но я хотел бы выделить еще один фактор, который может стать ключевым для будущего этих процессов.

Наша коллега из Германии отметила, что в Казахстане сейчас идут сложные политические процессы, связанные со сменой поколений, что может привести к нежелательным последствиям и для инвестиционных процессов. Но еще более опасные процессы, идентичные происходящим на Украине, сейчас набирают силу в Белоруссии. Они могут иметь катастрофические последствия. В Белоруссии идет подготовка к президентским выборам. Кроме, естественно, самого А. Лукашенко, претендуют представители еще пяти крупных партий, которые идут под лозунгом «Нет интеграции с Россией. Вступление в ЕС и НАТО».

Пусть данные партии сегодня отражают интересы далеко не всего общества. Но это, прежде всего, белорусская молодежь, которая совершенно по-другому оценивает перспективы интеграционных процессов в России и вообще на постсоветском пространстве, ориентируясь на сотрудничество с Западом. Все социологические выкладки показывают, что доля такой молодежи в последние годы только увеличивается. Безусловно, на предстоящих президентских выборах А. Лукашенко победит, но перспектива ближайших 10 лет настораживает.

Этот фактор также важен при анализе перспектив интеграционных процессов на Евразийском континенте. Что здесь может сделать Россия? Один из центральных вопросов в этой связи, обсуждавшийся и сейчас, и ранее, в частности, в прошлом году, когда к нам приезжал Госсекретарь Союзного государства Григорий Рапота: может ли Россия выступать в качестве драйвера экономического и социального развития стран-членов. В принципе, может и должна, но с учетом ее экономического положения, практически решить такую задачу она не в состоянии.

Это, естественно, толкает наши страны к развитию отношений с Китаем, либо с другими странами. В результате позиции России как главного интеграционного фактора ослабевают. Это тоже мощный вызов развитию интеграции на Евразийском континенте, который будет сказываться на положении дел.

Руслан Семенович сказал, что он пессимист в отношении интеграции, будущего ЕАЭС. Прошло 5 лет, как этот процесс был запущен, но сегодня выясняется масса проблем, связанных с ним. Его эволюция большой радости и оптимизма не вселяет. Я тоже весьма пессимистично оцениваю будущее этого проекта и вижу возможности его реализации только, если он будет включен в какие-то более объемные мегатренды интеграционных процессов на Евразийском континенте. Если удастся как-то увязать его с китайской программой, тогда может что-то получится, иначе все будет рассыпаться.

Р. Гринберг: Состоялось замечательное обсуждение, чрезвычайно полезное для дальнейших размышлений. Нужно думать о более тесном сотрудничестве ученых-специалистов в ЕАЭС и в ЕС, а также о приглашении специалистов из Китая.

О перспективах Евразийского союза должен сказать следующее. Это проклятье, когда на Россию приходится 80–85% всего экономического потенциала, что в моем представлении делает практически невозможной классическую интеграцию. Поэтому обращать внимание на то, что делалось в Евросоюзе и перенимать эти институты уже не актуально. Будет преобладать зона свободной торговли с различными изъятиями и с этим надо смириться. Конечно, от поведения России многое будет зависеть: сможет ли она быть привлекательным драйвером в общей интеграции. К тому же, мне кажется, интерес к ней сейчас в нашем «правящем доме» потерян, но влиять мы обязаны и лучше мягкой силой, хотя, может быть, надо смириться с тем, что не получится интеграционной группировки типа Евросоюза.

Далее, мы живем в такое время, когда, как упомянул Рустам Махмудов, слава Богу, война всех против всех в основном носит «холодный характер», и интеграционные и какие-то региональные группировки будут развиваться и распадаться, как примерно наши отношения с Турцией или с Белоруссией. Сегодня они вроде хорошие, а завтра плохие, потом опять хорошие и так, наверное, будет продолжаться.

Не вижу никакой альтернативы нашему сотрудничеству с Евросоюзом. Мне как-то довелось беседовать с Президентом ФРГ Франком-Вальтером Штайнмайером, и мы пришли к выводу, что действительно для того, чтобы сохраниться в качестве третьего мощного игрока, пусть с плохой демографией, но с хорошим сырьевым и промышленным потенциалом, у нас нет никакой альтернативы. В этом смысле следует побыстрее заканчивать ссору с Западом вообще и с Евросоюзом в частности. Здесь политика играет решающую роль, но поскольку экономика – необходимый инструмент политики, обеспечивающий ее финансирование, стоит подумать об экономических основах примирения.

Без решения донбасской проблемы это не произойдет. Сегодня у меня пессимистическое настроение. В Брюсселе, беседуя с разными руководителями Евросоюза, я сформулировал такой вариант: с Крымом им надо как-то смириться. Может быть, впоследствии провести новый референдум под эгидой ООН, но им придется смириться с тем, что Крым потерян для Запада. Они не хотят соглашаться, хотя другое трудно себе представить, и утверждают, что для них принципы важнее всего. Здесь тупиковая ситуация и, по-моему, формула бывшей Западной Германии «Изменение через сотрудничество» вновь становится актуальной.

Б. Исламов, Д. Исламов, С. Примова

РОЛЬ И МЕСТО УЗБЕКИСТАНА В РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

Китайский проект «Один пояс – один путь» уже связывает более 60 стран Азии, Европы и Африки и в силу масштабности открывает большие перспективы для участников, хотя и таит в себе вероятность потенциальных неожиданных рисков. Как же он влияет на развитие транспортной инфраструктуры, торговли, туризма, инвестиций, в целом интеграции Республики Узбекистан в мировое хозяйство?

Новые возможности

Современные условия глобализации требуют поиска новых форм и эффективных методов межгосударственного и межрегионального сотрудничества. Крупный проект Китая «Один пояс – один путь» (ОПОП) стал актуальным инструментом развития международных экономических, политических, торговых и культурных отношений. ОПОП – это не международная организация и даже не мегастратегия, а глобальный процесс, не имеющий ограничений в пространстве и времени. Его главная цель – построение новой мировой транспортной инфраструктуры как основы экономической экспансии китайского капитала¹.

Международные транспортные коридоры (МТК) играют в Узбекистане важную роль. Республика не имеет выхода к морю и окружена странами (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Афгани-

Бахтиёр Анварович Исламов – доктор экономических наук, профессор Ташкентского филиала РЭУ имени Г. В. Плеханова (г. Ташкент).

Дониёр Бахтиёрович Исламов – директор RB Asia (г. Ташкент).

Ситора Абдумурод кизи Примова – магистр экономики Университета мировой экономики и дипломатии (г. Ташкент).

¹ Луконин С. А. Экономический пояс Шелкового пути: риски и возможности для России. Международная торговля и торговая политика. 2015. С.19.

стан), у которых также нет прямого выхода к океану (double landlocked country). Географическое расположение практически в самом центре Евразии, вдали от морских портов, обуславливает необходимость интенсивного развития подземных, наземных и воздушных транспортных коридоров, соединяющих Узбекистан с мировыми рынками. В этой связи реализация проекта «Один пояс – один путь» создает новые возможности для развития транспортной инфраструктуры и внешнеторговых отношений. Узбекистан с самого начала поддержал инициативу масштабного проекта, который открывает серьезные возможности для реализации приоритетных стратегических задач государства².

Различные аспекты исследуемой темы в последние годы привлекают пристальное внимание многих отечественных и зарубежных авторов³. Большинство из них соглашается, что это один из лучших мегапроектов на глобальном уровне, однако некоторые при этом отмечают его риски и возможные негативные моменты для стран, вовлеченных в него, из-за его огромных масштабов⁴.

Исторически концепция «Шелкового пути» ориентирована не только на торговую повестку. С давних времен по территории современного Узбекистана пролегал Великий шелковый путь, где пересекались многочисленные торговые маршруты, происходил интенсивный обмен между различными культурами. В древнекитайской литературе часто упоминались города Ташкент, Самарканд, Бухара и Хива, внесшие достойный вклад в развитие мировой цивилизации. Невозможно переоценить роль Великого шелкового пути как международной транспортной артерии древности, связывавшей Китай, Индию и страны Центральной Азии, Среднего и Ближнего Востока, Средиземноморья.

Он не только поддерживал развитие торговых связей, но и тысячелетиями содействовал обмену информацией между древними государствами и регионами, распространению новых видов продукции и сельскохозяйственных культур, взаимообогащению культур народов и тем самым выступал важным механизмом межкультурного диалога. Это также способствовало развитию и быстрому обмену новыми технологиями и новациями (производство шелка, фарфора, пороха, бумаги и многого другого)⁵.

² Мирзиёев Ш. М. Выступление на международном форуме «Один пояс, один путь» // Правда Востока. 27 апр. 2019.

³ Вардомский Л. Б., Тураева М. О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов». М.: Институт экономики РАН, 2018.

⁴ Аубакирова А., Умирзаков С., Айтенов Н. Новый Шелковый путь: угрозы и возможности для Центральной Азии. // Центральная Азия и Кавказ. Выпуск 4. 2017. С. 7.

⁵ Норов В. Сборник Шанхайской академии общественных наук. 2017. С. 5 (<https://www.sass.org.cn/>).

В XVI-XIX вв. морской путь стал главным видом развития международных транспортных отношений и торговли. Это и привело к исчезновению Великого Шелкового пути, и практически к ликвидации торгово-культурных контактов между народами, проживавшими вдоль его маршрута. В XX в. Россия сыграла значительную роль в возобновлении евразийской наземной транспортной инфраструктуры и континентальных торговых путей и культурных взаимодействий между странами Европы и Азии. Проложив на своей территории такие железные дороги, как ТранСиб, ТуркСиб, БАМ, она вновь дала выход народам Центральной Азии к портам не только Атлантического, но и Тихого океана, возможность стать неотъемлемой частью континентальной транспортной системы. В XXI в. в возрождении Шелкового пути, как и в древние времена, ключевую роль может сыграть Китай⁶. Концепция «Нового Шелкового пути» ориентирована не только на торговлю, но и на инвестиции.

Отношения между Узбекистаном и Китаем, имеющие сильные корни на протяжении 2000 лет⁷, сегодня вышли на новый уровень. Китай – один из самых крупных торговых и инвестиционных партнеров Узбекистана и других стран Центральной Азии. По статистическим данным, в 1992 г. совокупный товарооборот КНР с пятью странами региона (Казахстаном, Узбекистаном, Туркменистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном) составлял около 0,5 млрд долл. В 2012 г., спустя 20 лет, этот показатель, по данным Министерства коммерции КНР, вырос до рекордных 46 млрд долл., увеличившись в 100 раз⁸. По итогам прошлого года товарооборот между Узбекистаном и Китаем достиг 6,42 млрд долл., показав рост на 35%⁹.

На территории страны действует 1121 предприятие с участием китайских инвестиций, из них в 2018 г. создано 344 предприятия, что более чем вдвое превышает показатель 2017 г. Китай вложил в Узбекистан свыше 8 млрд долл. инвестиций, которые направлены помимо экономических и в различные социальные проекты, связанные с развитием сферы быта и благоустройства, борьбой с бедностью и укреплением системы здравоохранения¹⁰. Финансовый капитал ОПОП

⁶ Норов. В. Указ. соч.

⁷ Ерохин Х. Л. Trade between China and the countries of Central and North Asia: dynamics, structure, and major tendencies. Сборник материалов международной научно-практической конференции: «Сотрудничество Китая и России в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Центр исследования России Харбинского инженерного университета. Харбин. 2017 г. С. 117.

⁸ <https://www.stat.uz/ru>

⁹ <https://mift.uz/ru>

¹⁰ Бобохонов А. Для Узбекистана важны финансовые возможности проекта «Один пояс, один путь» (<https://podrobno.uz/cat/economic/abbos-bobokhonov-dlya-uzbekistanavazhny-finansovye-vozmozhnosti-proekta-odin-poyas-odin-put/>).

вложен в порядка 900 различных инфраструктурных объектов (автомобильные и железные дороги, порты, электростанции, мосты и т.д.) в более чем 60 странах Азии, Европы и Африки. Общая сумма затрат по оценкам экспертов, составляет 2–3,5 трлн долл.¹¹. Сегодня инициатива ОПОП поддерживается международными организациями, включена в документы ООН, G20, АТЭС и др. Этот проект день за днем обретает глобальный характер. Готова ли экономика Узбекистана конкурировать на более высоком уровне с большим потоком импорта? Какова роль страны в проекте «Один пояс – один путь»?

Сегодня в республике реализуется множество крупных отраслевых инвестиционных проектов: строительство и реконструкция железных и автомобильных дорог, аэропортов. Развивается инфраструктура свободных экономических зон и системы транспортно-логистических центров для формирования цельной системы внутренних и международных транспортных коридоров с целью более эффективного участия в международном разделении труда за счет оптимизации и удешевления транспортировки грузов, соответственно, снижения транспортных издержек.

В настоящее время в Узбекистане самая высокая плотность сетей автомобильных дорог в Центральной Азии и целостная система железнодорожных узлов, соединяющих все регионы страны. С началом работы международного аэропорта в г. Навои этот авиационный хаб стал крупнейшим центром воздушных грузоперевозок, предлагающим комплексные логистические услуги для воздушных, автомобильных и железнодорожных перевозок грузов. На базе аэропорта создан международный мультимодальный центр логистики, который объединяет грузовые авиаперевозки в Европу, Индию, Китай, Японию, Южную Корею и страны Юго-Восточной Азии.

Позиция Узбекистана в международном рейтинге эффективности логистики (Logistics Performance Index, LPI) за последние годы значительно улучшилась, но пока республика находится на 99 месте. Ускорение ее интеграции в систему международных транспортных коридоров, реализация транзитного и экспортно-импортных потенциалов требуют дальнейшего совершенствования всех имеющихся видов транспорта. Наряду с использованием традиционных путей (Транс-Сиб, ТуркСиб, БАМ), формированием МТК Азиатская часть России – Казахстан – Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман – Индия и строительством железной дороги Узбекистан – Кыргызстан – КНР могут в перспективе стать важными новыми звеньями ОПОП.

Развитие транспорта – это не только расширение сети путей сообщения, связывающих в единое целое отдельные страны, центры и регионы мирового хозяйства, но и создание все более широкой гаммы пере-

¹¹ Colloquium-journal. 2019. С. 14.

возочных средств, рассчитанных на дифференцирующиеся требования к перевозкам – их стоимости, скорости, надежности, экономичности, безопасности, комфортности. Технический прогресс на транспорте позволяет «сжать» пространство, понизить его экономическое «трение»¹².

Совершенствование международных транспортных коридоров – одна из важнейших приоритетных задач Узбекистана. Строительство железной дороги Узбекистан – Кыргызстан – Китай – важная часть ОПОП. В конечном счете, Узбекистан получит прямой выход к Китаю и Среднему Востоку. Время перевозки грузов сократится на 5–6 суток¹³. Это позволит в первую очередь улучшить торговые отношения, откроет новые рынки для Узбекистана и для остальных участников проекта, создаст новые рабочие места, принесет прибыль от транзита и привлечет туристов. Реконструкция новых автомобильных дорог, в том числе создание коридора «Андижан – Ош – Иркештам – Кашгар» служит еще одним доказательством перспективности проекта. Важную роль играет строительство железной дороги «Мазари – Шариф – Кабул – Пешавар», открывающей пути к южным портам. В перспективе проект может проложить дорогу в Индию, на данный момент уже заложена автодорога между Мазари – Шарифом и Кабулом.

ОПОП позволит расширить сети взаимосвязанности, которые наряду с развитием международных транспортных коридоров будут включать морские маршруты и скоростные шоссе. Возможность выхода к морю стала долгожданной важной мотивацией для развития торговых отношений Узбекистана.

Сферы сотрудничества

Безопасность региона и мирная торговля. Приверженность Узбекистана принципу неделимости безопасности подразумевает безопасность Афганистана как залог стабильности и процветания всего обширного региона Центральной и Южной Азии. Продолжительные конфликты и политическая нестабильность в Афганистане серьезно повлияли на ухудшение положения в различных сферах, в частности, экономики. Так, по данным Мирового банка, общий уровень бедности в городских условиях составляет 39%, а в сельской местности – до 46%. ВВП Афганистана на душу населения равен всего лишь 590 долл., что делает его самой бедной страной в регионе¹⁴.

Одним из ключевых путей стабилизации конфликтных процессов в Афганистане может стать интеграция страны в мировое хозяйство.

¹² Вардомский Л. Б., Тураева М. О. Указ. соч. С. 6.

¹³ Арипов Э. Т. «Один пояс, один путь»: Мега-возможности – мега-проект» // Народное слово. 2019. №144. С. 7.

¹⁴ <https://www.worldbank.org/>

Транспортные проекты, проходящие через территорию Афганистана и включенные в проект ОПОП, послужили бы серьезным стимулом для стабилизации обстановки в стране. Проект откроет многообещающие возможности в общих интересах, поскольку новые коммуникации объединят соседей Афганистана, у них появятся общие экономические цели. Учитывая масштабность проекта, прогнозы его развития и ожидаемой прибыли носят только положительный характер. Предполагается, что отношения всех участников противоборства будут взаимовыгодными, если его субъекты согласятся с тем, что торговля в мирных условиях принесет хорошую прибыль, в отличие от войны. Это послужит ключевым решением регионально важной стратегической задачи безопасности в Центральной Азии.

Инвестиции. Последние тенденции узбекско-китайских отношений, активно развивающихся по всем направлениям (включая торговлю, экономику, энергетику, инвестиции, технологии, культурно-гуманитарную сферу), позволят активно привлечь прямых иностранных инвесторов в рамках проекта ОПОП. Благодаря географической позиции проекты китайской инициативы «Один пояс – один путь», реализующиеся в Узбекистане, дадут возможность активизировать инвестиционный поток. Так, для республики особое значение приобретает дальнейшее развитие специальных экономических зон (СЭЗ) «Навои», «Ангрен», «Джизак», на территории которых успешно действуют китайские инвесторы.

Сотрудничество в рамках этих СЭЗ создает предпосылки для дальнейшего углубления двусторонних отношений, придает динамизм торгово-экономическим связям между Узбекистаном и Китаем, а также формирует условия для совместного выхода на рынки третьих стран. Индустриальный парк «Пэншэн» в Джизаке сегодня стал одним из успешных в Узбекистане при прямом участии китайского частного бизнеса¹⁵.

Развитие инноваций и науки. Неотъемлемое условие для всестороннего развития стран – внедрение инноваций и совершенствование научно-технического потенциала. В связи с этим Президент Республики Узбекистана предлагает создать комплексную систему партнерства ОПОП по приоритетным направлениям научной и инновационной деятельности. Для развития науки и инноваций требуется порядочный объем финансов, что актуально и для развитых стран. Проект ОПОП дает уникальную возможность объединения средств и ускорения научно-технического прогресса, также для внедрения китайского опыта и создания различных видов СЭЗ в Узбекистане.

Преимущество такого сотрудничества проявляется и при обмене научными кадрами, и в повышении квалификации узбекских специа-

¹⁵ Бобохонов А. Указ. соч.

листов. На сегодня Китай начал реализацию Плана действий сотрудничества в области науки, технологий и инноваций в рамках проекта ОПОП. Совместно с участниками проекта планируется продвижение четырех крупных инициатив: научно-технический и гуманитарный обмен; создание совместных лабораторий; сотрудничество в создании технопарков; трансферт технологий¹⁶.

Развитие туризма. Еще одно стратегическое преимущество проекта ОПОП – развитие туризма Республики Узбекистан. В проект включены более 60 стран и еще 120 государств подали заявки на участие, такая тенденция создает уникальную возможность для привлечения туристов и улучшения международного имиджа Узбекистана. Страна обладает высоким потенциалом для развития туризма, в республике насчитывается свыше 7,4 тыс. объектов культурного наследия, из них 209 включены в список ЮНЕСКО. Имеется 11 национальных природных парков и государственных заповедников, 12 заказников, 106 музеев и новых современных отелей отвечающих международным стандартам, усовершенствованная строительная архитектура новых зданий, улиц и других объектов которые готовы встретить иностранных гостей¹⁷.

Потенциальные риски проекта. Кроме перечисленных мегавозможностей, по мнению ряда экспертов, масштабный проект влечет и потенциальные риски. Дело в том, что ОПОП подразумевает не только взаимовыгодность, но и одновременно взаимозависимость. Если финансовые проблемы начнутся у Китая, это скажется и на мировой экономике в целом. Как глобальный инфраструктурный проект, ОПОП трансформирует риск банковской системы Китая на глобальную банковскую систему в целом. Один из каналов такой трансформации – выдача кредитов властям в странах с большим риском инвестирования в инфраструктурные проекты¹⁸.

Риск, в частности, для Узбекистана, связан с недостаточной прозрачностью политики стран – участниц ОПОП и высокими показателями уровня коррупции, что может послужить препятствием в организации и реализации а также в транзитных операциях крупных проектов масштабного значения. Для сохранения безопасности необходимо учитывать степень политической устойчивости Среднего и Ближнего Востока, где риски возникают из-за терроризма, разности интересов и подходов, порой из-за непримиримых противоречий при «ведении игры» крупными государствами на этой территории¹⁹.

¹⁶ Арипов Э. Указ. соч.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Один пояс – один путь может стать угрозой для Китая. 2017 (<https://www.vestifinance.ru/articles/90065>).

¹⁹ Абрамкина М. С. Политические риски китайского проекта «Один пояс, один путь» // Экономические отношения. 2018. Том 8. № 3. С. 439.

Потенциальный риск проекта вызван и неконкурентоспособностью отечественного рынка при масштабных торговых отношениях. После реконструкции железной дороги из Китая через Кыргызстан в Узбекистан и дальше в Европу и на Ближний Восток ожидается огромный поток не только транзита, но и импорта из Китая, который может стать серьезной угрозой для формирующегося отечественного среднего и малого бизнеса²⁰. Готов ли узбекский рынок к такой конкуренции при преобладании китайских товаров – и по качеству, и по цене? Сейчас отечественные производители не испытывают такой конкуренции со стороны китайских товаров, но, когда откроют дорогу, импорт товаров вырастет кратно, и местные производители должны быть готовы к этому. Однако не стоит забывать, что конкуренция – это рычаг развития, и формирующемуся рынку Узбекистана надо этим непременно воспользоваться. В противном случае такая декомпозиция может нанести серьезный ущерб.

* * *

Глобальная инициатива Китая «Один пояс – один путь» уже связывает десятки стран Азии, Европы и Африки с населением 4,4 млрд человек и имеет огромную перспективу для преобразования транспортной инфраструктуры стран-участниц, одновременно развивая международную торговлю и интеграцию. При этом важно умело сочетать развитие отношений по традиционным маршрутам с новыми возможностями мегапроекта ОПОП.

Перспективы проекта преобладают над потенциальными рисками с негативными последствиями. На сегодня они изучены довольно плохо, но очевидно, что политические и экономические риски – одни из самых сложных и трудно прогнозируемых при реализации данной стратегии. Новый проект задает принципиально новый уровень развития торгово-экономических, финансово-инвестиционных, научно-технических, туристских отношений и даже стратегической региональной безопасности государства.

Вместе с тем необходимо быть готовым к более жесткой конкуренции. В связи с этим Узбекистану следует оперативно начать стимулировать программу повышения качества товаров и услуг местных производителей путем предоставления льготных кредитов для обновления технической базы, а также посредством различных консультаций и услуг по улучшению уровня маркетинга, ведения менеджмента и т.д.

²⁰ Эргашев Б. О преимуществах и рисках для ЦАпроекта «Один пояс–один путь» (<https://uz.sputniknews.ru/analytics/20190503/11407547/Bakhtir-Ergashev-v-proekte-OPOP-dlya-stran-TsA-vazhny-natsionalnye-interesy.html>).

Я. Младек

30 ЛЕТ СПУСТЯ: КАК ВЫШЕГРАДСКАЯ ЧЕТВЕРКА ПРЕУСПЕЛА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ТРАНЗИТЕ

В феврале 2021 г. исполняется 30 лет с момента образования Вышеградской группы – неформального регионального объединения четырех восточно- и центрально-европейских стран – Чехии, Словакии, Венгрии и Польши. Какую трансформацию прошла за это время Вышеградская четверка, каковы ее отношения с ближайшими соседями и крупнейшими мировыми державами, какое место занимает в Евросоюзе, какова ее роль в принятии ключевых решений в рамках европейской политики, а также перспективы развития?

Вышеградская группа

Первая Вышеградская группа была образована по решению трех королей на встрече в венгерском городе Вышеград (45 км к северу от Будапешта) в 1335 г. Венгерский король Карл I Роберт, чешский король Иоанн Люксембургский и польский король Казимир III Великий рассчитывали на тесное сотрудничество в политике и торговле и на вечную дружбу.

Этот шаг вдохновил государственных деятелей трех стран Центральной Европы через 656 лет выступить с аналогичной инициативой. Современная Вышеградская тройка создана 15 февраля 1991 г. на встрече премьер-министра Венгрии Й. Анталла, президента Чехословакии В. Гавела и президента Польши Л. Валенсы в Вышеграде. Ее основная цель – договоренность о сотрудничестве при вступлении в Европейский союз. Когда членство в ЕС было достигнуто, оказалось, что инициатива не утратила смысл. После разделения Чехословакии 1 января 1993 г. участников стало четверо: Чехия, Словакия, Венгрия и Польша, т.е. образовалась Вышеградская четверка (V4).

Ян Младек – политик, министр промышленности и торговли Чешской Республики (2014–2017 гг.), депутат парламента страны с 2013 г. (г. Прага).

Еще 21 декабря 1992 г. ее членами в Кракове было подписано и вступило в силу 1 марта 1993 г. Соглашение о зоне свободной торговли (СЕФТА). С 1997 г. отменены таможенные пошлины на всю промышленную продукцию, а с 1998 г. – и на сельскохозяйственную. По сути, это соглашение стало подготовкой к членству в ЕС, где внутренняя торговля освобождена от таможенного обложения. Страны – члены СЕФТА сняли торговые барьеры во взаимной торговле задолго до вступления в ЕС. Позже к ним присоединились Румыния, Болгария, Молдова и бывшая Югославия. Однако страны V4 в 2004 г. вышли из Соглашения, поскольку членство в Евросоюзе, включающем и зону свободной торговли, несовместимо с членством в СЕФТА. Эта группа существует до сих пор в составе стран бывшей Югославии, которые пока не вступили в ЕС, и Молдовы.

Предполагалось, что Вышеградская группа исчезнет после вступления в ЕС, поскольку ее существование утратит смысл. Однако и по сей день она функционирует как полуформальная организация из 4 стран Центральной Европы для продвижения своих интересов в рамках ЕС. Основой этого сотрудничества служат взаимные контакты на всех уровнях: от политических саммитов, экспертных и дипломатических встреч до деятельности неправительственных ассоциаций в регионах, аналитических центров и исследовательских органов, учреждений культуры.

Полуформальной организация считается, поскольку групповых институтов фактически не существует, и политика координируется на постоянной основе в ходе переговоров различных уровней в рамках ЕС. Из официальных учреждений функционирует только Международный Вышеградский фонд¹, созданный 9 июня 2000 г. и имеющий штаб-квартиру в Братиславе. Его миссия – поддерживать развитие более тесного сотрудничества и укреплять взаимоотношения между странами V4. Фонд оказывает финансовую поддержку проектам в следующих областях: культура, наука и исследования, образование, молодежные обмены, развитие туризма и трансграничное сотрудничество.

Таким образом, V4 представляет собой региональное лобби группы стран в рамках ЕС. Именно поэтому большинство встреч министров, заместителей министров, экспертных групп проходит в Брюсселе или в других местах, где встречаются представители ЕС. V4 обычно собирается накануне перед встречей ЕС-27, где она стремится скоординировать позиции стран-участниц для достижения общих целей. Практикуются и самостоятельные встречи представителей V4 на разных уровнях, но они происходят реже, чем встречи в рамках ЕС.

¹ <https://www.mwsl.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/mezhdunarodnyj-vyshegradskij-fond>

Польша – наиболее амбициозная страна в Вышеградской группе, поскольку превосходит остальных по численности населения и ВВП. Это наглядно проявляется в дебатах о возможном расширении V4. Польша, например, пытается продвинуть проект «Триморье» (Trójmorze)²: объединение 12 государств ЕС (Австрия, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония). Территория стран-участниц имеет выход к Адриатическому, Балтийскому и Черному морям. Цель организации – налаживание регионального диалога по различным аспектам, затрагивающим государства-члены.

Проект стал прямым преемником идеи «Междуморье» (Międzymorze)³, выдвинутой Ю. Пилсудским после Первой мировой войны. Предполагалось создание конфедеративного государства, которое включало бы Польшу, Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Венгрию, Румынию, Югославию, Чехословакию, а также, возможно, Финляндию. Проблема в том, что «Триморье» имеет реальную поддержку только в Польше, Хорватии и США⁴. Другие страны неохотно принимают эту инициативу, особенно Чехия и Словакия. Их устраивает текущий формат V4 и Польша как страна Центральной, а не Восточной Европы, пусть и с завышенными амбициями.

Экономические показатели

За последние 30 лет страны V4 претерпели фундаментальную политико-экономическую трансформацию от централизованного планирования и тоталитарного управления к рыночной экономике и демократии. Одной из важных целей этой трансформации было преодоление экономической отсталости, возникшей в результате применения в этих странах советской модели. Так, в Чешской Республике спад за 40 лет оказался действительно внушительным. В 1938 г. Чехословакия была близка к Австрии по ВВП на душу населения⁵. Сегодня страны V4 по своим экономическим показателям сопоставимы с тремя странами ЕС-15 (Австрией, Грецией, Португалией) и одной постсоветской страной – Белоруссией.

Вышеградская четверка обогнала за 30 лет Грецию. Польша и Венгрия достигли уровня Португалии, Чехия и Словакия ее обошли. Однако в сравнении с Австрией ситуация не выглядит столь же ра-

² <https://pl.wikipedia.org/wiki/Trójmorze>

³ [https://pl.wikipedia.org/wiki/Międzymorze_\(polityka\)](https://pl.wikipedia.org/wiki/Międzymorze_(polityka))

⁴ <https://biznes.gazetaprawna.pl/artykuly/1450785,trojmorze-usa-unia-europejska-pieniadze.html>

⁵ https://www.reddit.com/r/europe/comments/7fk0al/european_gdp_power_in_1938_by_country/

дужно. Чешская Республика – самая богатая посткоммунистическая страна. В 1990 г. ее ВВП на душу населения составил 64% от австрийского, а сейчас достиг 73%. В таком темпе она догонит Австрию через 90 лет. В 1990 г. ВВП на душу населения Чехии оценивался в 99% португальского, а в 2019 г. – до 116%.

Не менее интересно сравнение Польши и Белоруссии. За 30 лет две соседние промышленно-сельскохозяйственные страны, имевшие в 1990 г. очень похожие показатели ВВП на душу населения, стали весьма далекими друг от друга. В 1990 г. ВВП на душу населения Белоруссии составлял 81% от польского, а к 2019 г. – только 60%.

При измерении производительности используется не только показатель ВВП по паритету покупательной способности (ПППС), но и показатель ВВП по обменному курсу доллара. В последнем случае производительность в V4 выглядит не так хорошо. Например, по этому показателю страны Вышеградской группы значительно отстают от Австрии. Ситуация более благоприятна в сравнении с Грецией и Португалией. В Чехии ВВП превышает греческий с 2016 г., а в Словакии – с 2019 г. Чешская Республика обогнала Португалию, но только в 2019 г. Польша и Венгрия еще не достигли уровня Греции, не говоря уже о Португалии. Но и Белоруссия, которая была примерно на уровне V4 в 1990 г., по этому показателю отстает от них. К 1990 г., согласно оценкам Мирового банка, ВВП Белоруссии был на 23% больше, чем в Польше, и на 12% меньше, чем в Словакии. В 2019 г. ВВП на душу населения в Белоруссии оказался на 56% ниже, чем в Польше, и на 64% ниже, чем в Словакии.

Многие эксперты неохотно принимают в качестве критерия экономического развития страны ее ВВП. Однако этому показателю пока нет альтернативы. Вместе с тем рост ВВП еще не означает роста заработной платы и повышение качества жизни населения, поскольку во многих случаях слишком большая часть ВВП представлена корпоративной прибылью. Сравним качество жизни населения стран V4 и сопоставимых стран по таким показателям, как рождаемость, средняя продолжительность жизни и миграция. Мало кто из граждан покидает процветающую страну и, наоборот, иностранцы приезжают туда работать. Процветающая страна имеет более высокую продолжительность жизни и, возможно, более высокую рождаемость.

Австрия, которая была и остается богатой страной, отличается самым высоким приростом населения. За последние 30 лет число ее граждан увеличилось на 1,2 млн человек. Среди стран V4 Чехия и Словакия находятся в лучшем положении, их население увеличилось на 3% за это время. В Чехии – на 320 тыс. и в Словакии – на 160 тыс. жителей. Население Польши выросло незначительно, всего на 0,8%, или на 310 тыс. человек. В Польше эмиграция ее молодых и образованных людей – довольно серьезная проблема. В Вен-

грии ситуация хуже, там население сократилось на 0,7 млн, как и в Белоруссии. В Греции и Португалии также озабочены сокращением населения. Если измерять успех экономических преобразований ростом или сокращением населения, то государства-преемники бывшей Чехословакии, Чешской и Словацкой Республик наиболее успешны в условиях трансформации стран V4.

Риски и шансы трансформации

Как страны V4 достигли текущих результатов? За последние 30 лет им пришлось решать ряд проблем. В начале переходного периода были две основные проблемы: отказ от централизованного планирования в пользу рыночной экономики и переориентация от торговли с Советским Союзом и в рамках СЭВ к торговле с Германией и ЕС. Еще одним вызовом стало вступление в ЕС, успешно завершённое 1 мая 2004 г.⁶ Предполагалось, что за этим последует вступление в Шенген⁷ (что произошло 21 декабря 2007 г.), а затем в зону евро, но туда вошла только Словакия в 2009 г.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. заставил ЕС заняться прежде всего внутренними экономическими и политическими проблемами и остановить дальнейшее расширение. Последней страной, вступившей в ЕС 1 июля 2013 г., стала Хорватия. В 2015 г. произошел кризис беженцев, вызвавший довольно серьезный конфликт между странами Вышеградской четверки и первоначальными членами ЕС, который до сих пор не решен.

В начале 1990-х годов странам V4 пришлось формировать новую правовую базу и институты рыночной экономики: от разрешения на свободное учреждение хозяйствующих субъектов, образование налоговых органов до воссоздания фондовых бирж. База, с которой начиналась трансформация в странах V4, различалась. В Чехословакии практически не было частного сектора, и 96% ВВП приходилось на государственный и кооперативный сектора. В Венгрии был значительный неправительственный сектор. В Польше на протяжении всего коммунистического режима сохранялась частная экономика, а перед его падением даже разрешили полякам-иностранцам учреждать частные компании. К тому же сельское хозяйство оставалось частным в течение всего периода социализма, потому что коллективизация, начавшаяся в Польше в 1948 г., закончилась полным фиаско в 1956 г.⁸

Переход к рыночной экономике в Польше начался с плана Л. Бальцеровича 1 января 1990 г., что стало возможным благодаря

⁶ https://ru.wikipedia.org/wiki/Расширение_Европейского_союза

⁷ https://ru.wikipedia.org/wiki/Шенгенская_зона

⁸ https://pl.wikipedia.org/wiki/Kolektywizacja_w_Polsce

«круглым столам» между правительством и оппозицией, включая почти свободные выборы, состоявшиеся в 1989 г.

В Чехословакии экономические преобразования стартовали только 1 января 1991 г. В отличие от Польши большое внимание было уделено приватизации и функционированию социальной сети, чтобы помочь проигравшим при экономических преобразованиях. Польский план лоббировался экспертами из МВФ и Мирового банка и основывался на опыте Латинской Америки, где правительства часто проводили безответственную макроэкономическую политику, что иногда вызывало инфляцию или даже гиперинфляцию. Они пришли к выводу, что этот опыт также будет полезен в Центральной Европе, и показатели инфляции в Польше поддерживали эту теорию. Напротив, в Чехословакии инфляция всегда была под контролем. В Польше инфляция потребительских цен достигла 650% в 1989 г., в то время как в Чехословакии самый высокий ее уровень был в 1991 г. – 56%⁹. Достижение макроэкономической стабилизации в Чехословакии, в отличие от Польши, оказалось не таким трудным, и поэтому с самого начала преобразований большое внимание уделялось приватизации.

В Венгрии мало говорят о какой-либо дате начала трансформации, потому что весь процесс был непрерывным. Страна постепенно реформировалась с 1968 г.¹⁰, централизованное планирование долгое время сосуществовало с рыночной экономикой, пока Венгрия не стала полнокровной рыночной экономикой.

Страны V4 прошли через процессы приватизации, испробовав все ее виды: реприватизацию, реституцию, начальную приватизацию, крупную приватизацию, МВО¹¹, МВИ¹², EZOPs¹³ и ваучерную приватизацию¹⁴. Пионером ваучерной приватизации стала Чехословакия, где первая ее волна прошла в 1992 г. (май-декабрь) в Чешской и Словацкой республиках, а затем вторая – в Чехии в 1994 г. (март-декабрь). В Словакии после провозглашения независимости (1 января 1993 г.) отменили вторую волну ваучерной приватизации.

Венгрия отклонила купонную приватизацию и предпочла прямые иностранные инвестиции. В Польше, благодаря сильному профсоюзно-

⁹ www.czso.cz, Чешское статистическое управление (1989–1993), https://pl.wikipedia.org/wiki/Plan_Balcerowicza

¹⁰ New Economic Mechanism был введен в 1968 г. Об этом подробнее см.: *Frydman R., Rapaczynski A., Earl J. The Privatization Process in Central Europe. Central University Press. Budapest. 1993.*

¹¹ Management buy out // https://en.wikipedia.org/wiki/Management_buyout

¹² Management buy-in // https://en.wikipedia.org/wiki/Management_buy-in

¹³ Employee stock ownership // https://en.wikipedia.org/wiki/Employee_stock_ownership

¹⁴ *Mládek J. Voucher Privatization in the Czech Republic and Slovakia // Mass Privatization – An Initial Assessment. OECD. Paris. 1994.*

му движению Солидарность («Solidarność»)¹⁵, выбрали участие рабочих и пенсионных фондов в приватизации и сохранение ряда государственных предприятий. Парадоксально, что Польша, единственная из стран V4, имевшая наибольшую долю частного сектора в ВВП во времена социализма, провела в этой сфере наименьшие изменения при приватизации экономики. Однако, какими бы ни были методы приватизации, все страны V4 в конечном счете осознали, что не могут обойтись без значительных иностранных инвестиций. В Чешской Республике, например, произошел серьезный поворот в 1998 г. До этого момента преобладала идея «национального капитализма», о чем договорились два пришедших позднее президента страны, В. Клаус и М. Земан. Оба сначала полагали, что преобразование будет обеспечено местными предпринимателями, а иностранные бизнесмены и менеджеры не понадобятся. Оказалось, что это невозможно. Исследование эффективности предприятий в 1998 г. показало, что государственные работают лучше приватизированных, если только приватизация не проведена для иностранного инвестора.

Таким образом, меньше всего добавленной стоимости получили ваучерно-приватизированные компании, лишь немногим больше – стандартно приватизированные за долги, а еще удачнее оказались государственные предприятия. Однако они значительно отставали от компаний, оказавшихся в руках иностранного капитала и почти удвоивших производительность. Но это не означает, что приватизация не имела смысла, а лишь то, что, если она проводится неправильно, то результаты деятельности компании могут быть даже хуже, чем в руках государства. Преимущество частного владельца в том, что он либо повысит производительность, либо обанкротится, а его активы и сотрудники перейдут к тому, кто более эффективен. Это и произошло в конце концов. Практический опыт трансформации в странах V4 показал, что соответствующие процессы протекают не всегда гладко и не одновременно, что может привести к многолетнему застою прежде, чем проблемы будут решены.

В результате все страны заняли более активную позицию при привлечении иностранных инвестиций и вскоре они достигли относительно большого объема. Венгрия быстрее всех начала получать прямые иностранные инвестиции (ПИИ), Чехия отставала от нее до 1998 г., когда она коренным образом изменила экономическую политику, поддерживая приток ПИИ. Словакия стала получать их еще позже, но тоже добилась процветания, особенно в первом десятилетии XXI в. Из стран V4 Польша получила самый большой приток ПИИ в абсолютном выражении, но, учитывая, что у нее примерно в 4 раза больше жителей, чем в Чехии и Венгрии, и в 8 раз больше, чем в Словакии, ее результат не так впечатляет. Если сравнить итоги притока

¹⁵ «Solidarność» – Solidarity (https://pl.wikipedia.org/wiki/Niezależny_Samorządny_Związek_Zawodowy_Solidarność).

ПИИ с ВВП за весь период, то обнаружится, что в целом Чехия показала лучшие результаты: в 2018 г. общий объем ПИИ составил 67% ВВП. За ней следуют Венгрия – 61%, Словакия – 55 и Польша – 39%¹⁶.

Однако иностранные инвестиции имеют свою цену. Наряду с несомненным вкладом в экономическое развитие страны, в занятость, а также в повышение качества рабочей силы, которое улучшается благодаря методике обучения, иностранные владельцы бизнеса, как правило, рассчитывают перевести получаемую прибыль в свои страны. Самая большая доля дивидендов уходит из Чехии: ежегодно – 5% ВВП, Венгрии – 4 и Словакии – 3,5%. В Польше, где иностранных инвестиций относительно меньше, эта цифра достигает 2% ВВП. Неудивительно, что особенно в Чехии такой отток дивидендов стал причиной самой низкой зарплаты среди стран Вышеградской группы, что вызывает постоянные политические разногласия.

Одновременно с системной трансформацией экономики произошла переориентация торговли с Востока на Запад. Одной из причин распада Советского блока было нежелание СССР поставлять в Центральную Европу «hardgoods» (особенно нефть, газ и сырье), получая за них «softgoods» (товары обрабатывающей промышленности, неконкуренспособные на мировом рынке). Страны V4 потеряли советский рынок и начали активно искать другие рынки. Как системная трансформация, так и переориентация торговли с Востока на Запад привели к снижению ВВП стран V4. Самое большое падение торговли и, следовательно, самое большое падение ВВП произошло в 1991 г.

В Польше экономический спад был более длительным по времени, в Чехословакии – более глубоким до 1991 г., когда произошли два важных события: начата экономическая реформа, рухнул советский рынок и произошло расформирование СЭВ 28 июня 1991 г. в Будапеште. Все это привело к падению ВВП Чехословакии почти на 12%. В стране пришли к выводу, что потеря советского рынка и экономические реформы одинаково повлияли на экономический спад.

Резкая переориентация внешней торговли повлекла за собой изменение структуры экспорта Чехословакии/Чешской Республики в 1989–2018 гг. В 1989 г. крупнейшим чехословацким рынком был Советский Союз (30,5% экспорта), вторым – Польша (8,5) и третьим – Германия (8,3%). 29 лет спустя, в 2018 г., основным экспортным рынком Чехии оказалась Германия (32,4% экспорта), далее Словакия (7,6), Польша – (6,1) и Россия – (13-ое место, 2% экспорта¹⁷). Страны Вышеградской группы, потерявшие рынок СЭВ, были очень заинтересованы в экспорте в ЕС, что стало одной из основных причин их желания вступить в эту организацию.

¹⁶ <https://data.oecd.org/fdi/fdi-stocks.htm>

¹⁷ <https://www.czso.cz/csu/czso/zahranicni-obchod-cr-rocni-udaje-2018>

Исход в Евросоюз

Польша и Венгрия зарегистрировались в качестве кандидатов на вступление в Евросоюз в 1994 г., Словакия – в 1995 г., Чехия – в 1996 г.¹⁸ Затем последовали относительно длительные переговоры о вступлении с Европейской комиссией (ЕК), основной задачей которой стал так называемый скрининг, т.е. сравнение законодательства стран-кандидатов с европейским правом. Переговоры завершились 12–13 декабря 2002 г. на собрании Евросовета в Копенгагене. Главы договора были согласованы, и установлен переходный период для принятия европейского законодательства. Евросовет решил принять Вышеградскую группу и шесть других европейских государств 1 мая 2004 г. Договор о присоединении подписали в Афинах 16 апреля 2003 г. и затем ратифицировали национальными парламентами 15 старых стран-членов ЕС. В новых государствах-членах, кроме Кипра, договор утверждался путем референдумов.

Вступление в ЕС означало установление свободного движения услуг, товаров и капитала. На территории Евросоюза не существует таможенных барьеров. Это означает, что товары, размещенные на рынке в одном государстве-члене, могут экспортироваться в другие государства-члены без таможенных или количественных ограничений. Для компаний из стран Вышеграда в несколько раз увеличился рынок услуг. Свободное движение капитала создало новые инвестиционные возможности.

Свободное передвижение для граждан стран Вышеградской группы открылось значительно позже. Многие из старых государств-членов не допускали немедленного свободного въезда граждан новых государств-членов на свои рынки труда. Граждане Чехии смогли сразу работать без ограничений только в Великобритании, Ирландии и Швеции. С 1 мая 2006 г. рабочие места открылись в Греции, Португалии, Финляндии и Испании. Франция сделала это летом 2008 г. Германия и Австрия не открывали свои рынки труда для граждан Чехии до 2011 г. Вышеградская группа защищала свой рынок земли. Граждане и фирмы других стран ЕС смогли начать покупать землю в странах V4 только через 7 лет после их вступления в ЕС.

Введение евро

Страны Вышеградской группы не торопятся в зону евро. Несмотря на то, что они пообещали присоединиться к еврозоне и принять единую европейскую валюту с течением времени, только Словакия

¹⁸ https://en.wikipedia.org/wiki/Enlargement_of_the_European_Union

приняла евро с 1 января 2009 г.¹⁹ Другие страны V4 – еще не члены зоны евро и, вероятно, не будут ими в обозримом будущем. Нарушает ли это какие-либо обязательства перед ЕС? В принципе нет. Все новые государства-члены (ЕС-10), вступая в организацию 1 мая 2004 г., взяли на себя обязательство ввести евро в качестве единой валюты, но без указания даты такого присоединения. В то время Брюссель воспринимал членство в еврозоне как привилегию и предполагал, что все новые страны захотят стать членами зоны евро. Останется только, чтобы ЕК²⁰ и Европейский центральный банк²¹ сказали, соответствуют ли уже эти страны Маастрихтским критериям²² в качестве условия для вступления. Затем торжественно будут принимать в зону евро тех, кто выполнил установленные требования.

Так и сложилось в Прибалтике, Словении, Словакии, на Мальте и на Кипре, но не в Чехии, Венгрии и Польше. Есть несколько причин для введения евро в небольших странах, но не в более крупных. Если малые страны сохраняют свою валюту, у них объективно меньше возможностей для независимой денежно-кредитной политики. Несмотря на это, многие из них работали в режиме валютного комитета, т.е. в системе твердой привязки собственной валюты к евро, а до введения евро – к немецкой марке. В этой ситуации страна имеет много недостатков и мало преимуществ при введении единой валюты.

Могут быть и социально-психологические причины: страны Прибалтики, Словакии и Словении, оказавшись в советское время частью более крупного государства, не располагали собственной валютой. Народные валюты там функционировали только в течение короткого времени. Похоже, что их граждане были лучше подготовлены к отказу от национальной валюты, с которой не сжились в полной мере. Таким образом, для стран Прибалтики членство в еврозоне стало еще одним подтверждением того, что они – часть ЕС, а не постсоветского пространства, так же как для Словении – подтверждением того, что она вошла в ЕС, покинув постюгославское пространство.

Другая обстановка – в Чехии, Венгрии и в Польше, где используют свои исторические национальные валюты – предмет народной гордости, – и граждане не хотят отказываться от них. В Польше введение евро требует изменения в конституции, поскольку в статье 227 польский злотый определен в качестве единой польской валюты²³. Кроме того, эти страны экономически успешны и не считают необ-

¹⁹ https://cs.wikipedia.org/wiki/Vstup_Slovenska_do_Evropské_unie

²⁰ https://en.wikipedia.org/wiki/European_Commission

²¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Европейский_центральный_банк

²² https://en.wikipedia.org/wiki/Euro_convergence_criteria

²³ https://pl.wikipedia.org/wiki/Konstytucja_Rzeczypospolitej_Polskiej ; <https://businessinsider.com.pl/polityka/kukiz15-chce-zmiany-konstytucji-dot-polskiego-zlotego/z5ts8zn>

ходимым присоединяться к чему-то только потому, что это должно означать преодоление некоторых исторических проблем.

После кризиса 2009 г. оказалось, что единая валюта имеет не только преимущества, такие как более низкие транзакционные издержки для международной торговли, лучшая сопоставимость цен между странами зоны евро, большая стабильность мировой резервной валюты. Приходится говорить и о высоких затратах при разделении расходов на санацию обанкротившихся банков в ряде стран, высоких затратах на предотвращение банкротства некоторых государств южной зоны евро. Это значительно снизило привлекательность евро в глазах граждан²⁴. Несмотря на то, что зона евро потребует более глубокой политической интеграции по объективным причинам, становится все более очевидным, что единой валюте (евро), чтобы защитить себя, нужно единое государство, которое будет отстаивать единую валюту не только в экономическом, но и в политическом, правовом и военном плане. Между тем в странах ЕС стремление к углублению политической интеграции скорее уменьшается, чем растет.

Кроме того, есть и другие страны ЕС, которые не приняли евро. Первоначально их было три: Великобритания, Дания и Швеция. Великобритания и Дания даже договорились с ЕС о так называемом постоянном отказе – праве быть членами ЕС, которые не обязаны вступать в еврозону. Наиболее интересен для стран Вышеграда пример Швеции. Она не отказывалась от участия в евро и отвечает критериям Маастрихта, за исключением участия в ЕRM II – фиксированном курсе национальной валюты за два года до присоединения к зоне евро.

Как будет с введением евро в трех странах V4, не совсем понятно. Проблема не в их неспособности соответствовать Маастрихтским критериям. За исключением Венгрии, государственный долг в них ниже требуемых 60% ВВП. Точно так же все страны Вышеградской группы выдерживают критерий дефицита публичных финансов, который должен составлять менее 3% ВВП. В 2018 г. Чехия даже имела профицит публичных финансов в размере 1,1% ВВП.

Есть три других критерия Маастрихта: по инфляции потребительских цен, доходности десятилетних облигаций и участию в системе обменных курсов ЕRM II. В настоящее время Польша и Чехия соответствуют 3 критериям из 5, а Венгрия – 2 из 5. Из стран V4 Венгрия экономически хуже всех подготовлена к вступлению в еврозону. Все

²⁴ В Словакии проблема участия в так называемом Евровале, фонде помощи странам ЕС в экономических проблемах, даже привела к падению правительства И. Радичовой 11 октября 2011 г. Граждане/избиратели не могли понять, почему бедным словацким пенсионерам нужно затягивать пояса, чтобы «богатые» греческие пенсионеры продолжали получать свою высокую пенсию (https://sk.wikipedia.org/wiki/Vláda_Slovenskej_republiky_od_8._júla_2010_do_4._apríla_2012).

страны не отвечают условию участия в ЕРМ II в течение двух лет – заключительном этапе принятия единой валюты. Чехия и Венгрия нарушают условие по инфляции (ниже 1,9%): в 2018 г. она составила там 2,2%, а Польша – по доходности десятилетних государственных облигаций: 3,3% в год при максимуме – 3,2% в год.

Однако эти препятствия не принципиальны. Если существовала бы сильная политическая воля к вступлению в еврозону, все страны соответствовали бы Маастрихтским критериям. Однако сильной политической поддержки введения евро, безусловно, нет в Чехии и Польше. Она существует только в Венгрии, где 66% высказались «за» и только 28% категорически «против», по крайней мере, согласно опросу *Eurobarometer*²⁵, проведенному в апреле 2019 г. Чехия, где 60% опрошенных граждан высказались против введения евро, в этом отношении похожа на Швецию, где давно отказались от евро. В Польше – 51% против введения евро, а 46% – «за».

Последние вызовы

В целом, страны V4 относительно успешно интегрировались в ЕС. Им удалось обогнать по уровню жизни Грецию и в значительной степени Португалию. Впрочем, между Вышеградской четверкой и другими странами ЕС есть и разногласия, основным из которых остается проблема приема беженцев. Канцлер Германии А. Меркель, обеспокоенная тем, что немецкая полиция, препятствуя проникновению беженцев в ЕС, будет недостойно выглядеть на экранах телевизоров, решила распахнуть перед ними двери в Союз. Это было серьезное нарушение европейских правил, которые предусматривали, что беженцам следует помогать в первой стране ЕС, куда они попали, и что те, кто бежит от войны, имеют право на временную чрезвычайную помощь – в лучших гуманистических традициях Европы. Таким образом, канцлер вызвала серьезный кризис, поскольку потенциальные мигранты восприняли это как приглашение постоянно проживать в ЕС и прибыли в огромном количестве.

ЕС выглядит в мире как образец государства всеобщего благосостояния. Более того, в странах – старожилах ЕС это приглашение беженцев первоначально было положительно воспринято элитами, которые все еще чувствуют вину за поведение предков в колониях или за дискриминацию по отношению к гастарбайтерам. Однако страны V4 в прошлом не имели ни колоний, ни гастарбайтеров и не участво-

²⁵ Евробарометр (комбинация слов Евро + барометр) – это серия опросов общественного мнения, проводимых Секцией анализа общественного мнения Европейской комиссии с 1974 г. Так что это, безусловно, не служит независимым источником готовности принять евро.

вали в их эксплуатации. Поэтому Венгрия построила ограждение на своей южной границе, предотвратив миграционную волну. Венгрию поддержали и другие страны V4, отказавшиеся принять квоты на прием эмигрантов в соответствии с предложениями Брюсселя.

По сей день Брюссель и страны – старожилы ЕС обвиняют V4 в отсутствии солидарности с беженцами, которых они пригласили в ЕС. Не будем принимать во внимание, что единая система социальных льгот в Союзе еще не создана, поэтому в странах V4, вероятно, не было бы много беженцев. Иммигранты выбирают самые богатые страны ЕС (Германию, Данию, Швецию), где существуют наибольшие социальные льготы, которые рассчитываются по ППС, чтобы иммигранты могли приобретать то, что им нужно для достойной жизни в данной стране.

Беженцы же хотят отправлять часть денег в евро на родину, где стоимость рассчитывается не по ППС, а в обычных евро. В результате иммигранты, размещенные в более бедных странах ЕС, приложили все усилия, чтобы переехать в самые богатые страны. Незамедлительно последовала реакция Брюсселя – еврокомиссара Г. Эттингера: социальные пособия иммигрантам должны быть номинально одинаковыми везде в ЕС²⁶, чтобы лишить их стимулов стремиться только в самые богатые страны. Тем не менее иммигрантам доставалось бы больше денег, чем пенсионерам или получателям социальных пособий в странах V4, которые поэтому решили отказаться от такой идеи.

В результате углубились противоречия между V4 и странами – старожилками ЕС. Самый большой конфликт обозначился между Польшей и Венгрией, с одной стороны, и Брюсселем – с другой. Брюссель резко критикует обе страны за их авторитарные тенденции и ограничения демократии. Польша и Венгрия возражают, утверждая, что они остаются последними защитниками христианских ценностей, на которых построен ЕС.

В последнее время Брюссель оказывает давление на Вышеградскую группу, подталкивая ее к тому, чтобы она распалась или перешла под австрийское руководство. Однако наряду с венграми и поляками Чехия и Словакия также не хотят распада V4, рассматривая группу как инструмент продвижения общих интересов в ЕС.

Еще одна важная проблема последних лет – Брексит. Вышеградские страны иногда сотрудничали с Великобританией для содействия своим интересам. Например, Лондон был главным союзником Чехии, Венгрии и Словакии в строительстве новых блоков атомных электростанций. Не менее важно то, что в Великобритании работает много поляков и словаков, чья судьба после 31 декабря 2020 г. неясна. Кроме того, она – одна

²⁶ <https://pravyprostor.cz/jednotna-vyse-socialni-davky-v-cele-eu-ale-pozor-jen-pro-ubrchniky/>

из основных торговых партнеров всех стран V4. Вышеградская группа – наиболее конструктивная часть ЕС, когда речь идет об отношениях между ЕС-27 и Великобританией, поскольку очень заинтересована в том, чтобы эти связи как можно меньше пострадали после 1 января 2021 г.

Камнем преткновения в отношениях со старыми странами ЕС служит энергетическая политика в борьбе с изменением климата. В частности, это касается Польши, чья энергетика построена на сжигании черного и бурого угля. В Венгрии и Словакии добыча угля незначительна и скоро закончится. Для Чехии же добыча черного угля весьма важна, тем не менее страна готова закончить ее к 2025–2030 гг., а бурого угля – не позднее 2050 г.

Три последние страны объединены программой по созданию ядерных блоков. Словакия их строит, Венгрия готовит строительство, а в Чехии обсуждается строительство новых атомных энергоблоков. У ЕС нет явного негативного подхода к атомной энергетике. Например, во Франции много атомных электростанций, в то время как в Германии из-за сильной оппозиции строительству ядерных блоков в соседних странах закрывается последняя атомная электростанция в 2022 г.²⁷ В ЕС стремятся к тому, чтобы вся электроэнергия производилась из возобновляемых источников и хотят отказаться от угля не позднее 2050 г. Вероятно, тогда объединение будет гораздо больше зависеть от газовых электростанций, поскольку получать все электричество из возобновляемых источников нереально.

Важное направление по спасению экологии планеты – попытка перейти от автомобилей с двигателями внутреннего сгорания на электромобили²⁸. Это серьезная проблема для стран V4, поскольку переход на электромобили для них слишком дорог. Кроме того, на карту поставлена одна из ключевых отраслей, которая важна во всех странах V4 – автомобильная промышленность. При переходе на электромобили не будет необходимости производить сложный двигатель внутреннего сгорания и все, что с ним связано, соответственно, потребуется меньше субподрядчиков, чем сегодня. Производство сократится и частично вернется в Германию.

Наконец, самый последний вызов – COVID-19, который в одночасье погрузил V4 вместе со всем Евросоюзом из процветания в глубокий экономический кризис, и сейчас неясно, когда, где и как он закончится.

²⁷ <https://www.dw.com/en/germany-shuts-down-atomic-plant-as-nuclear-phase-enters-final-stretch/a-51845616>

²⁸ Об этом подробнее см.: *Ходов Л. Электромобили в наступлении // Мир перемен. 2020. №1. С. 98–107.*

Ж. Тощенко

НАРОД ВСЕГДА ПРАВ, ДАЖЕ КОГДА ОН НЕ ПРАВ

Это не каламбур. Это реальность, которая определяет лицо современной эпохи, характеризует его основные тенденции, показывает возможные варианты развития. Написать об этом меня побудила статья А. Ципко «Распятая перестройка»¹. Цель в статье поставлена справедливая – оценить события второй половины 1980-х годов, которые вошли в нашу историю как перестройка. О ней не раз высказывались, причем с самых различных позиций.

В чем замысел этой попытки?

Оценивая попытку А. Ципко, хотелось бы обратить внимание, что предложенный анализ касается очень ограниченной базы для рассуждений. Это прежде всего обзор мнений лишь некоторых представителей интеллигенции – как правого, так и левого толка, что уже по исходному замыслу не может претендовать на суждения всей интеллигенции, не говоря уже об общественном мнении, об отношении народа, который, как покажу позднее, достаточно неоднозначно оценивал этот период в жизни нашей страны. Если судить по тексту, то для А. Ципко в одинаковой степени неприемлемы ни позиция Е. Гайдара, в писаниях которого «вообще много вздора»; ни суждения М. Солонина, который давно покинул родину и занят «навязыванием безумных идей слушателям своей страны», носящих «разрушительный характер»; ни выводы бывшего работника ЦК КПСС В. Матузова, активно развивающего тему «предательства» М. Горбачева.

Далее в той или иной форме продвигается личностная оценка перестройки, так как А. Ципко был вовлечен в число ее «прорабов и ар-

Жан Терентьевич Тощенко – член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой РГГУ, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва).

¹ Ципко А. Распятая перестройка // Независимая газета. 2020. 5 марта. См. также Ципко А. Почему мало ценится дарованная свобода // Мир перемен. 2020. №1. С. 8–22.

хитекторов» в окружении секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро А. Яковлева, который на склоне лет вдруг осознал порочность марксизма, социалистических идей и нищету мировоззрения В. Ленина. Именно с этих позиций А. Ципко обвиняет названных и им подобных авторов в искажении и умышленном опорочивании хода и итогов перестройки, считая ее вершиной самого лучшего, прогрессивно-го и передового, что могли предложить ее радетели.

Но почему мнение А. Ципко выдается за истину в последней инстанции, которая, как видно даже из этого анализа, опирается на суждения достаточно ограниченного числа авторов, которые никак не могут, на наш взгляд, олицетворять мнение не только народа, но и самой интеллигенции?

Что общего у всех публичных оценщиков перестройки?

Почему высказывания цитируемых авторов и самого А. Ципко не могут рассматриваться в качестве убедительной аргументации при оценке перестройки? Что же смущает?

Во-первых, всех названных авторов, включая А. Ципко, характеризуют безапелляционность оценок, глубокая уверенность в своей абсолютной правоте, отказ оппонентам в любой претензии на долю истины и стремление во чтобы ни стало доказать собственное понимание действительности, свое понимание происшедшего. Каждый из них формулирует выводы, исходя из заданности – заранее сложившегося личного отношения к перестройке, – и поэтому подбирает только те аргументы и факты, которые свидетельствуют о «правильности» его суждений, полностью игнорируя неприемлемые для себя реальные события и процессы, или избегая их.

Во-вторых, ограниченность (а может быть, порок) всех этих рассуждений состоит в том, что при аргументации никак не используются конкретные данные – статистика, результаты социологических исследований и показатели развития экономики и культуры. Есть беспрекословная убежденность, что сама по себе оценка и/или мнение автора достаточны для того, чтобы претендовать на истину в последней инстанции. При этом суждения высказываются без всякого сомнения в их абсолютной истинности. В самом деле, зачем какие-то цифры – достаточно провозгласить оценку, употребив такие прекрасные слова, как «демократия», «свобода», «права человека» или давно забытую «гласность», чтобы считать доказанным тот или иной вывод.

В-третьих, смею утверждать, что анализируемые А. Ципко представители интеллигенции (в том числе и он сам) имели очень слабое представление о стране, в которой жили. Они не соприкасались с реальной жизнью людей из глубинки, тех, кто трудился на заводах и фабриках, в сельском хозяйстве и на транспорте, кто жил и работал в провинци-

альных городах и городках, селах вдалеке от московских страстей. В лучшем случае эти авторы иногда выступали с лекциями в провинции или были там в краткосрочных командировках. Тот же Е. Гайдар никогда не был даже в пионерском лагере. Как описывали сопровождавшие его журналисты, во время своего премьерства, будучи по долгу службы в одном из ярославских колхозов и стоя около бычков для откорма, интересовался их надоями. Но все они, включая и давно покинувшего родину М. Солонина, имели довольно богатый опыт жизни за границей, откуда, как видно по их высказываниям, привезли идеи, теории и факты, поразившие их воображение. Именно их они усиленно пропагандируют и предлагают внедрить в российскую действительность.

В-четвертых, поражает стремление таких авторов употреблять (для убедительности?) хлесткие слова и выражения, которые уместны только тогда, когда хочешь не спорить, а оскорблять. У Е. Гайдара – «команда Андропова вынашивала планы разрушения СССР», у М. Солонина – «корысть партийного аппарата», у В. Матузова – «предательство номенклатуры». У самого А. Ципко – «чума коммунизма», «чудовищные преступления под знаменем марксистского учения», «звериная жестокость большевиков», «коммунистическое крепостное право» и т.п. Волей-неволей напрашивается вывод – вместо аргументов (научных, практических) используются ярлыки и желание посильнее уязвить противника и по-иному думающего оппонента.

В-пятых, впечатляют следующие суждения: «думающая часть» современной российской интеллигенции «утрачивает инстинкт самосохранения», или «я обратил внимание на абсурдное единство красных патриотов и так называемых либералов в оценке перестройки». Почему же А. Ципко себя и свои выводы о перестройке считает абсолютно верными, а вся остальная интеллигенция (миллионы человек) ошибается, заблуждается и не понимает очевидных (??) вещей.

Апофеоз всего: обвинение народа – «современная российская нация утратила инстинкт самосохранения». «Откуда это царство иррациональности и абсурда, в котором живет современная Россия?». Такое высокомерие по отношению к народу присуще не только оппонентам, которых обвиняет А. Ципко, но и ему самому.

Александр Сергеевич забыл или не верит постулату, доказанному многовековой историей человечества (и особенно в ее новый и новейший периоды): историю творит народ. Именно он определяет ход и направление развития как всего человечества, так и каждой страны. История складывается по желанию народа, пусть это желание и на интуитивном уровне. Если с этим не считаться, страна получает и кризисы, и восстания, и даже революции. При этом надо иметь в виду и такой доказанный факт – народ можно обмануть, пообещать заранее невыполнимое, но это возможно только в некотором историческом периоде, ненадолго. Маятник обязательно качнется в том направлении, в каком развивается история.

Эволюция реальных социально-экономических ожиданий

О том, что поступь истории определяет народ, свидетельствует реально сложившееся отношение советского (российского) народа к перестройке. Это я продемонстрирую не на личных утверждениях упомянутых авторов, а на данных всесоюзных социологических исследований, которые начали проводиться в годы перестройки, а так же опираясь и на собственный опыт их проведения. Именно в нашем коллективе в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС были проведены исследования экономического, политического и исторического сознания (в том числе в режиме мониторинга), которые показывали настроения населения, начиная с первых лет провозглашенных преобразований. Эти исследования (к сожалению, для служебного пользования) охватывали от 3 до 4,7 тыс. человек в 15–18 регионах страны согласно выборке по данным статистики. Именно на их основе опишу всю сложность отношения советских людей к происходившим событиям в жизни страны.

Начнем с исходных данных. Уже первое исследование (апрель 1986 г., 4075 человек, 934 эксперта, 11 регионов) показало, что политику перестройки большинство советских людей приветствовало, выражая надежду на успешные преобразования. Заслуживают внимания такие ответы: 67,5% людей постоянно (и еще 28,7% – иногда) обсуждали с товарищами по работе или в кругу близких происходившие в стране процессы.

Интерес к программе перестройки был велик: 84,2% опрошенных информацию о ней черпали из телепередач и 77,3% – из центральных газет. Так как за один год трудно добиться впечатляющих результатов по реализации идей перестройки, люди выражали надежду, что многое изменится к лучшему. Целью исследования было и наблюдение за изменениями в положении людей непосредственно на производстве. В их ответах звучали обнадеживающие настроения: 37,5% считали, что стали реализовывать свои способности на работе, а 65,8% – что могли бы трудиться с еще с большей отдачей при улучшении условий и организации труда².

Но уже в исследовании 1988 г. (2741 опрошенных, 668 руководителей производства, 7 регионов), когда появилась возможность оценивать первые результаты перестройки, число граждан, позитивно воспринимавших изменения в экономической и производственной жизни, уменьшилось в полтора-два раза. На вопрос: «Началась ли в коллективе активная работа, направленная на интенсификацию производства?», в 1986 г. «да» ответили 27%, а в 1988 г. – только 9%. Аналогичная пессимистичная динамика получена при оценке организации труда (о том, что она улуч-

² Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). Т.1. М.: Новый Хронограф. 2016. С. 30, 32.

шилась, в 1986 г. заявили 29%, а в 1988 г. – 19%), условий труда – 21% и 13%, дисциплины труда – 88% и 54% соответственно³. Примерно в такой же пропорции прозвучали и ответы руководителей производства.

В это время в верхних эшелонах власти шли бурные обсуждения, что и как надо делать для реализации намеченных задач. Появилась даже официальная формулировка – «в условиях ускорения социально-экономического развития»... Но это значительное и даже обостренное обсуждение «наверху» никак не сказывалось на том, что творится в низовых производственных организациях. Так, при проведении этого исследования один из опрашиваемых в беседе высказался прямо (в других случаях аналогичные мысли высказывались косвенно): «наверху шумят, а у нас тишина» и добавил, что так бывает в лесу: «наверху – шум от прилетевшего ветра, а внизу – никаких изменений».

По мере дальнейшего продвижения перестройки постоянно увеличивалось количество негативных и отрицательных оценок ее хода. В то время как наверху лихорадочно искали, предлагали и даже внедряли отдельные положения – вместо того, чтобы осуществлять кардинальные и неотложные меры по переходу на рыночные отношения (чему «прорабы перестройки» сопротивлялись до последнего). В этой связи приведу следующий впечатляющий факт: в 1990 г. на вопрос: «Надо ли переходить к рыночным отношениям?» позитивно ответили 28% опрошенных. Кстати, тогда же случился казус (правда, отвергнутый официальными лицами): при опросе эту идею поддерживали 44% коммунистов. Получилось, что рядовые партийцы (тот же народ: членов КПСС в стране было более 18 млн – более реально представляли и оценивали назревшие потребности времени. Они оказались более продвинуты в профессиональном и гражданском отношении (оставим за скобками имевшихся в партии карьеристов).

Чем дальше шла перестройка, тем больше в сознании людей созревало отрицание того, что делалось в стране. В исследовании 1989 г. хозяевами своего предприятия считали себя уже только 7% (в 1986 г. – 28, в 1988 г. – 11%), что было неудивительно: в 1986 г. 26% работников и специалистов отметили рост бесхозяйственности в стране, в 1989 г. таких было уже 42%. Одновременно менялись оценки других производственных показателей: об улучшении организации труда в 1986 г. говорили 44% опрошенных, в 1988 г. – 28, в 1989 г. – 20%, аналогично изменялись и мнения рабочих в отношении условий труда – 30%, 22 и 17% соответственно⁴.

³ Перестройка экономического сознания и повышение его роли в ускорении социально-экономического развития. М.: АОН при ЦК КПСС. 1987. С. 23.

⁴ Экономическое сознание трудящихся (итоги сравнительного исследования 1986, 1988 и 1989 гг.) / Ред. колл. Тощенко Ж. Т., Бойков В. Э., Чернышова Л. Д. М.: АОН при ЦК КПСС. 1989. С. 42, 44.

На наш взгляд, такая ситуация на производстве была следствием лихорадочных отдельных актов властей по поиску выхода из складывавшейся негативной ситуации в экономике страны и начавших ухудшаться показателей развития ведущих отраслей народного хозяйства. Такие законодательные инициативы, как закон о кооперации, о выборности руководителей, антиалкогольная компания и т.п. акты, при всей внешней привлекательности, обернулись крупнейшими потерями из-за ошибочных решений, непродуманности, недостаточной аргументированности, а главное – оторванности тех, кто их принимал, от реальной жизни, незнания потребностей научно-технологической и информационной революции.

Этот конфликт интересов народа и официальной политики с каждым годом все возрастал. В 1990 г. об ошибочности экономической политики заявили 62% опрошенных и 61% – об очень плохой экономической обстановке. Именно тогда остро ощущался дефицит товаров: о трудностях с приобретением продовольственных товаров заявили 70%, промышленных товаров – 82, с получением бытовых услуг – 54%⁵. Более того, обозначились и стали ощущаться такие болезненные проявления, как мафия – об этом сказали 46% (!) опрошенных. Но главное – люди к 1990 г. потеряли надежду на перспективу: положительно оценили возможность добиться улучшения экономики в ближайшие 1–2 года только 2% (возможно среди них был и А. Ципко), в то время как 53% отвергли вероятность такой перспективы. Если к этому добавить 36% воздержавшихся от оценки, то можно сказать, что уже в 1990 г. отчетливо обозначился крах перестройки. Важно, что это исходило от народа, а не от ряда публичных акторов, которые руководствовались личными соображениями, и не ориентировались на другие мнения, тем более если они исходили от «совков».

Опрос населения в марте 1991 г. показал: возросло позитивное отношение к рынку, так как уже 43% респондентов считали, что он повысит ценность умелого труда (в мае 1990 г. – 26%), 39% надеялись на конкуренцию, от которой выиграют потребители.

В то же время общественное настроение продолжало ухудшаться: 46% согласились с тем, что управление народным хозяйством разваливалось, 48% беспокоил рост цен. Появились и возросли новые тревоги, которые не так сильно отмечались в прошлом: почти каждый второй (44%) выразил опасение потерять работу из-за сокращений.

Но апофеозом стала оценка экономической политики: 41% признал ее неправильной и еще 31% – скорее неправильной, чем правильной. Иначе говоря, к 1991 г. народ разочаровался в проводимых

⁵ Политическая борьба и политический выбор масс (результаты социологического анализа) // Информационный бюллетень. 1990. №8 / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: АОН при ЦК КПСС. С. 61, 62, 68, 74.

мерах по перестройке экономики и фактически отвернулся от нее. Это проявилось и в том, что на вопрос: «Кто, по Вашему мнению, может защитить «простого» человека в настоящее время?», 51% опрошенных ответили: «Никто»⁶.

Оценка политики как итог и показатель краха перестройки

Зигзаги и провалы в экономике не могли со временем не сказаться и на сфере политики, особенно в отношении ее авторов и радетелей. Отметим только, что изменение политического сознания населения также эволюционировало – от радужных надежд до полного разочарования и даже отвержения. На первых порах были велики ожидания и, соответственно, высокие оценки. В исследовании 1987 г. 45% респондентов признались, что постоянно и с интересом следили за публикациями о ходе перестройки. 32,2% из них позитивно отметили такие сдвиги, как гласность, 27,7% – выборность руководителя. Среди достижений первых лет перестройки 51,4% называли возможность высказывать свое мнение, 41,4% – голосовать на выборах за своего кандидата, 35,6% – возможность критически высказываться о любых процессах в обществе.

Очень важно отметить, что словесное одобрение принятых мер проявилось и в оценке собственной деятельности: 42,5% сказали, что получили возможность реализовать себя, 37,1% – о том, что выступили с предложениями и критическими замечаниями по совершенствованию жизни и работы в своих организациях, в своем поселении, в стране⁷. Два года спустя, в ноябре 1989 г. (1360 человек, 8 регионов), исследование показало: от абсолютной надежды и уверенности в том, что политики страны смогут осуществить желаемые перемены, общественное сознание начало склоняться к разочарованию в их способности реализовать провозглашенные цели. С каждым годом росло сомнение в эффективности, а потом и неприятие предлагаемых мер. В исследовании 1989 г. 50% населения (и что особенно поразительно – две трети коммунистов) стали отрицать наличие успехов перестройки⁸.

Именно это исследование впервые показало, что КПСС де факто потеряла монопольное положение в стране. Дальнейшие исследования (в частности, проведенное в июне 1990 г. – 1433 человека) сви-

⁶ Человек и экономика (результаты социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: АОН при ЦК КПСС. 1990. С. 15, 17, 138, 143, 144.

⁷ Политическое сознание трудящихся в условиях перестройки и ускорения социально-экономического развития / Ред. кол. Ж. Т. Тощенко, В. А. Щегорцов, А. И. Яковлев. М.: АОН при ЦК КПСС. С. 30–35, 42–45.

⁸ Экономическое сознание трудящихся (итоги сравнительного исследования 1986, 1988 и 1989 гг.) / Ред. колл. Тощенко Ж. Т., Бойков В. Э., Чернышова Л. Д. М.: АОН при ЦК КПСС. 1989. С. 6, 8.

детельствовали, что отрицательные оценки деятельности партии стали преобладать над положительными (-9,3%). По убеждению 61% опрошенных, политика, проводившаяся руководством страны, была непонятна, запутана, противоречива. Иначе говоря, в политических оценках граждан стало преобладать мнение о неспособности политической власти решать выдвинутые ею задачи.

Все это – и состояние экономики, и потеря политического доверия – убедительно показывало, что наступает не только крах перестройки, но и даже возможный крах страны в условиях полного отказа населения поддерживать идеи, которые были столь привлекательны в начале попыток их осуществления.

* * *

Таким образом данные всесоюзных исследований позволяют сделать вывод, что народ был прав, поначалу поддержав принципы перестройки общества, но не в меньшей мере он оказался прав и тогда, когда перестал их поддерживать, увидев несостоятельность действий руководства страны по их реализации.

В заключение приведем данные Института социологии РАН, которые были получены в год 20-летия начала перестройки. Как показал опрос, в памяти людей осталось только два основных достижения: возможность свободно выезжать за рубеж и возможность получать информацию без всяких ограничений⁹. Все остальные результаты перестройки были оценены отрицательно или скептически.

На этом фоне и возникает вопрос: надо ли было так провести перестройку, а затем и реформы 1990-х, чтобы все основные ее параметры – и в экономике, и в социальной жизни – не были достигнуты? В конечном счете, даже названные достижения (поездки за границу) используют не так уж много людей, да и гласность имеет в настоящее время весьма специфические особенности реализации.

Поэтому употребление А. Ципко оценок типа «распятая перестройка» никак не соотносится с тем, *как и чем* жил и продолжает жить народ. Это выражение скорее относится к внешне бурной дискуссии некоей группы людей, стремящихся доказать, что их суждения и впрямь имеют отношение к реальной жизни. На самом деле это «буря в стакане». Ни один из них, в том числе и А. Ципко, не обратился к тому, что было в действительности, предпочитая строить свои выводы и рассуждения исключительно на основе личного восприятия событий тех лет.

⁹ Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). Т.1. М.: Новый Хронограф. 2016. С. 164.

Именно поэтому перестройку можно назвать, не нагнетая излишних страстей, несостоявшейся политикой, которая своим порокам обязана вопиющему противоречию между провозглашенными (прекрасными!) целями и средствами их реализации (не научными, ошибочными и даже примитивными). И пожалуй *самый главный вывод* – *народ всегда надо слушать и слышать*. Даже в тех ситуациях, когда он по тем или иным причинам заблуждается. Только на этом принципе можно и нужно строить государственную политику.

Внимание читателей журнала «МИР ПЕРЕМЕН»

Журнал «Мир перемен» доступен в электронном виде.

На сайте Научной электронной библиотеки www.eLIBRARY.ru можно приобрести журнал целиком или заказать отдельную статью. Выпуски по 2017 г. включительно, а также все аннотации находятся в открытом доступе.

Как организации, так и частные лица могут осуществить подписку на электронную версию журнала «Мир перемен» – отдельные выпуски или годовые комплекты.

Телефон Научной электронной библиотеки: +7 (495) 544-24-94

Телефон редакции: +7 (499) 724-15-19

Л. Энзель

СМЕЛОСТЬ БЫТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ, ИЛИ ИМЕЙ СМЕЛОСТЬ НЕ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ СВОИМ РАЗУМОМ

*Лишь презирай свой ум да знания светлый луч -
Все высшее, чем человек могуч;
Пусть с чародейскою забавой
Тебя освоит дух лукавый, -
Тогда ты мой, без дальних слов!
И. Гете. «Фауст».*

Заявление американского президента Д. Трампа о том, что он, вопреки рекомендациям врачей, стал принимать антималярийный препарат в качестве профилактики от коронавируса, послужило для нас поводом для рассмотрения двух важных вопросов. Во-первых, относительно «качества» и обоснованности решений, которые часто принимают политические лидеры, предпочитающие жить в «альтернативном мире» своих личных представлений и комплексов. Во-вторых, в более широком смысле, не угрожает ли миру в эпоху «постмодернизма» опасность, что объективное знание, просвещение и наука будут принесены в жертву потребностям конструирования «постфактической» реальности и политических манипуляций.

Американская рулетка

19 мая изумленные слушательницы и слушатели радиостанции *Deutschlandfunk* ненадолго застыли с открытыми ртами, когда в «Утренней информации» услышали следующее сообщение:

Президент США Д. Трамп публично заявил, что он принимает противомаларийное лекарство в целях профилактики возможного инфицирования коронавирусом. Тем самым игнорируя оценки

Лео Энзель – доктор, конфликтолог. Университет Ольденбурга (Германия).

экспертов, считающих, что оно может вызвать опасные для жизни нарушения сердечного ритма. Проведенные специалистами исследования гидроксихлорохина не доказали его эффективность против COVID-19. Д. Трамп говорил, что его врач не рекомендовал ему данное средство. Но он слышал о нем много хороших отзывов.

Издание *Telepolis* приводит слова президента: «Кажется, оно действует. Может быть, это так, может быть нет...».

В наше время никогда не знаешь, что речь идет не о фейке, а о простой старомодной истине, которая определяется как соответствие между высказыванием и фактом. Самый могущественный мужчина в мире игнорирует экспертное предупреждение об опасных побочных действиях препарата, он игнорирует эмпирические исследования, которые до сих пор не смогли доказать его действенность, но как совершеннолетний первый гражданин своего государства он на свой страх и риск назначает себе лекарство, так как «слышал много хороших отзывов» о нем, и потому оно, возможно, возымеет действие. А может и нет!

Каждый человек – не только художник, согласно Благой вести, провозглашенной Й. Бойсом¹ несколько десятилетий назад, но, – слушайте и удивляйтесь, – врач! При этом без многолетнего университетского или клинического образования. Еще пару лет назад это не воспринималось бы даже в качестве плохого анекдота!

Невольно возникает вопрос, какие же еще решения будет принимать этот президент, так как он о том или другом «слышал много хорошего»... Может быть, и взрыв атомной бомбы имеет действие – а может быть и нет! Иными словами, тот, кто в худшем случае может быть хозяином бытия или небытия всей планеты, в вопросах жизни и смерти, выступает за «решительное может быть!» Так может быть, при наличии крайне большой доброй воли и чуточки предшествующего философского образования, оригинальное самоназначенное Д. Трампом лекарство рассматривать как просвещенное действие, как выход из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине, как акт освобождения от ставшей невыносимой экспертократии?

Нет, нельзя! Послушаем еще раз классическую формулу, в которой философ из Кенигсберга раз и навсегда определил слово «просвещение»: просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого, т.е. отсутствие мужества самостоятельно принимать решение. «Имей мужество пользоваться собственным рассудком!» – таков, следовательно, девиз Просвещения.

¹ Йозеф Бойс – немецкий художник, один из главных теоретиков постмодернизма (Прим. ред.).

Президент США не то что использовал свой рассудок без чье-либо руководства удалить, он попросту, не рефлексируя, осуществил на деле то, о чем «уже слышал много хорошего». Кто рассказывал эти истории, и верны ли они? Д. Трамп проявил смелость не использовать рассудок, тем самым в отношении своего здоровья он практиковал не русскую, но американскую рулетку. «Не решайся быть мудрым!» – гласит его антипросветительский девиз.

Полностью в духе Мефистофеля этот человек презирует разум и науку и «с чародейской забавой» позволяет «духу лукавому» руководить собой. При этом еще и считает, что он великий. Искуситель Фауста одержал победу!

Но Трамп не один такой.

Пеппи вместо логики! – Наслаждение иррациональностью

«Против глупости даже Боги напрасно воюют!» – этот вздох пронизывает тысячелетия мировой истории. Но почему Д. Трамп и другие так охотно пребывают в своем несовершеннолетии? Ответ И. Канта сегодня столь же актуален, как и почти 240 лет тому назад: «Леность и трусость – вот причины того, что столь большая часть людей, которых природа уже давно освободила от чужого руководства, все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними, по этим же причинам так легко другие присваивают себе право быть их опекунами. Ведь так удобно быть несовершеннолетним!».

Так оно и есть. Вместо занятия наукой, усовершенствования мыслительной способности или даже взятия на себя знаменитого «напряжения понятия», конечно, более удобно смастерить собственную логику, как это сделал президент США, и вместе с единомышленниками из соответствующего пузыря фильтров, наподобие Пеппи Длинныйчулок, воображать себе мир таким, как им хочется! Но вызовы рациональности – ничто иное, как вызовы самой реальности, которая, будучи настырной, просто не хочет подчиняться логике Пеппи. С этим еще в античности сталкивались деспоты наподобие персидского великого царя Ксеркса, когда море осмелилось разрушить новый, только что построенный мост через Геллеспонт. После этого кипящий от негодования Ксеркс, согласно Геродоту, вел себя, как злобная Пеппи Длинныйчулок: велел наказать непослушные волны 300 ударами плетью и, чтобы заковать бурную стихию, опустил еще и кандалы в открытое море.

Нельзя не видеть параллели с реакцией некоторых современников, которые в связи с пандемией COVID-19 критикуют не соразмерность некоторых отдельных мер, а опасность вируса или, как недавно президент Белоруссии, отрицают даже само его существование. Как отметил физик и юрист А. Унцикер, «здесь у меня возникает ассоциация

с трехлетним ребенком, который упрямо бросается на пол и ругает своих родителей, так как на день рождения пошел дождь. Но реальный мир состоит не только из солнечного света, тем более не в XXI в.».

Однако лень мыслить и «смелость быть несовершеннолетним» отнюдь не новость. Тот же прием использовали нацисты, внедряя в сознание масс максимуму «Будь достаточно сильным, чтобы не захотеть быть личностью!», таким образом пытаясь привить своему народу вкус к добровольному самонивелированию.

Постфактическое

22 апреля 2017 г. более, чем в 600 городах по всему миру, впервые состоялся международный «March for Science» («Марш за науку»). Это была крупная демонстрация за ценность научных исследований и науки, против «альтернативных фактов», или «постфактической эры». Необходимость в организации подобного шествия свидетельствует об опасной духовной ситуации в мировом сообществе.

Стратегия антипросветителей всегда начинается с низведения фактов и истин до уровня мнений. Ложное высказывание, а попросту ложь, обладало бы тем же правом на признание, как сама истина, что привело бы все правосудие на этой планете в устаревшую систему.

При последовательном применении данного принципа Холокост либо имел место, либо нет; мы толерантны и имеем право на свободу мнений, хотя они могут противоречить историческим фактам. То же самое можно сказать о противомаларийном лекарстве: помогает от COVID -19 – или нет.

Правильное и ложное, истинное и не истинное больше не существуют – зато хвала плюрализму и толерантности!

«Постфактический» синдром идет еще на один шаг дальше. Он означает не просто «ложь» – он, как «осознанная неправда», все-таки был бы еще косвенным преклонением перед истиной, но здесь «достоверные факты не принимаются во внимание». Согласно лозунгу: «Я не интересуюсь изменением климата, соответственно, я и от него могу ожидать, что он мною не интересуется».

Но и здесь есть как академические, так и политические предшественники. Идея вольно распорядиться фактами соответствовала, например, логике сталинских политбюро, согласно которой издавался не приказ, что ныне дважды два должно быть семь, а что дважды два всегда было семь! Из-за чего государство последовательно все больше мутировало в «страну с непредсказуемым прошлым».

Более благородный академический вариант в конце XX в. был представлен научно-теоретической модой на радикальный конструктивизм, который в крайних вариантах дорос до солипсизма (представления, о том, что мир существует исключительно в собственном сознании),

а также разного рода постмодернистские парадигмы, настолько массивно нападающие на понятие истины, что в конце концов от него почти ничего не осталось. Первенство здесь в очередной раз за особо красноречивыми французскими интеллектуалами, про которых, как показал физик А. Сокал, в конце концов никто не знал, что они создали – гениальные произведения или просто ерунду. Неудивительно, что при наличии такого количества «элегантной бессмыслицы» ворота были распахнуты для научного шарлатанства и политических демагогов всякого рода (к сожалению, знаменитое дитя, которое говорило о том, что король гол, среди общественности никогда не появилось).

Короче: пользу из постмодернистского разрушения понятия истины сегодня в одинаковой степени извлекают Д. Трамп, рейхсбюргеры², чудо-исцелители, эзотерики, противники прививок, уфологи, антропософы.

Ум – это круто!

Но может быть наш мир все же не столь прозрачен, как нас хотят убедить при помощи интеллектуальных сальто-мортале шарлатаны, переодетые под ученых. Естественные науки, не в последнюю очередь, при всех рисках и побочных последствиях, говорят на другом языке.

Общее правило: что-то не так везде, где острое мышление, образование и логика, где «разум и наука», при помощи каких бы то ни было аргументов презираются или даже объявляются устаревшими. Тот, кто хочет нас одурачить, хочет над нами господствовать. Тот, кто хочет нам запретить мыслить самим, хочет «стать нашим опекуном».

Ибо дважды три все же не четыре, а все еще шесть! И земля – шар. И дождь падает сверху вниз. Вопреки всем постмодернистским пируэтам. Пора опять пояснить это не только декадентной, академически-извращенной тусовке интеллектуалов!

В качестве непринужденно наступательного девиза «Просвещения. 2.0», которое становится все более необходимым, как «*Salve aude!*»³ XXI в. предлагаю:

«Ум – это круто!».

² Неоднородное движение отдельных граждан или небольших групп, не признающих ФРГ и ее конституции и утверждающих (в зависимости от политических убеждений) существование Германии в границах либо империи, либо до 1937 г.

³ «Решишь быть мудрым», латынь (Прим. редакции).

ПУБЛИКАЦИИ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОБЛЕМАМ В 2019 г.

Научные доклады:

Лобанов М. М. Проблемы развития Сербии: как «удержаться на гребне» новой волны экономического роста? М.: Институт экономики РАН, 2019. 53 с.

Работа посвящена особенностям современного этапа социально-экономического развития Республики Сербия, выявлению внутренних и внешних факторов, ограничивающих потенциал устойчивого хозяйственного роста и влияющих на индикаторы макроэкономической сбалансированности. Рассматриваются причины и следствия посткризисной трансформации институциональной среды, а также анализируется динамика широкого спектра социально-экономических показателей, что позволяет определить контуры нового хозяйственного уклада.

Князев Ю. К. Индивидуализм и коллективизм в современной экономике. М.: Институт экономики РАН, 2019. 45 с.

Рассматривается соотношение между индивидуализмом и коллективизмом в современной экономике. Исходным пунктом служит признание двойственной природы

человеческой личности, в которой сочетаются два начала – индивидуализм и коллективизм. Дается краткий обзор взглядов некоторых экономистов, указывающих на эволюцию в понимании методологического индивидуализма и об уязвимости этого основополагающего принципа. В последующих главах характеризуются индивидуальные и общественные интересы, а также частные и публичные блага. Особое внимание уделено роли государства как важнейшей общественной институции. Приводятся соображения о возможности обновления экономической теории, руководствуясь предложенным принципом методологического дуализма.

Орлик И. И., Князев Ю. К. Политическая и экономическая дифференциация Центрально-Восточной Европы. М.: Институт экономики РАН, 2019. 47 с.

Раскрыты процессы политической и экономической дифференциации государств Центрально-Восточной Европы, особенности внутренней и внешней политики отдельных стран, нарастающие противоречия внутри Евросоюза. В связи с изменившейся геополитической ситуацией в мире и нарушением общей международной стабильности вы-

явлены расхождения позиций отдельных государств по ряду острых внешнеполитических проблем. Показана дивергентность важнейших макроэкономических показателей, свидетельствующая о сохраняющейся гетерогенности данного региона под углом зрения социально-экономического и внутривнутриполитического развития разных государств. Актуальность исследования определяется всесторонним анализом относящихся к его теме новейших экспертных оценок и статистических материалов, а также содержащимися в докладе выводами и рекомендациями для российской внешней политики.

Хейфец Б. А. Как модернизировать Евразийский экономический союз. М.: Институт экономики РАН, 2019. 45 с.

Анализируется пятилетний период реализации Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и выделяются основные проблемы его развития на современном этапе. Среди них внешнее давление на ЕАЭС со стороны крупных экономических агентов (Китай, США) и региональных экономических партнерств (Евросоюз), что ведет к размыванию евразийских интеграционных процессов. Внутренними дезинтеграционными факторами служат отсутствие ощутимого прогресса в формировании общих секторальных рынков, опережающий рост новых нетарифных барьеров и исключений из общих правил торговли, увеличение числа торговых и валютных конфликтов. Серьезная проблема – ослабление потенциала России как драйвера экономической интеграции

в ЕАЭС, что указывает на необходимость существенной корректировки модели интеграции в ЕАЭС. Предлагаются новые инициативы и активные действия, которые должны дать ощутимый эффект от существования ЕАЭС для населения и бизнеса.

Шейнин Э. Я. Инвестиционный процесс в странах Центрально-Восточной Европы. М.: Институт экономики РАН, 2019. 48 с.

Актуальность исследования определяется тем, что перед странами ЦВЕ стоят сложные задачи по обеспечению устойчивого роста экономики. Их решение в немалой степени зависит от темпов увеличения инвестиций в основной капитал, повышения нормы инвестиций. Исследованы особенности инвестиционного процесса и инвестиционная политика стран ЦВЕ в условиях геополитической ситуации на европейском континенте. Проведен научный анализ ресурсных возможностей, а также условий для развития инвестиционного процесса в странах региона, источников, на которые он опирается, оценивается роль инвестиций в экономическом росте. Показано место иностранных инвестиций в экономике.

Монографии, брошюры, сборники научных статей:

Азиатский вектор в экономической стратегии стран Центрально-Восточной Европы / Отв. ред. Н. В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2019. 316 с.

Монография посвящена актуальной проблеме формирования мно-

говекторной внешнеэкономической политики стран ЦВЕ, одним из приоритетов которой в условиях кризисной ситуации в Евросоюзе и ослабления экономических связей с Россией выступает расширение торгового и инвестиционного сотрудничества с динамично развивающимися и развитыми странами Азии. Показано, что данная тенденция отвечает более широкому общему тренду – экономической экспансии ведущих азиатских экономик, в первую очередь Китая, в Европе. Выявлены проблемы, возникающие для стран ЦВЕ на фоне роста объемов торговли с азиатскими странами и реализации некоторых инвестиционных проектов. Отражено отношение Евросоюза к нарастающей активности Китая в Центрально-Восточной Европе, в частности, к созданному по китайской инициативе многостороннему формату сотрудничества стран региона с КНР «16+1».

Евразийская интеграция в турбулентном мире / Отв. ред. Л. Б. Вардомский. СПб.: Алетейя, 2019. 288 с.

В монографии подводятся некоторые итоги реализации евразийского интеграционного проекта, анализируются возникающие проблемы, ограничения и возможности, оцениваются эффекты ЕАЭС в сопоставлении с ожиданиями от интеграции, а также ее возможные перспективы. Становление проекта происходило и происходит в неблагоприятных внешних условиях. Несмотря на неизбежные трудности и противоречия, ЕАЭС служит сегодня ядром интеграции на постсоветском пространстве. С ним связаны надеж-

ды на модернизацию экономики стран-участниц и реализацию национальных интересов в экономическом развитии. Успех или неудача евразийской интеграции может повлиять на формат и ход реализации продвигаемого Россией более крупного проекта Большого евразийского партнерства, а также на формат участия в китайском мегапроекте «Один пояс – один путь».

Россия в глобальной экономике: новые вызовы и угрозы. Материалы науч. конф. молодых ученых, 22 ноября 2018 г. / Отв. ред. к.э.н. О. В. Фролова. М.: ИЭ РАН, 2019. 110 с.

Сборник составлен на основе докладов участников ежегодной научной конференции молодых ученых на тему: «Россия в глобальной экономике: новые вызовы и угрозы», состоявшейся 22 ноября 2018 г. в Институте экономики РАН. В статьях рассмотрены современные тенденции и трансформации в мировой экономике, проанализированы новые глобальные вызовы, угрозы и риски, а также возникшие риски и угрозы для России со стороны мирового сообщества, выявлены возможности перехода российской экономики к новой модели устойчивого роста и инновационного развития.

Проблемы экономического роста в странах Центрально-Восточной Европы в условиях новой реальности в мировой экономике / Отв. ред. Н. В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2019. 366 с.

В монографии освещаются факторы, обеспечившие выход ЦВЕ на

траекторию достаточно динамичного экономического роста после глубокого спада в период мирового финансового кризиса и последовавшей продолжительной экономической стагнации. Рассматриваются изменения в экономической политике, источниках экономического роста, внешнеэкономических связях стран региона под воздействием новой, посткризисной реальности в мировой экономике и современных геополитических вызовов. Делается попытка оценить способность прошедшей корректировки экономического курса обеспечить долгосрочное устойчивое развитие стран ЦВЕ, излагается видение необходимых для этого развития дальнейших мер экономической политики.

Толорая Г. Д. У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века / Отв. ред. М. Е. Тригубенко. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2019. 410 с.

Представлены результаты исследований проблем Корейского полуострова с учетом опыта практической деятельности по формулированию и реализации внешнеполитических инициатив России в Северо-Восточной Азии. Вниманию читателей предлагаются фактологические материалы, а также обобщающий анализ ключевых проблем различных исторических периодов.

Характеризуются основные события и тенденции российского взаимодействия с двумя корейскими государствами – КНДР и РК, политическое и экономическое развитие и концепция внешней поли-

тики и практики этих государств, их взаимоотношения. Особое место уделено комплексному анализу процессов негласного реформирования и эволюции социально-экономического устройства КНДР. Дан обзор международных форматов обсуждения ядерной проблемы и ракетных программ Корейского полуострова, многостороннего регионального сотрудничества.

Хейфец Б. А. Новые экономические мегапартнерства и Россия. СПб.: Алетей, 2019. 288 с.

В монографии проанализирована новая тенденция в развитии мировой экономики – трансрегионализация, ведущая к кардинальному переформатированию глобального экономического пространства. Показана специфика формирующихся экономических мегапартнерств, которые служат движущей силой трансрегионализации. В связи с развитием конкурентного регионализма обоснован переход к качественно иному типу неформальной глобализации, где важнейшую роль будет играть глобализация потребителей. В соответствии с этим характеризуются изменения в стратегиях бизнеса, выделены проблемы, которые могут возникнуть при переходе к новой системе международного разделения труда. Обосновываются серьезные риски для России, обусловленные развитием трансрегионализации, и пути их смягчения, в том числе с помощью создания новых экономических альянсов. Рассматриваются наиболее перспективные экономические союзы России, проблемы и возможности их развития.

Акаев Аскар Акаевич – иностранный член РАН, первый президент Кыргызской Республики

Бодрунов Сергей Дмитриевич – доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества

Геец Валерий Михайлович – академик, вице-президент НАН Украины, директор Института экономики и прогнозирования НАНУ

Горбачев Михаил Сергеевич – президент Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев–Фонд), генеральный секретарь ЦК КПСС (1985–1991 гг.), президент СССР (1990–1991 гг.)

Грачев Андрей Серафимович – кандидат исторических наук, советник и пресс-секретарь первого президента СССР.

Гэлбрейт Джеймс К. – профессор Школы государственного управления имени Линдона Б. Джонсона, Техасский университет (США)

Земан Милош – президент Чешской Республики

Илиеску Ион – депутат парламента Румынии, президент Республики Румыния (1989–1996, 2000–2004 гг.)

Колодко Гжегож В. – доктор экономических наук, профессор, директор Центра TIGER, первый вице-премьер и министр финансов правительства Польши (1994–1997 гг.; 2002–2003 гг.)

Лебедев Александр Евгеньевич – доктор экономических наук, президент Национального инвестиционного совета, председатель Совета директоров ЗАО «Национальная резервная корпорация»

Михник Адам – главный редактор «Газета wyborчей» (Польша)

Некипелов Александр Дмитриевич – академик РАН, директор Московской школы экономики, факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Никитенко Петр Георгиевич – академик НАН Беларуси

Прунскиене Казимира – доктор экономических наук, профессор, депутат Сейма Литовской Республики

Скидельский Роберт – член палаты лордов парламента Великобритании, профессор Уорвикского университета

Сулейменов Олжас Омарович – поэт, писатель, литератор, общественно-политический деятель, Постоянный представитель Казахстана при ЮНЕСКО

Тишendorф Фальк – адвокат и управляющий партнер Московского офиса Байтен Буркхардт (ФРГ)

Чарногурский Ян – доктор, адвокат, заместитель премьер-министра, министр внутренних дел Чехословакии (1989 г.), первый заместитель премьер-министра, премьер-министр (1990–1992 гг.) правительства Словакии

Эрлер Гернот – депутат фракции СДПГ в Бундестаге, координатор по отношениям с восточными странами в МИД ФРГ

R. Grinberg

What Will Be the New Model of Economic Development?

COVID-19 pandemic has intensified the search for a new economic model for the contemporary world. Until recently the world had no doubts about what kind of economy was the most efficient – only market. Today all this is in question.

Post-Pandemic World and Russia: New Reality? (MAEF-2020).

Prominent Russian experts reflected on the impact of the COVID-19 pandemic on the global political, economic and social situation, as well as how serious the economic crisis, caused by the virus, had affected the main areas of the Russian economy and social sphere.

S. Bodrunov

On the Way to Noonomy: Man, Technology, Society

The author analyzes the fundamental provisions of the concept of a new industrial society of the second generation (NIO.2) and noonomics, postulating the transition in the future to a new awareness of a person's existence, values and tasks.

P. Raimondi

BRICS in the Face of the Global System Crisis

The author analyzes to what extent the BRICS member countries are ready to fend off the threats of a new global systemic crisis.

G. W. Kolodko

The Great Chinese Transformation: From “The Third World” to “The First”

In an era of irreversible globalization, the world's economic and political rules of the game must take into account the growing importance of China. Necessary not to fight with it but pragmatically cooperate.

I. Orlik

Central and Eastern Europe: Completion of Post-Socialist Transformation

30 years ago the countries of Central and Eastern Europe (CEE) began an internal struggle to establish a socio-economic structure, as it seemed, according to the Western European model. Have they reached the coveted Western standards?

E. Kaloeva

How History is Written under Post-Socialism

“The politics of history” of each state contains two interrelated aspects, one of which consists in solving problems of domestic politics, and the other is important for the interpretation of international relations. The author analyzes to what extent this statement corresponds to the practice of different countries, united by their common socialist past.

I. Novikova

Systemic Crisis of the World Economy or the Crisis of the System?

The systemic crisis, about which economists talked for several decades, “suddenly” clearly manifested itself in the context of the COVID-19 pandemic. The author explores what is the connection between these two phenomena? How and where can we find a place in these processes?

O. Karosa, A. Potemkin, M. Rothschild

How the Investment Sector is Holding Back the Growth of the Russian Economy

The modernization of the Russian economy, with the current mentality of Russian society and state investment development institutions, is very problematic. It will happen only when the state authorities really need a qualitative leap in economic growth.

J. Ogilvy

Universal Basic Income and Radical Populism

The protracted global economic crisis has highlighted the need for early implementation of collective and coordinated measures to overcome extreme poverty and to raise the income level of the poor to the average minimum. The author examines possible scenarios for overcoming class and economic inequality.

B. Nolan and D. Weisstanner

Universal Basic Income and the Pandemic: What Will Change?

The COVID-19 pandemic not only prompted the need to seek solutions to numerous urgent problems, but also demanded an answer to the question of how we would like to see the world after its end. The authors explore the question of what impact the current crisis might have on the debate over the UBI.

Interface of Integration Processes in Europe and in Asia (*international scientific conference*)

Participants focused on the political, economic and regional cooperation of integration associations of various types, primarily the Eurasian Economic Union and the European Union, as well as on their interaction with other partners in search of answers to the global challenges of our time.

B. Islamov, D. Islamov, S. Primova.

The Role and Place of Uzbekistan in the Implementation of the “One Belt One Road” Initiative

The article examines the impact of China’s project “One Belt-One Way” on the development of transport infrastructure, trade, tourism and investment as well as on integration of the Uzbekistan into the world economy. On the whole, in the opinion of the authors, benefits for all participants will significantly prevail the risks.

J. Mladek

30 Years Later: How the Visegrad Four Succeeded in Post-Socialist Transit

What transformation has the Visegrad Four gone through during this time, what are its relations with its closest neighbors and with major world powers, what place does it occupy in the European Union, what is its role in making key decisions within European politics?

J. Toshchenko

The People Are Always Right, Even When They Are Wrong

The author evaluates the events of the second half of the 1980s, which entered our history, as *perestroika*, using specific statistical data and the results of sociological surveys. He argues with those publicists who promote in the consciousness of society an exclusively personal assessment of those events.

L. Ensel

The Courage to Be a Juvenile, or Have the Courage Not to Use Your Mind

The author analyzes the “quality” and validity of decisions that are often made by political leaders, who prefer to live in an “alternative world” of personal perceptions.

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ ОРЛИК

04.11.1925 – 22.04.2020

С глубоким прискорбием сообщаем о скоропостижном уходе из жизни коллеги и друга, талантливого ученого, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, ветерана Великой Отечественной войны Игоря Ивановича Орлика. Огромная потеря для всех, кто знал этого светлого человека.

Он родился в деревне Колбасное Рыбницкого района Молдавской АССР в семье сельского учителя и медсестры. Война застала Игоря Ивановича в городке Балта на севере Одесской области 15-летним подростком. С августа 1941 г. по март 1944 г. он находился на оккупированной немецко-румынскими войсками территории, где сразу вошел в ряды подпольщиков. Вместе с товарищами, в условиях жестокого террора и смертельной опасности, распространял листовки со сводками Совинформбюро, собирал оружие и боеприпасы, создавал опорные базы для вооруженной борьбы с захватчиками. После освобождения Балты в марте 1944 г. Красной Армией Игорь Иванович вступил в ее ряды. Участвуя в тяжелых сражениях, он прошел сотни километров по фронтовым дорогам Молдавии, Румынии, Венгрии и Чехословакии, а затем участвовал в разгроме японских милитаристов на Дальнем Востоке.

Фронтальная закалка, умение побеждать помогали Игорю Ивановичу и в мирной жизни. Он всегда был на переднем крае – и когда с блеском учился в МГУ имени М. В. Ломоносова, и когда почти семь десятилетий трудился и занимал руководящие посты в институтах Академии наук – ФБОН (ныне ИНИОН), ИМЭМО, ИЭМСС, ИМЭПИ, Институте экономики. Он стал крупнейшим специалистом в области истории и внешней политики стран Центрально-Восточной Европы, получив широкое признание в нашей стране и за ее пределами. Ему принадлежат многочисленные научные труды, он подготовил сотни специалистов в МГУ, МГИМО, РУДН, Дипломатической академии МИД РФ и других учебных заведениях страны.

И. И. Орлик выступал как автор статей в журнале «Мир перемен», членом редколлегии которого состоял со дня основания.

Родина оценила заслуги И. И. Орлика, удостоив его высокими боевыми и трудовыми наградами: орденом «Отечественной войны» II степени, медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги», почетным знаком «Фронтовик», более чем 15-ю «Благодарностями Верховного главнокомандующего» за участие в ключевых фронтовых операциях, Орденом «Трудового Красного Знамени», многими юбилейными медалями и грамотами. Правда, дороже всего его сердцу всегда оставался «Партизанский билет №9753».

Нам будет очень не хватать этого незаурядного, доброго, порядочного, умного и необыкновенно симпатичного голубоглазого человека. Светлая память о нем навсегда останется с нами.

Редакционная коллегия